

DESTINY OF THE HOLOCAUST

גורל השואה

גורל השואה

СУДЬБЫ ХОЛОКОСТА

● СУДЬБЫ

● ПРАВЕДНИКИ МИРА

● СУДЬБЫ

● МЕМОРИАЛЫ

● ДЕТИ ХОЛОКОСТА

● ГЕРОИЗМ

● ПАМЯТЬ

● ОБРАТНАЯ СВЯЗЬ

● «МАЙН ШТЭТАЛЕ»

● БИБЛИОТЕКА

ПАМЯТЬ

Я был в Бухенвальде,
Я слышал набат.
Я тысячи видел
свечей.
Чернели бараки,
застывшие в ряд,
Впитавшие стоны
людей.
Тех стоны, кто дымом
ушел в небеса,
И пепел чей
ветер разнес.
Омыли там травы,
сады и леса
Соленые росы
из слез.
Я был в Бухенвальде.
Там тысячей прах.
А рядом, где Веймар
в цвету,
Звучали и Гете,
и Шиллер, и Бах
От бездны –
всего за версту.
Я был там, где кровью
истек Бабий Яр,
Где, кажется,
дышит земля.
Сквозь годы над Яром
витают кошмар,
Те жертвы забыть
не веля.
Я не был в Освенциме –
был там мой внук,
И сердцем я тоже
был там,
Где люди, прошедшие
адский круг,
Взывают
из вечности
к нам.

Самуил ШУМАХЕР

Это нужно тебе самому

Если в журнал не пишут читатели, значит — он мертв. Это аксиома. Не требует доказательств и то, что проще всего получить отклик на издание, в котором есть развлекательные рубрики: головоломки, анекдоты, мода, рецепты экзотической кухни, реклама от модных фирм, пикантные сплетни о звездах эстрады и о всяческих других людях, известных публике по тем или иным причинам.

Не отрицаю, что в будущем мы тоже собираемся подумать о том, как помочь нашим читателям приготовить вкусное и экономное блюдо, к кому проще обратиться за советом о поддержании своего организма в здравии и бодрости, как сделать досуг интереснее и содержательнее, где и как приобрести красивую и удобную одежду. Это долг журнала, по — возможности украсить повседневный быт наших читателей и членов их семей. В этом отношении мы с радостью примем советы, пожелания и предложения и самих читателей.

И все-таки — главная наша задача — это СУДЬБЫ людей. И сохранение памяти о том, чего забывать не просто нельзя, но и смертельно опасно для настоящего и будущего как еврейского народа, так и любого другого общества людей на планете Земля. Журнал «Судьбы Холокоста» еще совсем младенец, но проблемы, которые он призван поднимать — настолько глобальны и необходимо важны, что, естественно, автора этого проекта с самого начала не покидало беспокойство о судьбе издания. При одной мысли о возможности остаться не услышанной можно впасть в жесточайший депрессионный вакуум. Поэтому что ведь речь идет о судьбах миллионов людей Планеты, а не о моей личной судьбе. И все-таки — дело касается именно меня — меня лично. Я историк. Много лет назад передо мной встала эта цель: Увековечить. Внести посильную лепту в дело, которое все еще, несмотря на прошествие годов, не только нераскрытая дверь к правде, но наоборот, — дверь, которую всё явственнее пытаются плотно и накрепко закрыть, а ключ потерять: «Нет Холокоста, и не было». Я прошла нелегкий путь, прежде чем читатель смог увидеть первый номер журнала. Слова Юлия Штерна: «Память невозможно купить никакой валютой» — оптимистичные слова, и в то же время они все-таки достаточно зыбки, потому что деньги нужны не столько для того, чтобы купить память, сколько для того, чтобы дать реальную возможность этой памяти не молчать. Дать ей голос. Дать ей слово не в клубах для таких, как они сами, рассказывать друг другу о пережитых ужасах массового уничтожения евреев, не даже в интернете, поскольку многие из них не владеют компьютерами, а в прессе, в специальном журнале. Проблема даже не в тех, кто сознательно желает стереть окончательно правду о Холокосте, потому что возрождение воинствующего антисемитизма возможны только в том случае, если поколения забудут как вообще несуществующее — зверства предыдущей Катастрофы. Дело не в них даже. А в страусином приспособленчестве обывателя, прячущего голову в песок забывтья и не желающего больше слышать об ужасах Второй Мировой войны. «Кто будет читать этот журнал? — Пугали они меня, — кому станет выгодно финансировать его?» Были и такие, кто, не стесняясь нетактичности, намекал мне на мой возраст («Пора остановиться!») и на преклонные года переживших Холокост («Кто захочет ворошить прошлые ужасы?»). Но я встречаюсь с этими людьми, и понимаю, что те, кто по счастливой случайности остался в живых, кто не стал пеплом, кто вышел из ада, они живут с нами рядом. Мы каждый день видим их, мы проходим мимо и не понимаем порой, как важно слушать и слышать. Как важно это не только для них, но и для нас. Для их детей, внуков, правнуков. Я поняла, что мало просто слушать и сострадать. Следует сделать это бесценное наследие достоянием широкого круга читателей, чтобы надежным хранилищем этих уникальных воспоминаний живых свидетелей — были души современников настоящих и будущих поколений. Только так: хранить и передавать из поколения в поколение. Только так можно сохранить память. «Сегодня мало говорить о вине германских нацистов за содеянное, сегодня важно понимать об ответственности каждого, каждого в отдельности и вместе всех народов, живущих на земле, об ответственности всего мира за будущее» (В. Гроссман).

«Если не я, то кто?» — это не совсем полный постулат, которому учит нас Тора. Твердо решив не отступать от создания журнала «Судьбы Холокоста», я вскоре поняла, что это нужно — прежде всего, мне самой. Иначе не уляжется в сердце боль о прошлом, не утихнет тревога за будущее. Надо, чтобы человек понял: выполняя святой долг памяти, он заставляет трудиться свою душу. Значит это нужно, прежде всего — ему самому.

«ЕСЛИ НЕ Я — ДЛЯ СЕБЯ, ТО КТО — ДЛЯ МЕНЯ? А ЕСЛИ Я — ТОЛЬКО ДЛЯ СЕБЯ, ТО КТО Я?»

И я не боюсь остаться не услышанной. Порукой тому — отклики читателей, которые вы прочтете в рубрике «Обратная связь». Приветствую каждого, кто, взяв в руки наш журнал, совершает нелегкий, но такой необходимый шаг к душевному сопричастию с теми, о ком он повествует.

Людмила Барановская
Автор и руководитель проекта «Судьбы Холокоста»

Автор и руководитель проекта

«Судьбы Холокоста»

Главный редактор

Людмила Барановская

054-5289092

.....

Исполнительный редактор

Тамара Кримонт

Студия дизайна

KR DESIGN

050-2720308

СОДЕРЖАНИЕ

Ночью нас окружают тени мертвых. Горе тому, кто забудет! Горе тому, кто простит!... Предрассудки распространяются быстрее, нежели познания... микробы путешествуют без виз и без лицензий. Да не заразит мертвец ни единой живой души!

И. Эренбург

СУДЬБЫ

- 6-13** стр. **ИМПОРТНЫЕ ТАПОЧКИ**
14-19 стр. **ЖИЗНЬ УБЕДИТЕЛЬНЕЙ РОМАНОВ...**
20-21 стр. **ЖИВЕМ И ПОМНИМ...**
22 стр. **ШИМОН ИЗ КОПАЙГОРОДА**

ПРАВЕДНИКИ МИРА

- 23-27** стр. **ЕГО ИМЯ ДОЛЖНЫ ЗНАТЬ**

СУДЬБЫ

- 28** стр. **ЧУДОМ УЦЕЛЕВШИЕ**
29-33 стр. **КТО СКАЖЕТ, ЧТО В МИРЕ НЕ БЫВАЕТ ЧУДЕС?**

МЕМОРИАЛЫ

- 34-35** стр. **ШТУТГАРТСКИЙ СЕВЕРНЫЙ ВОКЗАЛ**
36-37 стр. **ШЕЛЕСТИТ ЛИСТВОЙ**
БЕРДИЧЕВСКАЯ РОЩА

ДЕТИ ХОЛОКОСТА

- 38-40** стр. **ДВА ЕФИМА:**
ЮНЫЙ ПАРТИЗАН ХАИМ.
40-41 стр. **ОДИННАДЦАТИЛЕТНИЙ ПАРТИЗАН.**
42-43 стр. **О МАРКЕ ШТЕЙНБЕРГЕ**

СОДЕРЖАНИЕ

ГЕРОИЗМ

44-45 стр. СЛАВНЫЕ НАСЛЕДНИКИ «МАССАДЫ»

ПАМЯТЬ

46-47 стр. «И ДОЛГО ВИТАТЬ НАД ЖИВУЩИМИ
БУДЕТ УЛЫБКА МОЯ»

48-49 стр. ПИСАТЬ, ЧТОБЫ ЖИТЬ

ОБРАТНАЯ СВЯЗЬ

50-52 стр. ВСТУПИТЕЛЬНОЕ СЛОВО
«Я НЕ ЕВРЕЙКА»
«ТОЧКУ СТАВИТЬ РАНО»
АРЬЕ БЕН-ЯКОВ (ЛЕОНИД КЕССЛЕР)
ЕВРЕИ МОЕГО ДЕТСТВА
САРА ТОВА.

ЭДУАРД ХАСАНОВ

53 стр. РЕЦЕНЗИЯ

54 стр. НЕУЖЕЛИ МИР ОПЯТЬ ПРОМОЛЧИТ?

«МАЙН ШТЭТАЛЕ»

(НОВАЯ РУБРИКА)

55-56 стр. «МАЙН ШТЭТЛ» - ПОПУЛЯРНАЯ ПЕСНЯ

БИБЛИОТЕКА

57-59 стр. «ЕВРЕИ, ИУДАИЗМ, ИЗРАИЛЬ»
(ГЛАВЫ ИЗ КНИГИ)

Пусть мать, потерявшая самое
дорогое — сына, в день побе-
ды, теперь уже близкий, ска-
жет: не напрасно пролилась
кровь моего мальчика —
Майданека больше не будет.

Илья Эренбург

Импортные

Ольга Шушакова-Гамарник

Для моего поколения война — это уже история. Но история -это чья-то жизнь, и бывает так, что совсем неожиданно история становится твоей жизнью ...

Историю о том, как выжила во время войны семья моего мужа, я узнала много позже, а сначала...

Самый умный мой одноклассник сделал мне предложение. И вот уже две недели, как я замужем! Я счастлива! И, по-моему, не только я. Мой муж тоже счастлив, счастливы наши родители, в общем, счастливы все и даже соседская собака. Мне кажется, что при встрече она мне улыбается, может, это потому, что я сама всем улыбаюсь! Но все равно, в знак уважения к «соседке» я приношу ей косточки с мясом.

В субботу у папы моего мужа день рождения. Правда, он не сильно радуется по этому поводу, но все готовятся к этому дню, и мне тоже хочется сделать ему подарок. Приятный и полезный. Я уже решила подарить папе домашние тапочки. Я заметила, что он ходит дома в мокасынах. Развязывать-завязывать, это же такая морока! Намного удобнее тапочки-шлепанцы. «Вот бы купить, — думала я, — мягкие и, конечно же, импортные тапочки, в смысле красивые и качественные. Вернее, их надо было достать. В советское время, а тогда было именно такое время, что-нибудь ненужное можно было купить свободно, а вот нужное — только достать. А уж импортные тапочки, нужные абсолютно всем, и достать-то было сложно, потому как ответственные за народные блага, наверное, считали, что в наших краях тепло, а по сему мы и босиком можем дома ходить. Но у меня все же была надежда достать тапочки. В ЦУМе (Надеюсь, еще не забыли, что ЦУМ- это центральный универмаг) работала моя хорошая знакомая, да еще в обувном отделе. Я ей писала контрольные: она училась на заочном отделении института советской торговли. Поступив в институт, она сказала, что я просто обязана ей помочь, иначе она не сможет учиться, а если она не будет учиться, её выгонят с работы, потому что она не пройдет аттестацию. Я, надо сказать, была крайне удивлена её решением, у меня вообще-то другая специальность: где тугоплавкие неметаллические соединения и где товароведение промышленных товаров! Но она вполне логично заметила: «А ты представь, что ты сама поступила и тебе самой надо писать контрольные». Поскольку все это я «представляла» уже третий год, то вполне была уверена, что тапочки мне обеспечены. А так как не только моя знакомая училась, моими услугами пользовались и другие работающие в ЦУМе студентки, поэтому

Вигдор Гамарник. Дед всегда тяжело работал и никогда не думал, что вся его жизнь – это подвиг.

Сара – Сурка Гамарник, в девичестве - Кримонт. «Главный инженер» деда.

ТАПОЧКИ

(документальный рассказ)

у них я тоже была свой человек. Так, что я смело ехала за тапочками. Но, поднявшись на второй этаж, я поняла, что «план Барбаросса» в очередной раз с треском провалился. На входе в обувной отдел висела табличка «Комплексная ревизия», а это значит, что и отдел, и склад, были закрыты на ревизию одновременно.

Что делать? Мне же нужны тапочки! Пока я ехала в ЦУМ, я представляла себе какими красивыми и мягкими должны быть тапочки. Я даже представила, как папе будет удобно их носить и, вообще, я уже сроднилась с мыслью, что я подарю папе именно тапочки. А про ревизию, я думать не думала.

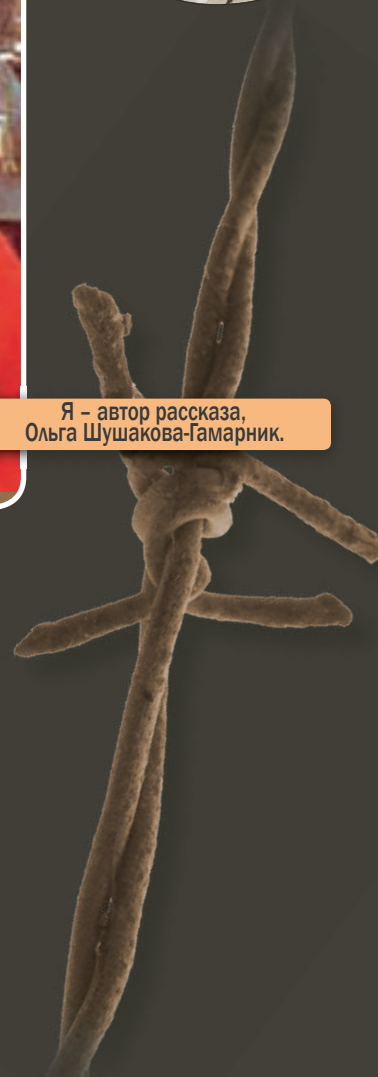
Увидев мое безнадежное расстройство, на выручку пришла другая моя знакомая, из отдела мужской одежды. Она предложила мне мужской банный халат. Стопроцентный хлопок, синяя, серая и голубая полоски и нежнейшая мягкость. Увидев халат, я сразу представила в нем моего горячо любимого мужа, но тогда папа опять оставался без подарка. И я инстинктивно спросила: «А еще один можно»? То ли, учитывая мое полное в прошлом безразличие к отделу мужской одежды, то ли мой вклад в дело народного образования, мне великодушно был продан еще один халат. И он был еще краше первого! Вместо серой, во втором халате была белая полоска. Моей радости не было предела.

«Сейчас еще забегу к подруге, она вчера вернулась из командировки, из Москвы, заберу свои заказы и домой». Мне не терпелось обрадовать мужа и увидеть его реакцию на купленный папе подарок. К подруге я зашла вовремя. Разбор покупок — самый приятный по результативности итог всех наших командировок.

Весь приобретенный подругой дефицит был уже разложен на кровати и приготовлен к раздаче. Войдя в комнату, первое, что я увидела это тапочки. Мужские тапочки! Четыре пары!

Я – автор рассказа,
Ольга Шушакова-Гамарник.

Давид, Эстер, Вигдор, Клара – племянница Сурки, сама Сурка. В доме деда и бабушки всегда кто-то был, ей обязательно надо было о ком-то заботиться и первым делом накормить.

Подруга уже год была замужем и потому тапочки предназначались двум папам, мужу и брату.

Вельветовые темно-синие тапочки, с пушистой, цыплячьего цвета, внутренностью, являли собой воплощенную в реальность мою мечту и как нельзя лучше, дополняли мой подарок.

— Ира-а-а-а!

Мой истощенный вопль вместил в себя мольбу, требование и обещание всего, чего угодно: «Полцарства за тапочки»! Подруга мельком глянув в мои глаза, без слов поняла все и сразу.

— Олежек, — строгим голосом сказала она, — твои тапочки мы отдаем Ольге.

— К-а-к? — попытался возмутиться её муж.

— Как-как, очень просто. Я думаю, ты еще помнишь, что две недели назад девушка вышла замуж и ей нужно вливаться в семью, а в субботу у её свекра день рождения. Но ты сильно не расстраивайся, тебе Ольга достанет туфли, такие же, как у её мужа. Про меня Ира знала всё, она знала не только, какие у моего мужа туфли, про мои связи с ЦУМом ей тоже было известно.

Безумно счастливая я вернулась домой и, не дождавшись субботы, раздарила все подарки.

Облачившись в подарок, мой частично довольный муж, валяжно развалился в кресле и, поглаживая мягкие махрушки на шалевом воротнике халата, бурчал, выражая свое недовольство больничной расцветкой халата и еще несправедливым распределением благ: почему ему, самому родному и любимому, не достались тапки. И теперь из-за этого, в его утренней спецодежде наблюдается некомплект и отсутствие гармонии. Чуть погодя из спальни вышел папа в халате и ... в мокасинах, а тапочки он почему-то держал в руках.

— Олечка, спасибо за подарок, халат замечательный и как раз кстати, и расцветка хорошая, а вот тапочки пусть носит Саша. Я не очень люблю тапочки, а тем более шлепанцы.

Папин отказ от тапочек, я восприняла, как его желание вернуть сыну утреннюю гармонию.

А Саша, вообще, ни над чем не задумываясь, надел тапки и томным стоном выразил свое теперь уже полное удовлетворение. Поправив «больничный» халат, мой укомплектованный муж встал рядом с папой и очень беззастенчиво, но совершенно беззлобно пошутил:

— А почему мы не слышим призыв: ««больные» на ужин».

Материнское счастье: два сына и рядом, в военной форме, — Ефим Кримонт.

Папа чуть улыбнулся, и мы, пропустив мимо ушей шутку мужа, сели ужинать.

Тогда я, действительно, не придавала значения нежеланию папы носить тапочки, а он и в самом деле их никогда не носил, сколько я его помню, дома он всегда ходил в мокаси-нах. Мне и в голову не приходило спросить: «Почему?» Я думала: кому как нравится, тот так и ходит.

И только спустя много лет после смерти папы, уже живя в Израиле, я поняла, почему наш папа не любил носить тапочки, и еще узнала, кому конкретно я обязана своим счастьем. Я прочла воспоминания его, если так можно выразиться, почти родного брата, Ефима Кримонта. Почему «почти родно-го»? Все просто. Родители Ефима Кримон-та и родители нашего папы — Гамарника Давида Вигдоровича были родными. Брат и сестра Кримонты и брат и сестра Гамар-ники. Вигдоры — поменялись сестрами. Их даже звали одинаково: Вигдор и Сара Кри-монты и Вигдор и Сара Гамарники. Родите-ли Ефима Кримонта и его сестра Бася были зверски убиты в начале войны. И в двадцать два года он остался совсем один, и поэтому ближе и роднее нашего папы и его родителей — Вигдо-ра и Сурки Гамарник, — у Ефима (дяди Фимы) никого не было. А для до-черей Ефима — Тамары и Светы, наша баба Сурка и дед Вигдор, были такими же родными бабушкой и дедушкой, как и для моего мужа Саши и его брата Миши.

Бабу Сурку все запомнили очень бойкой и активной, она беспрестан-но что-то всегда планировала, сама все решала и сама всё делала. Ко-нечно же, она привлекала мужа к домашним делам, но по большей час-ти только финансово, и не потому, что он не умел чего-то делать, он как раз- таки умел всё. Не привлекала, потому что берегла, работа у него была тяжелая. Дед Вигдор был кузнецом. А баба Сурка всегда была по хозяйству.

Она до последнего крахмалила и гладила постельное белье, так было надо и так любил её муж. Она успевала все: первое, второе и третье — это закон. И это в Ташкенте, где летом жара под сорок, и нет холодиль-ника. Первый холодильник им купил сын в шестьдесят пятом году. А как она готовила! Сладкое жаркое, фаршированная рыба. А какие она пекла штрудли! Но это отдельный рассказ.

Она успевала всё. Успевала ходить по холодку на базар только за свежим молоком и творогом для мужа, успевала навещать своих сестер, живущих в разных концах огромного Ташкента. Успевала нянчить вну-чек. (Ефим жил тоже в Ташкенте), писать письма на идиш с руководящи-ми указаниями сыну, начальнику грузового отдела в Управлении желез-ной дороги, причем и по поводу работы тоже. Успевала приезжать к нему повидаться и обязательно с гостинцами, а заодно и проверить, теми ли котлетами кормят её сына, поинтересоваться: не слишком ли он нервни-

Баба Сурка с внуком Сашей – моим будущим самым умным одноклассником и мужем.

Гамарник Давид Вигдорович. Большую часть своей трудовой жизни проработал начальником грузового отдела Чимкентского отделения железной дороги. (Казахстан) Погрузочно-разгрузочный терминал, построенный по его проекту, до сих пор исправно работает, и до сих пор его вспоминают самыми добрыми словами и те, кто с ним работал и даже те, кто только слышал о нем.

чаёт на работе, да и просто погладить своего Дудалэ по голове. Если честно, то вначале, меня удивляла такая неистовая забота и какая-то уж слишком чрезмерная любовь, которой Давид совсем не был обделен: его любили все: и жена, и родители жены, и сыновья, и жены сыновей. А чего только стоила её сакраментальная фраза: «Сыночек, у тебя ножки не мерзнут»? Ну, а если учесть, что у «сыночка» уже свои сыночки большенькие, то у нас, у молодого поколения, кроме недоуменной улыбки, эта фраза вызывала еще и гомерический хохот. Вопрос: «У тебя ножки не мерзнут?», был нашей дежурной шуткой.

У бабы Сурки всё было под контролем — и ножки, и любовь, и котлеты! Она успевала всё, а главное она знала, как надо! Недаром дед Вигдор называл её — мой инженер! А как он это говорил! С какой нескрываемой любовью и с какой безграничной гордостью. А мы и по этому поводу шутили: «Ну, всё, строимся, к нам приехал ... главный инженер! Немая сцена!»

А вот дед Вигдор, он наоборот был тихий и спокойный.

А еще он был очень рассудительный и очень надежный.

До войны они жили в еврейском местечке, которое было частью большого украинского села Загнитков, Винницкой области, а перед самой войной село передали в Одесскую область. Несмотря на то, что дед был неграмотным, до 41-года он был бессменным членом колхозного правления. Он был очень надежным и очень ответственным человеком. В своей профессии он умел все. За скорую и качественную работу его называли «фабрикой», а в награду даже посылали в Москву.

Наверное, потому, что дед был ответственным и честным человеком, именно его в начале войны правление колхоза назначило начальником обоза и поручило доставить этот обоз с колхозным имуществом в один из военкоматов Ворошиловградской области (это уже граница с Россией). Получил сопроводительные документы и отправился в путь. Чего только по дороге не было: и обстрелы и бомбежки, гибли люди, но обоз дед всё же доставил и сдал. А вот вернуться домой уже не смог. Все дороги были перекрыты фронтом наступающей немецкой армии. Дойдя до какого-то колхоза, дед был вынужден остаться там. Какое-то немыслимое providение и огромное желание деда вернуться домой, спасли его, а может, просто этого колхоза не было на немецкой карте и немцы прошли мимо. Но как только эта деревушка оказалась в тылу у немцев, дед решил возвращаться. Получив справку о том, что он колхозный кузнец по имени Гамарник Виктор, (а не Вигдор!), он пешком отправился домой.

В справке не были указаны ни отчество, ни национальность, и не потому, что казенные чернила берегли, а потому что все уже знали, что его может ожидать, напиши они, всё так, как положено. Деда и в том колхозе уважали и за хорошую работу и за доброе сердце. Его уговаривали не ходить, но он не мог: дома ведь остались жена и единственный сын.

Их дочь, умница и красавица Хайка, студентка Одесского мед. института умерла от перитонита перед самой войной.

— Да, я ведь не похож на еврея, светлый и разговлять по-украински я добре умею. Дойду, — успокаивал он сельчан.

Лук, соль и две буханки хлеба, принесенные соседями, это всё, что он взял с собой и пошел. Шёл только ночью, стараясь не попадаться никому на глаза, а днем отсыпался в скирдах и в заваленных хворостом лесных оврагах. К тому времени, когда ему необходимо было переправляться через Днепр, он, обросший и похудевший, и вовсе не был похож на еврея, да и «мова» помогла. Не заметили немцы, пропустили.

Поздней осенью он все-таки дошел. Дошел... Но его местечко было на немецкой карте ...

А через месяц, в декабре, в село вошли немецкие и румынские карательные отряды. «Взять только самое ценное и немного вещей!»! Всех построили и повели ... на расстрел... к Днестру ... Но каратели немного не рассчитали. Зима, снег, огромная толпа, да еще дети... Пришлось идти еще и ночью ...

А ночью, они отдали всё свое ценное худющему, в грязной потрепанной гимнастерке, не очень аккуратному, но очень сговорчивому румыну. Отдали всё: кольца, сережки и цепочку с кулоном, всё, что приготовили своей Хайке к свадьбе. Баба Сурка хотела сохранить их как память о любимой дочери, но жизнь не всегда дает право выбора... Как им удалось бежать ... не знаю, но они остались живы. Ночью вернулись в село, прятались у соседей-украинцев. Те собрали им кое-какие вещи, немного еды... Хотя и уважали деда в селе, но оставаться было нельзя. Всех оставшихся евреев уже расстреляли... расстреляли и украинцев, прятавших их у себя.

И опять ночью они пошли... Пошли в сторону Рыбницы, там станция и они слышали, что там нет немцев. По дороге сын Давид заболел и не мог идти, Вигдор нес его на руках, на плечах, как только мог, так и нес. Сам обессиленный, где он брал силы, никто не знает, последние дни кормили только Давида. Но все же дошел... и донес.

В Рыбнице были и немцы, и румыны, и еврейское гетто. Комендантом в городе был румын, при нем евреев не расстреливали, но работать заставляли с утра до ночи.

Деду опять повезло, он кузнец. Ремесленники были нужны, да и в кузнице тепло. Баба Сурка и Давид, совсем еще мальчишка, работали на общих работах и не всегда вместе, и совсем не в тепле. Работали, как говорило военное начальство, на благоустройстве города, похоже, румыны сильно верили в свое долгое господство в Транснистрии. Мороз, не мо-

Папа и старший сын Миша – будущий учитель.

роз, а евреев гнали на работу. Старики, женщины, дети разбирали завалы, мыли, убирали.

Морозы были сильные... да и обувь плохая...

Давид отморозил пальцы ног.

Солдат-румын, он был сын кузнеца, дал Давиду шнапса...

— Так надо, сынок, так надо ...

Мужчины держали ему ноги и руки, а Сурка обнимала его и гладила по голове: «Потерпи, мой Дудалэ, потерпи... Дудалэ, я хочу, чтобы ты был живой ... Д-у-д-а-л-э-э-э...».

Его крик нельзя назвать криком, а её плач не называется плачем...

В кузнице обыкновенной пилой, той, которой пилят на зиму дрова, пятнадцатилетнему мальчишке отпилили обмороженные пальцы ног. Когда ему прижигали раскаленным железом раны, Вигдор потерял сознание.

Румынскому солдату, сыну кузнеца, похоже, не нужна была никакая Транснистрия. Он, как все нормальные люди, хотел просто жить у себя дома, в своей деревне, помогать отцу, жениться и растить своих детей и никак не хотел никого убивать...

— Сегодня ночью расстреляют всех ... вам надо спрятаться, а иначе ..., — предупредил он Вигдора.

Наверное, он тоже уважал нашего деда за его работу и доброе сердце. И хвала Господу, если сын кузнеца тоже остался жив и все его мечты сбылись. Спасибо ему. Спасибо лично от меня, от всех кто остался жив, кто, благодаря ему, живет сейчас. Спасибо сыну кузнеца!

Уже утром, наступающая Советская армия освободила Рыбницы от оккупантов.

После освобождения дед Вигдор с семьей переехал в Рашков, это совсем не далеко от Загниткова. В Загнитков возвращаться было очень тяжело, там все было разрушено и все, все были расстреляны. Погибли сестра деда Вигдора и брат бабы Сурки (родители Ефима и его сестра Бася). И не только они. Погиб Золман — отец бабы Сурки, на фронте погиб её старший брат Яков, а мог бы остаться жив, он был директор Самаркандского тракторного завода, и у него была бронь, но он ушел на фронт, как подобает мужчине. Из родни в живых остались только те, кто еще до войны уехал в Ташкент, пять сестер бабы Сурки: Этя, Фаня, Поля, Злата и Удл.

После войны Давид, будущий папа моего мужа, окончил школу, он вместе с Ефимом и его женой Лидой тоже уехал в Ташкент и поступил в институт инженеров железнодорожного транспорта. А к осени и его родители перебрались в Ташкент. Дед, как всегда, работал, наш папа учился, а баба Сурка управляла хозяйством. Первое, второе и третье, свой

Папа и младший сын Саша – будущий гениальный программист и мой муж. В школе его звали – Ломоносов.

закон, она выполняла строго.

Ташкент — город хлебный. Вот она и старалась, кормила своих мужчин, что заметно сказывалось на папе. Она кормила их за военный, за послевоенный голод, как будто можно было накормить за или впрок. Она даже невесту папе присмотрела с хорошим приданым — с коровой. Но папа в институте встретил свою любовь — маму моего мужа, Тильман Эстер, и прожил с ней в любви и согласии 45 лет.

Только один раз, после свадьбы, она спросила, что у него с ногами. От внезапного вопроса, он почувствовал чудовищную боль, и ему стало плохо с сердцем. Он плакал, и никак и не мог рассказать. Больше они никогда не возвращались к этой теме. Мама знает, что это произошло в гетто и все, а подробности знал только Ефим.

Только однажды, как всё было, ему рассказал дед Вигдор, но только однажды ... Дед пережил все это, но вспоминать тоже не мог.

А баба Сурка, даже когда приезжала уже к взрослому сыну, все равно тайно проверяла сапоги Давида, и неважно, сухие они были или влажные, она их ставила поближе к батарее. А сапоги моего мужа Саши и его брата Миши к батарее всегда ставил папа Давид...

Сейчас мы живем в Израиле, здесь нет зимы и нет снега, и уж тем более нет морозов, и кроссовки нашего сына Давида ни мне, ни моему мужу не надо ставить к батарее. Давид, он, как дед, любит порядок и сам ставит их в шкаф.

Дома папа всегда ходил в мокасынах, хотя и не любил их: развязывать, завязывать, это такая морока. Ему нравились тапочки, особенно шлепанцы, это ведь так удобно: надел и пошел, но у него они сваливались с ноги, даже импортные.

От бабы Сурки у меня есть, как говорили раньше, газовый платочек, это в смысле: легкий, воздушный. Платочек очень красивый, итальянский, а это значит — дорогой. Тогда все импортное было дорого. Бабушка купила его у какой-то спекулянтки на базаре из-под полы (перепродавать открыто новые товары тогда было нельзя, называлось это спекуляцией и каралось законом). Баба Сурка подарила его своей невестке Эстер, маме моего мужа, когда она вышла замуж за Давида. А когда я вышла замуж за Сашу, этот платочек Эстер, мама моего мужа, подарила мне.

С ума сойти, этому платочку почти шестьдесят лет, а он до сих пор цел. Наверное, с любовью был подарен, потому и сохранился...

Гамарник Давид Александрович, наш сын. Пока что в задумчивом поиске: кем быть или что съесть?

Каштаны новые цветут,
И люди новые растут...
И там, на улице, давно
Соседи вставили стекло...

Но если прошлое мы преда-
дим забвенью,
Что сможет нас спасти от
повторенья?

Марта Синельникова.
Холон.

Людмила Барановская

Жизнь убедительней романов...

Она вела двух людей по одной дороге. Они прошли по ней врозь, преодолев муки ада, чтобы наконец встретиться и уже никогда не расставаться

ЗЕЛЕНЬ ПАНЕВЕЖИС

Есть в Литве красивый городок Паневежис. Зеленый – окруженный лесами, голубой – облаканный полноводной рекой Невежис. У каждого дома – палисадник, гордость хозяйки, а в нем – цветы: пахучие хризантемы, пышные пионы, огненная настурция. У заборов, не очень высоких, чтоб видна была прохожим и соседям вся красота ухоженных клумб, – красиво свисают кусты благоухающего жасмина или сирени. А из всего этого цветастого маленького царства непременно выглядывал или гномик, или неподвижный, очень похожий на настоящего, аист, или смешной чертенок, в длинным хвостом и лукавой рожицей, а то и девица в холщевом сарафане с косой из пакли.

Это уж смотря по творческим фантазиям и умелым рукам хозяев. В городке, в самом центре, размещались деловые конторы, мастерские, магазинчики. В еврейских кварталах городка была синагога, школа и довольно зажиточного вида дома. Объединяли жителей Паневежиса почти ежедневные ярмарки: красочные, богатые, полные яств, заманчивых украшений, мануфактуры и всяких других необходимых в мирной жизни вещей... Это был родной город ГЕНИ МИЛЛЕР:

«Папа был рабочим, и мама работала на мануфактурной фабрике. Не сказать, что были они уж очень богаты, но на самое необходимое хватало. Так что и семейка быстро росла. В 1925 году родился мой старший брат, через три года – второй братишка, а в конце 1929 года появилась я, Геня Миллер»

Шестью годами раньше, в 1923, в Вильнюсе, который находился всего в 135 км от Паневежиса, родился Абрам Лунер.

Его первая родина была прекрасна. ...Город удивительной судьбы, город, в истории которого переплелись судьбы людей разных национальностей: литовцев, поляков, русских, евреев, белорусов, татар, караимов... Вильнюс расположен на холмах, на месте слияния рек Нерис и Вильня. Кафедральная площадь, на ней собор с высокой колокольней. Отсюда начинаются основные улицы Старого города. Ратушная площадь – одна из древнейших площадей Старого Вильнюса. Она образовалась на месте рынка, возникшего в 15 веке на скрещении торговых путей. Замковая гора с Верхним замком (или замком Гедиминаса). «Тахарат Хакодеш» (Очищение святыни) – главная синагога Вильнюса.

«Возвращаясь в прошлое, вспоминаю родные места, нашу синагогу, наши традиции... Мы всегда собирались семьей, с друзьями, все вместе. У нас был большой круглый стол. Смех, шутки, споры, веселая молодая жизнелюбивость. Я вспоминаю школу, нашу идишскую восьмилетку... У нас была большая семья, дружная семья. Старшие всегда старались помочь родителям и младшим детям. В еврейских семьях, известно, особое трепетное отношение к детям. Родители старались изо всех сил, чтобы ни в чем не отказывать детям. Есть такие слова в колыбельной, музыку которой в те годы приписывали Моцарту. Ну, насчет музыки, не берусь утверждать, а слова: «Всё бы достать поспешить, Только б не плакал малыш». Эти слова из колыбельной, явно сочинил еврей»

Об этом же и ГЕНЯ:

«Раннее детство было ласковым и безоблачным.

Семья была дружная. Мама все свободное время отдавала детям и мужу. Дома говорили только на идиш, ходили в синагогу, старались соблюдать кошрут...»

В 1924 году в Паневежисе было 15 синагог и молитвенных домов.

В 1939 г. в Паневежисе в так называемых «штетл» – еврейских местечках – проживали около шести тысяч евреев (22% всего населения). Было 24 действующих раввина... Основная синагога в Паневежисе стояла на торговой площади (сейчас пл. Лайсвес).

Была еврейская больница (сейчас Паневежская инфекционная больница, ул. Рамигалос д. 25), в которой было 60 стационарных кроватей. В этой больнице были хирургическое отделение и

отделение внутренних заболеваний, туберкулёзный диспансер и отделение венерических заболеваний. Если Вильнюс в народе называли Литовским Иерусалимом, то Паневежис – Литовской Палестиной. Евреям принадлежали 2 крупные мельницы Паневежиса, на ул. Пилеес была мастерская веревок Эстер Одкиндене, на площади Лайсвес стоял всем известный склад лекарств, принадлежащий Брегаускасу и Ривке. В Паневежисе 4 улицы были названы еврейскими именами – раввина Ицеля, раввина Герцля, Ш. Мера и Кисина. В 1937 году евреи работали во всех сферах деятельности, которые действовали в Паневежисе. В еврейской общине в то время было много врачей, ремесленников, торговцев и служащих всех отраслей (юристов, банкиров, учителей и представителей других специальностей).

«Я – самая младшая, была любимицей семьи. Любила играть с детьми на улице, шила куклам платья, были у меня и подружки, как среди литовцев, так и наши, еврейские. Я подросла, пошла в еврейскую школу, нам преподавали и литовский язык»

Абрам ЛУНЕР:

«Все как в тумане... В 1939 году я поехал в Белоруссию учиться в ремесленном училище. Там я получил специальность механика. Потом я устроился на завод, поработал там, а когда пришел срок отпуска, решил, естественно, поехать домой... Повидать родных и близких, по которым скучал, пока учился и работал. Хотелось походить по любимым местам Вильнюса».

Перед Второй мировой войной главную синагогу Вильнюса посещали самые известные евреи города: Самуэль Лейб Цитрон (1860-1930), коммерсант Иосиф Шабат (отец будущего лидера общины Цемаха Шабада), архитектор здания синагоги Давид Розенхауз (убитый в Панеряй в 1941 г.), общественный деятель, купец, первый председатель Юденрата (июль-август 1941 г.) Салулюс Троцкис (убитый в Панеряй в 1941 г. при ликвидации первого Юденрата), банкиры и общественные деятели Бунимовичи, член правления общины Эфраимас Пружанас (убитый в Панеряй в 1941 г.) и многие другие активные деятели общины.

ГЕНЯ МИЛЛЕР:

«А потом, когда в Литве установилась советская власть, нас стали учить, помимо всего, и русскому языку. Мы все еще мирно соседствовали с литовскими соседями. Жизнь была обычной, словно давно объезженный тарантас катился по знакомой дороге, и казалось, что так будет всегда...»

В 1940 году, с приходом советской власти, общественное имущество еврейской общины города было национализировано. В Паневежисе были закрыты еврейские школы, гимназии, типографии, ешива. Национализировано много промышленных торговых предприятий, жилых домов, также и еврейская Паневежская больница, где был центр общества медиков евреев. В июне 1940 года со сменной власти, начались первые репрессии и ссылки, от которых не убереглись и евреи. Всего репрессировано было 12 еврейских семей, что составляет 22,64% от всех репрессированных из Паневежиса. Необходимо отметить, что многие евреи Паневежиса отнеслись к смене власти в Литве как к исторической необходимости. Лишь небольшая часть евреев иммигрировала за границу. Основное население местечек не предполагало, что им грозит смертельная опасность, хотя знали о событиях в соседней Польше и Германии, тем более, что начался поток беженцев.

«... Но уже с начала 1941 года отношения между евреями и литовцами резко обострились. В среде литовцев даже в просто быденном общении чувствовалось нарастание враждебности. Бывшие литовские друзья стали избегать меня. Взрослые не стеснялись оскорбительных выпадов в отношении евреев, выкрикивали унижительные обвинения в их адрес. Евреев перестали брать на работу. На воскресных ярмарках евреям перестали продавать продукты. Участились случаи арестов. По малейшему незначительному поводу евреев забирали «для разбирательства». Был объявлен комендантский час. Вечером выходить из дома было опасно. В городе процветали доносы, по любому, даже непроверенному доносу, целые семьи исчезали в тюрьмах. Жизнь стала невыносимой»

Памятник Матери ПАНЕВЕЖИС

ПАНЕВЕЖИС

ХРОНИКА ХОЛОКОСТА

1939 год:

- 1 сентября — Начало Второй мировой войны — нападение на Польшу
- 21 сентября — Создание в Польше еврейских гетто. Инструкция Гейдриха о создании юденратов
- 23 ноября — Всем польским евреям приказано носить отличительный знак: жёлтый треугольник размером не менее 15 см. В дальнейшем форма знака менялась в разное время и в разных местах, но в основном это была Звезда Давида.

1940 год:

- 25 января — Создание юденрата в Люблине
- 30 апреля — Запрет евреям выходить из гетто Лодзи. Здесь в нечеловеческих условиях содержалось 164 тысячи человек
- 15 ноября — Запрет евреям покидать гетто Варшавы, в котором содержалось до полумиллиона человек

1941 год:

- 9 апреля — Запрет евреям выходить из гетто Люблина
- 23 июня — Эйнзацгруппы начинают массовые убийства на территории СССР
- 30 июня — Эйнзацгруппа 4а и местные жители убивают 300 евреев в Луцке (Украина)
- 30 июня — Захват Львова; до 3 июля здесь убивают 4000 местных евреев
- 1 июля — Эйнзацгруппа D начинает операцию в Бессарабии (Молдавия); 160 тысяч евреев убиты здесь за время до 31 августа
- 19 июля — Создание гетто в Минске

Вторая мировая война в Паневежисе, началась в первые ее часы, с авианалетов и бомбардировок фашистской авиации на военный аэродром в Паюостес. Там же впоследствии был организован лагерь для военнопленных и перемещенных. Первыми жертвами войны стали строители аэродрома из числа военных и гражданских лиц. Раненых доставляли в городские больницы, где врачи евреи совместно с другими медиками оказывали им посильную помощь.

С 1 июля 1941 года были уволены все работники, в том числе и евреи, служившие при советской власти, и назначены новые руководители от новой власти. В июле 1941 года армия нацистов, заняв Паневежис, объявила об освобождении Литвы от большевиков, и наделила неограниченной властью военную администрацию города. Комендантом города издаются указы о комендантском часе с 22.00 до 6.00, а для евреев с 20.00. Строго запрещалось иметь какое-либо оружие, сотрудничать с бывшими советскими партийными работниками. А евреям запрещалось иметь радиоточки. За невыполнение указов коменданта, грозила смертная казнь.

«Мои родители решили идти пешком до Вильнюса. Мы собрали вещи и пошли. Идти по дороге было страшно. Потоки людей. Ничего невозможно разобрать и понять: кто-то стреляет, кто-то бежит... Паника. Люди при стрельбе разбегаются, кто куда. А некоторые, как заведенные, отрешённо бредут и бредут, с трудом передвигаются... Дети, перепуганные, усталые. Кто на руках, кто рядом, крепко держась за юбку бабушек или мам».

А в это время АБРАМ ЛУНЕР:

«Я решил поехать в отпуск. И поехал. А ровно через неделю началась война. До сих пор без содрогания не могу вспоминать эту дорогу. До сих пор я вижу и слышу: плач и крики, обрывки фраз, призывы о помощи, молитвы на идиш и иврите. Мольбы о помиловании. Вижу ужас и отчаянье на лицах. А в ответ на это все — неумолимое: «Юден капут». Люди, подгоняемые прикладами и окриками, бежали, тащили за собой стариков, обессиленные матери судорожно прижимали к себе младенцев и тянули за собой тех, кто уже хоть чуть-чуть умел ходить ножками. Чемоданы, сумки, тюки, которые так бережно собирали дома и долго несли по дороге в самом начале, теперь просто бросали. Выбирать не приходилось. Жизнь дороже. Обессиленных расстреливали, а тех, кто еще мог идти, торопили, избивая чем попало, подгоня живых к роковой черте, за которой — смерть. На одной короткой остановке нас начали делить на две колонны: Я попал в одну, мой брат — в другую. Это было равнозначно потере брата. Я был в отчаянии. Но зато случилась и радость... Хотя, можно ли говорить о радости в таких обстоятельствах? ...»

СЕМЬЯ ГЕНИ МИЛЛЕР тоже — в дороге.

«По дороге прямо вплотную к нам остановился грузовик. Какой-то человек в гражданской одежде выскочил из кабины, скороговоркой, не терпящей возражений, скомандовал: «Если есть среди вас комсомольцы, — за мной». Два моих старших брата уехали, мы даже не успели проститься. На дороге остались папа, мама и я. Так втроем мы и дошли, наконец, до Вильнюса»

Оккупированные города Литвы стали последними свидетелями предсмертных мук еврейского населения. Ведь многие не уехали вовремя, не покинули свой город, в котором родились, любили, — просто жили всю жизнь, город, где были их дома, их родные улицы, их площади, их река... Многие остались жить в родном городе, по-прежнему не веря в погромы, унижения, не веря в то, что их будут расстреливать. «Причем здесь мы? Политикой не занимаемся, мы — законопослушны...». У многих на руках были маленькие дети или же пожилые больные родители. Куда с ними? С ними далеко не уйдешь. Считали, что беда не коснется простых, обыкновенных, далеких от политики людей. Те немногие евреи, кто сумел эвакуироваться, уже больше никогда не видали своего имущества, оно было разграблено и растащено. И многим до настоящего времени не удастся вернуть ранее принадлежавшую им собственность. Но они выжили. А те, что остались...

И АБРАМ В ВИЛЬНЮСЕ:

«В суматохе раздела колон надвое, сестре и младшему брату удалось сбежать. Позже я узнал, что они с большим трудом, но все-таки добрались до Куйбышева. А я оказался в Вильнюсе, куда, собственно, и хотел попасть. Казалось бы, — сбылась моя мечта вернуться в родной город, в отчий дом. Но, конечно же, войти в него я не смог. Везде были немцы и полиция...»

В Остланде, так стала называться Литва, призывы к сотрудничеству местного населения с властью вермахта свелись к тому, что все, что было национализировано советами, перешло в собственность к немцам. Немецкое командование понимало, что не может охватить управленческим аппаратом все оккупированные города силами своих военных. Поэтому использовалось местное лояльное население Литвы, выразившее согласие сотрудничать с Вермахтом. Для этого были организованы курсы изучения немецкого языка, на которые приглашались желающие, кроме поляков, евреев и бывших коммунистов. В каждом городе имела команда представителей из Германии, занимавшаяся распределением оккупированной собственности. Была создана литовская полиция.

«Литовские полиция хватала всех подряд, арестованных направляли в гетто или в концлагерь. Везде были расклеены листы с приказами немецкого командования, повелевающие людям выходить на работы. «За невыполнение приказов – расстрел». Меня охватил ужас. Я почувствовал себя загнанным в ловушку. Но я был молод, настойчив, мной владело одно непреодолимое желание: увидиться со своими родными. И я нашел способ пробраться к ним. То, что я увидел, не шло ни с каким сравнением с тем чувством, какое мучило меня, когда я только попал в родной город. Состояние моих родителей сразило меня. Об этом страшно не только рассказывать, но и вспоминать. Я собрал все свои силы, всю оставшуюся волю и решил, что надо жить. Надо жить, во что бы то ни стало»

Геня и ее родители.

«Уже был комендантский час, нас останавливали на каждом шагу: «Кто вы?» «Беженцы, – был наш ответ»

Наконец мы нашли какое-то убежище, где нам удалось продержаться 10 дней и хоть немного отдохнуть. Немцы стали выдавать местному населению хлебные карточки... А мы были – евреи и под эту категорию не попадали, тем более – без прописки. И тогда, собравшись с силами, мы решили продолжать путь. Мы направились в Каунас. По дороге нас ограбил местный крестьянин. Он вынуждал довести семью до Каунаса, но в лесу под угрозой, что сдаст нас немецким властям, он забрал наши деньги и скрылся... Мы остались ночью в лесу, попали в руки какому-то отряду бандитов, рыскавшему по лесу. Нас обыскивали в надежде найти золото, деньги и драгоценности. Ничего не нашли, и ушли, оставив нас в ночном лесу одних. Папу они забрали с собой... Ему было 39 лет. Большие мы его никогда не увидели»

АБРАМ ЛУНЕР.

«Я остался с родителями. Работал, где придется. Прошло три месяца. Квартал, где находилось наше жилье, немцы объявили территорией гетто. Ночью нам велели собрать вещи перенести нас в какую-то комнату, где уже жили две семьи. Страшная теснота, которая угнетала нас, усугублялась еще тем, что каждое утро нас выгоняли на работу, а возвращали поздно вечером. Моя работа механиком могла бы как-то скрасить надвинувшийся на семью голод. Но на территорию гетто не позволялось ничего проносить. За этим строго следила охрана. Я нашел способ: выбирал раннее утро, 3-4 часа, когда уставшие за ночь охранники дремали, и иногда мне удавалось выходить за территорию гетто, быстро раздобыть кое-какие продукты: хлеб, картошку, обмененные на остатки наших вещей. Участвовавшие акции уничтожения населения гетто сделали нашу жизнь сплошным жутким ожиданием смерти. И тогда мои родители настояли на том, чтобы хотя бы я решился на побег. Мы понимали, что это единственный маленький шанс выжить. Но еще яснее было нам, что побег всей семьей обречен на провал»

Женщины Миллер.

«Мы с мамой не могли больше оставаться в лесу. Голод и страх выгнал нас к населенному пункту. И мы оказались в гетто. С той страшной ночи голод стал постоянным спутником нашего существования.»

В 1942 году гитлеровцы постановили провести очередную акцию по уничтожению населения евреев гетто. Была даже известна цифра: 10 тысяч. Нас выгнали на большую площадь и стали сортировать. Отобранных загоняли в машины и увозили в «ДЕВЯТЫЙ ФОРТ» на расстрел»

Девятый форт

Каунасской крепости во время Второй Мировой войны с 1941 по 1945 год был превращен фашистскими оккупантами в место массового уничтожения советских и иностранных граждан. Расположен в 8 км от центра Каунаса (Литва). Форт сооружен в конце 19 в. на западной границе Российской империи. В буржуазной Литве с 1924 был каторжной тюрьмой, после 1929 — полити-

ХРОНИКА ХОЛОКОСТА

- 24 июля — Создание гетто в Кишинёве; 10 тысяч евреев убиты
 - 25 июля — Погром во Львове, начало массовых убийств евреев Галиции, в которых, возможно, активное участие принимали украинские националистические формирования «Нахтигаль» и «Роланд»
 - июль — Начались убийства в Понарах (южнее Вильнюса, Литва)
 - август — Началось уничтожение евреев в хорватском лагере Ясеновац, всего там погибло 25 тысяч евреев
 - 1 августа — 50 тысяч евреев заключены в гетто Белостока (ныне Польша)
 - 4 августа — Создание гетто в Каунасе
 - 5 августа — Убийства в Пинске (Белоруссия); 10 тысяч евреев убиты в течение 3-х дней
 - 27—28 августа — Бойня в Каменец-Подольском
 - 3 сентября — Первые эксперименты по убийствам с помощью газа в Аушвице (Освенцим)
 - 5 сентября — Заключение евреев Вильнюса в 2 гетто
 - 15 сентября — Расстрел 12 тысяч евреев Бердичева
 - 19 сентября — Ликвидация гетто Житомира; убито 10 тысяч человек
 - 29-30 сентября — Убийство 33.771 еврея Киева в оврагах Бабьего Яра
 - 8 октября — Ликвидация гетто Витебска (Белоруссия); погибло 16 тысяч евреев
- 1943 год:
- Март — начало отправки евреев Греции в концентрационные лагеря в Польше. Первыми были выселены евреи Салоник.

Геня ЛУНЕР (Миллер)
и ее муж АБРАМ ЛУНЕР

ХРОНИКА ХОЛОКОСТА

- 19 апреля — Начало ликвидации варшавского гетто. Восстание в гетто.
 - 2 августа — Восстание узников Трестлинка
 - 14 октября — Восстание узников Собибора
 - 1 октября — Провал акции по уничтожению евреев Дании. В течение нескольких дней они были вывезены датскими рыбаками в нейтральную Швецию
- 1944 год:
- май-июль — Нацисты оккупируют Венгрию и с помощью венгерских коллаборационистов вывозят в концлагеря Германии и Польши около 500 тысяч венгерских евреев, где их уничтожают
- 1945 год:
- 27 января — Советская армия освобождает Освенцим
 - 11 апреля—4 мая — Войска союзников освобождают концлагеря в Бухенвальде, Берген-Бельзене, Дахау, Маутхаузене, Терезине

чешской тюрьмой. Захватив 24 июня 1941 Каунас, гитлеровцы создали на территории Д. ф. лагерь смерти. Так, 28—29 октября 1941 расстреляно 12 тыс. человек, за 2 дня ноября — 22 тыс., в январе 1943—5 тыс. С конца 1943, боясь разоблачения, гитлеровцы заставляли заключённых раскапывать рвы и сжигать зарытые там трупы. 25 декабря 1943 совершили героический побег 64 заключённых Д. ф. За 1941—44 в Д. ф. уничтожено не менее 80 тыс. человек (из них 10 тыс. советских военнопленных и 10 тыс. иностранных граждан). Жертвами гитлеровцев стали по минимальным подсчётам около 5000 каунасских евреев. В память о погибших евреях в 1959 году открыт музей, и на холме **Девятого форта** в 1984 году воздвигли памятник высотой 32 метра...

Абрам Лунер.

« Не стану рассказывать, с какой болью в сердце я прощался с родителями. Ведь мы сознавали, что удастся мне бежать или не удастся, все равно мы увидимся в последний раз. Удалось... Я прятался в лесах, в чужих сараях, на сеновалах. Много раз жизнь моя висела на волоске и зависела не столько от меня, сколько от чужих людей, имени которых я даже не знал. Поклон им низкий и неизбывная благодарность. Да воздаст им Всевышний за их героизм бескорыстие и милосердие.»

Геня и ее мама.

« Мы стояли на площади и ждали, мы знали, что, возможно, это последние часы нашей жизни. Мы не смели даже попрощаться, чтобы не спровоцировать этим желание отбирающих остановать выбор на нас. И когда к нам подошел человек в форме полицейского из гетто, сердце мое замерло. Он посмотрел на меня, потом на маму... И вдруг заявил, что мама — его жена, а я его дочь. Полицейский был евреем. Нацисты считали высшим достижением своей идеологии, добиться того, чтобы евреи сами охраняли своих. Этим с опасностью для жизни порой пользовались некоторые мужественные мужчины евреи, чтобы хоть как-то облегчить существование собратьев по вере и по гетто. Мы по-прежнему голодали. Мы по-прежнему жили под страхом планомерно повторяющихся акций ликвидации. Но в этих адских условия мы старались оставаться людьми. Находились в гетто женщины, которые собирали группы девушек и учили их шить, зимой мы нашли кто — где старые коньки и катались на своих ледяных площадках. Мы устраивали импровизированные концерты, на которых пели свои любимые еврейские песни. Люди, измотанные страхом и голодом, убитые горем потери близких, приходили и слушали наши выступления. Наверное, это хоть как-то поддерживало их дух, да и наш тоже. Мы даже про театр не забыли. А гетто с каждой осуществленной по плану акцией все уменьшалось и уменьшалось. Иногда маме удавалось, переодевшись в литовскую одежду, выходить за пределы гетто и приносить хоть какую-нибудь еду. Но чаще всего приходилось довольствоваться черной мукой, которую выдавали немцы. Узники гетто собирали шелуху от картошки, добавляли ее в эту муку, варили и ели. До сих пор оищуя этот отвратительный горький вкус... Акции по уничтожению людей все учащались. Расстреляли 500 человек... расстреляли 400... Наконец, собрали оставшихся и отправили в лагерь Шанс, недалеко от Каунаса. Была зима. Нас выгоняли на аэродром, мы вытаптывали ногами взлетные площадки для взлетов и посадок самолетов»

Абрам:

«Много позже я узнал, что стало с моими родными, оставшимися в гетто. Мама работала на аэродроме. То, что их заставляли там делать, было унижительно и непосильно...»

Геня:

« В июне 1944 года нас собрали, чтобы увезти в Германию. Но сначала стали хватать детей и бросать в черные машины отдельно от родителей. Они вырывались, прятались под нары, их выгоняли оттуда палками. Мы не понимали, что это за машины, и одна женщина сильно кричала, рвалась, просила, чтобы с маленькими детьми кто-нибудь поехал из взрослых. «Если ты так хочешь, — ответили ей охранники, — садись» И толкнули ее в одну из машин. Это были газовые камеры. Женщин стали отделять от мужчин. Когда мы прибыли в небольшой немецкий городок, нас, всех женщин, затолкали в большой амбар и раздели догола, потом повели к женскому врачу, после проверки всех выгнали голыми во двор, где валялась большая куча какой-то одежды и обуви. Нам велели быстро одеться во что попало. Затем погнали в бараки. Надзирателями над нами были русские женщины и даже одна еврейка, именно она отличалась особой жестокостью, такой, что ее все боялись, она была нас за любую, малейшую провинность, а иногда и без всякой причины. Говорили, что она была просто сумасшедшая. Работа, на которую нас погнали, была непосильно тяжелой для женщин, измощенных голодом: мы рыли окопы. Один раз в сутки нам давали такой маленький кусочек хлеба, что мы с трудом делили его на 3 части, что-

бы хватило на весь день. Некоторые на свою беду, съедали его тут же. Через некоторое время, уже в другом лагере к нам присоединили еще 500 женщин из Эстонии. Началась эпидемия сыпного тифа. Я заболела»

Абрам:

«Однажды фашисты отделили всех женщин и погнали их к железной дороге, где стояли пустые вагоны. Видимо, это была отправка в Германию. По дороге немцы спешили, подгоняли обесиленных женщин штыками, тех, кто падал, расстреливали на месте. Началась паника. Некоторым женщинам удалось воспользоваться этим. Они смогли убежать. Гнаться за ними у охранников уже не было времени. Моя мама не смогла подняться... Ее расстреляли. Та же участь постигла и мою сестру»

Геня. Суббота, 10 марта 1945 года.

«Было утро. Я очнулась от долгой болезни. Увидела рядом таких же, не умерших от тифа женщин... Погода была хмурая. Моросил дождь. Немцев и охраны не было. Никого.

Это было освобождение. В городе была Советская армия. Я искала маму. Она оказалась в больнице»

АБРАМ

«После долгих скитаний, я и несколько парней моего возраста организовали группу, которая стала заниматься подрывной деятельностью: подрывали фашистские вагоны,

Небольшие мосты, а иногда просто клали бревна на дороги, и на рельсы, где проходили их автомашины, нападали на полицейских. Сначала нас было всего 7 человек. Потом наш отряд вырос до 30 членов, и задачи наши стали более масштабные и дерзкие. Помимо подрывной деятельности, мы занимались помощью людям, находившимся в гетто: особенно часто это была врачебная помощь, так как в нашем отряде было немало врачей. Наконец в 1944 году наша подпольная группа соединилась с советскими партизанами, и мы стали выполнять задания командования советской армии»

ГЕНЯ:

«Мы были свободны. И никому не нужны. Я дождалась, когда мама смогла выйти из больницы. И мы пешком отправились ...домой. Иногда нам удавалось на чем – нибудь подвезти. Один раз мы с мамой даже потерялись: маму увез поезд, а я искала пищу и отстала от состава. Но потом мы снова нашли друг друга. Война для нас закончилась. Но жить было негде. Нас собрали в одной из синагог. Пытались как-то помочь нам. Здесь нас с мамой ждала неожиданная радостная новость: мы узнали, что мой братишка жив, он – в Каунасе – в детском доме. Мы направились туда. Встреча была радостная и незабываемая...»

Абрам:

«Для меня война закончилась, мы были свободны. Так я думал... Из партизан меня сразу же направили на курсы младших лейтенантов. Но в особом отделе после вопроса, где я был в годы оккупации, мне, ничего не объяснив, сказали популярно, что я не достоин быть советским офицером. И отправили меня ... на фронт, в маршевую роту. Демобилизовался я только в 1948 году. Я узнал, что отец мой, о котором мы ничего не знали после раздела пленников гетто на группы по половой принадлежности, остался жив. Он вернулся домой в 44-том. Но здоровье его было настолько подорвано, что прожил он после войны всего пять лет. Война догнала его. И убила »

Судьба провела девушку и парня по одной дороге, по разным ее обочинам, одинаково смертельным. Она бросала их почти синхронно в одинаковые, невысказанные жестокие обстоятельства, на грани человеческих возможностей выжить. Смертельный огонь Холокоста (от греческого слова «всесожжение») чуть не уничтоживший целый народ, опалил их. Но они устояли. С ними происходили одни и те же несчастья и чудесные неожиданные спасения. И разве могло быть иначе, чтоб встретившись, они не полюбили друг друга? В 1949 году прихотливая судьба, наконец, осуществила задуманное. Но это уже – другая история.

Скажем только, что Абрам и Геня Лунер поднялись в Израиль в 1957 году. Судьба подарила им детей и внуков. Сейчас они живут в Кирият Шарете. Они – рядом с нами. Мы, возможно, видим их каждый день, не подозревая даже, что это – люди, прошедшие сквозь ад.

МОЛЮСЬ

Молюсь за тех, кто шел на
смерть в атаки,
Молюсь за тех, кто был рас-
стрелян в ярах,
Кто умирал в зачумленных
бараках,
За молодых молюсь, мо-
люсь за старых.

Л.Барановская

ЖИВЁМ И ПОМНИМ...

СЕМЬЯ ШВЕЦ

Блюма Швеиц

В нежном апреле, когда началась Вторая Мировая война, мне было чуть больше года. Внезапный, еще не набравший всей своей зверской силы, но уже раскинувший ненасытные окровавленные лапы - 1939 год.

В Польше – фашисты, Западная Украина – в тревоге. Наша семья решает, что Калининградский район, где мы живем, слишком близко к войне. Надо переехать из нашего поселка Найволинъ к брату мамы, к Хаиму, в местечко Вербка Винницкой области. Война догоняет нас и там. Жить надо, семья – не маленькая, одних детишек – трое, две дочки и сын. А еще бабушка, мамина мама. Самой старшей, Ане, всего – то шесть лет. Мне уже скоро три года, а мальчик родился уже в 41-ом. Прокорми-ка всех в такое время! Папа берется пасти скот в лесах, а мама печет хлеб и различные кондитерские изделия при немцах. Я тогда еще мало что понимала, а Аня запомнила и мне рассказала, что не по своей воле многие женщины работали у немцев. Всех женщин еврейской национальности вынуждали работать – кого убирать штаб и казармы, кого стирать на оккупантов. А когда немцы пошли дальше на восток, наместниками вместо себя оставили румын. Только легче от этого никому не стало. Как работали, так и продолжали работать. Война, как всякое экстремальное время, сбрасывает с людей шелуху показного налета и открывает истинное лицо, а вернее – душу человека. А я думаю, дело тут не совсем в национальности, а скорее – в душевном содержании людей. Ну и в сильнейшем давлении на оккупированное население фашистской идеологической машины. Жила у нас по соседству некая Катя Тудой. Дочка ее молоденькая, жила с немцами. Ну, жила бы, да и жила. Не до нее было нашей семье, чтоб судить да рядить. Но соседка Катя решила воспользоваться таким преимущественным положением своей дочери. Стала сажать картофель на земле, принадлежащей нашей семье. Случись такое до войны, все кончилось бы, на худой конец, простой соседской ссорой. Но тут было совсем другое:

«На что вам земля? – Скоро всех евреев немцы поубивают...»

И, видно, мало было этой Тудой, такого вот наглого ответа.

Добавила еще, злорадно, кивнув на детишек: «Всех поубивают, не пожалеют и детей». Сразила. И пошла в хату тяжелой победной поступью. Мама опустила руки, постояла молча и села на ступеньки у дощатого порожка. Зачерпнула ковшом холодной воды из бочонка, обдала лицо, словно хотела смыть обиду, страх, беспомощность... На работу пора. И пошла. Только бы не заплакать, только бы не показать, как сжалось сердце, как подкатился ком к горлу. Вроде бы уже и успокоилась. А как подошла к своему рабочему месту да увидела молоденького немца, управляющего, который остался почти один и за румынами приглядывать и за местным населением, как увидела его, так сразу же и мелькнуло в мыслях: «Боже! Вот такой и убьет... Что ему дети еврейские!» И все. Раскатилось горе и прорвалось горькими обжигающими слезами... А немчик-то через переводчицу поинтересовался, почему, мол, рабочий контингент не работает, а плачет. Не порядок. Рейху ущерб... А может, просто по – человечески пожалел женщину, кто знает? И среди них ведь люди были, не все звери. Беда только, что именно люди и не выживали. Гибли. От своих же и гибли. По доносу, по неосторожному слову. Ведь в концлагерях и немцы были... Ну, пошел этот немчик к Катьке, сказал ей с чисто немецким оккупантским пренебрежением к зарвавшейся славянке, чтоб, мол, не распускала тут панику преждевременную и за Великую Германию ничего не решала: «Сами разберемся». Только не успокоилось сердце матери после этого случая. Тем более, что все настойчивее и все страшнее поползли уже со всех сторон слухи о том, как убивают евреев, как стреляют в детей на глазах у обезумевших матерей, как жгут и вешают...

И ВОТ, ЧТО ПРОИЗОШЛО

«Мама наша была небольшого росточка, элегантная, несмотря на тяжелый

ИОСИФ ШВЕЦ, БРАТ

труд, который не сумел заглушить света, льющегося из ее чувствительной доброй души. Настоящая еврейская мама, всю себя отдающая семье и детям», - рассказывает старшая Анна. Да и я уже позже поняла, насколько впечатлительная и тонкая была у мамы натура. Насколько чиста она была и в тоже время полна несокрушимого достоинства. «Взяла наша мамочка всех нас, троих своих детей, и пошла к речке. - Лучше самой покончить счеты с жизнью, - решила она, - чем видеть перед смертью, как грязные лапы фашистов хватают твоих детей, как издеваются над ними и над тобой. Утопиться». Это Аня вспоминает. С ужасом и незабываемой отрешенностью. Теперь только волны речные, да ветер береговой рассказали бы, что творилось в душе несчастной женщины. Казалось, что уже ничто не спасет нас и нашу отчаявшуюся мать. Но ведь не на одних Катках, жаждущих поживиться на чужом горе, держится мир! Другая соседка (только и осталась в памяти нашей семьи фамилия этой женщины: Горлинская) бросилась вслед. Что говорила? Как убеждала? Как ей удалось предотвратить несчастье? Только и выяснили мы потом, после войны, что пообещала соседка забрать нас у нашей мамы и спрятать в своем погребе. Так и сделала, как сказала. С 1941 по 1944 год жили мы в погребе: Анечка, сестра моя, которой, к этому времени было уже семь лет, братик мой, Иосиф, двух лет от роду, и я, в мои три года и 8 месяцев. Что мы ели? Как дышали? Как жили? Не вспоминаю. Напрочь стерла милосердная судьба этот ужас из моей памяти. Как бы и выжила я, оставь она мне этот ужас моего младенчества? Мама продолжала работать на своем прежнем месте, а папа иногда ночами приходил к нам, и еще до первых утренних лучей снова уходил в лес. Потом случилось так, что не пришел он ни одну ночь, ни другу, ни третью. Нависло над семьей страшное ожидание и неизвестность. Жив ли? Увидимся ли еще? Оказалось, что бомбили лес. Свои ли? Немцы ли, кто знает? Папа был контужен, долго лежал один в лесу раненый в ногу. Оглох... Беда никогда не приходит одна. Страшно, смертельно заболела мама. Воспаление легких и сейчас - коварная болезнь, уносящая жизнь людей. А тогда ведь - никаких антибиотиков, да и, вообще, - никаких лекарств. Много дней в бреду, без сознания, мама была на грани жизни и смерти. Лечила ее наша бабушка Либа, мамина мама, народными средствами. Выходила она маму, и папа выжил. Но остался с тех пор на всю жизнь инвалидом. Хоть и голодали мы (суп из желудей - это уже и я помню, и брат, и сестра), и много раз опаляла нас смерть своим страшным дыханием, но вот - дожили мы до той поры, когда и немцы, и прислужники их из числа румын и местного населения спешно удрали, оставив гетто.

А потом был мир

Только в 1948 году смогли мы, наконец, переехать к папиным родителям в Винницкую область, в местечко Мясковка. Только теперь смогла моя бедная бабушка Либа оплакать трех своих погибших сыновей, маминых братьев. Двое сгинули без вести, а один похоронен в Донбассе. Словно в утешение Либе, а может и на долгую материнскую муку, длилась ее жизнь на земле до 100 лет. Жили мы в местечке до 1957 года. Отец работал плотником, стекольщиком, мама была домохозяйкой. А мы, дети, учились. Потом выросли, у каждого появилась своя семья. Когда стало возможно, репатриировались все - в Израиль. Сейчас и у сестры, и у меня есть взрослые дети, внуки. Брат Иосиф тоже - гражданин Израиля. Недавно его сыновья забрали папу к себе пожить в Германии, после того, как он овдовел. Жизнь идет своим чередом. Мы не живем только прошлым. Нас радуют золотые зимние дожди, буйные весенние цветения, и даже необузданное летнее солнце принимаем мы с благодарностью и с надеждой на будущую осеннюю прохладу. Мы живем радостями и тревогами нашей Страны вместе со своими семьями и друзьями. Но так уж сложилась наша жизнь, что, живя в настоящем, мы не имеем права забывать прошлого. Мы рассказываем о нём не потому, что в старости все больше вспоминается прошедшее, а потому, что уверены: не будет светлого будущего у тех, кто забудет историю своего народа. А мы и есть - его живая память.

Прилагается четыре фотографии: Блюма, Аня, их брат и старое послевоенное семейное фото: мама, папа и др.

Сестра Аня

БЛЮМА ШВЕЦ

Шимон из Копайгорода

Валентин Лившиц

И ранение имею,
И контузию одну.
И опять же - посудите -
Может, завтра - с места в бой
- Знаешь что, - сказал водитель,
- Ну, сыграй ты, шут с тобой.

Только взял боец трехрядку,
Сразу видно - гармонист.
Для началу, для порядку
Кинул пальцы сверху вниз.

От машин заиндевелых
Шел народ, как на огонь.
И кому какое дело,
Кто играет, чья гармонь.

А. Твардовский

Мне хочется рассказать о судьбе простого человека, недавно ушедшего в мир иной. Многие ветераны войны и труда города Петах Тиква помнят музыканта-аккордеониста Шимона Фишелевича. Человек с приятной улыбкой, скромный, доброжелательный, он радовал своей блестящей игрой на аккордеоне задумчивыми мелодиями песен на идиш, русском и даже на иврите. Он автор слов и музыки песни «Петахтиковский вальс». Шимон ветеран войны с непростой судьбой. Вот, что он рассказал сам о себе:

«Родился я в Копайгороде на Украине в 1925-м году. Ой, как много воды утекло с тех пор! Но в памяти моей сохранилось милое сердцу местечко, где жили простые евреи, добрые труженики с их колоритным идишем говором, с весёлыми и грустными песнями... Славный город Копайгород! Здесь я познал первые радости, увлечения. Здесь я начинал понимать, что человеческая жизнь прекрасна и что она сама по себе является чудесным благом. И вот в этот провинциальный мир вихрем ворвалась война..... В июле 1941-го года Винницкая область была полностью оккупирована вражескими войсками. В Тульчине, Копайгороде, Могилёве-Подольском, Шаргороде стояли румынские гарнизоны. В отличие от немцев, румыны у нас не устраивали массовых расстрелов евреев. Однако их надзиратели избивали, морили голодом, гнали людей на тяжёлые, изнурительные работы....

Меня – шестнадцатилетнего юношу, как лошадь, запрягали в двуколку с бочкой и заставляли возить воду из источника на румынскую кухню.... Я изнемогал от непосильного труда и однажды задумал сбежать, хотя бы на несколько дней, спрятаться где-нибудь и немного отдохнуть. Как только я выпрыгнул из двуколки и стал уходить (бежать не было сил) откуда ни возьмись, появился полицай Васка Балынский и гаркнул: «Жиденя прокляте, куды ты наливаешь пятымы?».. Он повалил меня на землю и стал бить своими сапожниками до крови. – «Будешь, собаченя, втикаты, застрелю!»... После этих побоев я еле пришёл в себя, и меня через несколько дней вновь погнали на работу. Но дальше было ещё хуже. Однажды ночью полицаи подняли меня и вместе с группой молодёжи отправили в Тульчинский лагерь. Вот где был настоящий ад кромешный. Труд был рабским, с той лишь разницей, что рабовладельцы в своё время кормили своих рабов, чтобы те могли работать. Нас же – морили голодом. Местные жители – украинцы, проходя мимо лагеря, иногда забрасывали нам свежую картошку. Редко, но попадались и сухари. Помню, с какой жадностью я однажды съел доставшуюся мне сырую картошку, у меня даже не хватило терпения вытереть с неё огородную грязь. От хронического недоедания я стал опухать. Меня, как и сотни других узников гетто, ожидала голодная смерть.

Но случилось чудо. Всё произошло, как в детективном фильме. Однажды на рассвете в бараке ко мне подошёл румын-сержант. Его знали все, он в своей повозке вывозил трупы из лагеря. На румынском языке, который я понимал, он шепнул мне: «У входа стоит мой воз. Выйди и ляг в него. Поедем в Копайгород» Я немедленно это сделал. Обессиленный, я с трудом вскарабкался на воз и, затаив дыхание, лёг на дно. Румын прикрыл меня досками притрусил соломой, наверх погрузил несколько трупов и тронулся в путь. Полицаи пропустили его без проверки. Они ведь знали, каким ремеслом занимается этот румын. Дорога в Копайгород вела через лес. Румын сбросил в овраг трупы и поехал дальше. Путь домой мне показался бесконечно длинным. Лёжа в повозке, я подумал: «Эту операцию могла организовать только моя мама. Что не сделает «а идише маме» для того, чтоб спасти от верной гибели своего сына..... Позже я узнал, что румын этот оказывал такие «услуги» за взятки и брал он только золотом или серебром. В нашей семье хранилась семейная реликвия от моего прадеда. Это были золотые карманные часы с золотой цепочкой. Именно их моя мама (да будет ей вечная память) отдала румыну за то, что он меня вывёз из лагеря. Таким образом, я оказался в кругу семьи, рядом с дорогими мне людьми. Мама выставила на стол всё съестное, что было в доме. (А было не так уж много). Хорошо помню, как зашли наши добрые соседи – тётка Мария и дядько Максим. Фамилия их была – Мельники «Ридна Перля! (мою маму звали Пералэ). Що вы робеете? Подивитесь, вин же опух!... Його треба годувати з ложечки. Кышкы ж у нього пересохи...» Мария каждый день наведывалась и кормила меня. Через 15-20 дней я пришёл в себя. Молодой организм выстоял.

Шло время. В местечко доходили слухи об усиленном наступлении Красной Армии. Мы с терпением ждали освобождения. Тот день настал 18-го марта 1944-го года. Партизаны С.А.Ковпака и с ними регулярные войска освободили в числе других населённых пунктов и наш Копайгород. Постепенно восстанавливались местные органы власти. Полевой военкомат мобилизовал всех здоровых мужчин в армию. После месяца учёбы в 102-м запасном полку на фронт был отправлен и я.

На войне как на войне. Я прошёл с боями до Берлина, там встретил Победу над ненавистным врагом. Награждён боевыми орденами и медалями. Был дважды ранен. Один осколок до сих пор сидит в моём теле, напоминающая о грозных годах войны.

В 1949-м году, как участник войны, был принят без экзаменов в Винницкое музыкальное училище. Окончив его, преподавал музыку и пение в школах, руководил художественной самодеятельностью во многих коллективах. Став на ноги, решил жениться. Моя жена Аделя была мне верным другом много лет. Мы воспитали двух дочерей: Полина – учительница, в настоящее время живёт с семьёй в Израиле. София – по специальности врач и пока живёт в Санкт-Петербурге. Два года тому назад я овдовел и решил присоединиться к семье дочери. В Израиле, будучи на пенсии, продолжаю заниматься любимым делом. На общественных началах выступаю в ульпанах, в матнасах. Живу полной духовной жизнью. Честно скажу – мне комфортно в Израиле. Я живу в своей стране, со своим народом и понимаю, что не зря прошёл семь кругов ада»

Валентин Лившиц

Лев Пашерстник

Его имя должны знать!

Я, бывший малолетний узник Минского гетто, в котором находился с первого до последнего дня его существования, прочитал статью Лиины Торпусман «Выбрали свидетелем меня», опубликованную в «Еврейском Камертоне» и посвящённую героине еврейского сопротивления Маше Брускиной. Из этой статьи я узнал знакомое мне имя, которое не надеялся когда-либо вновь услышать. Это имя моего ровесника Кима Лисовского – я запомнил его на всю жизнь. Именно он укрывал ребят, бежавших из гетто при его ликвидации в конце октября 1943 года, и приносил еду голодающим подросткам, среди которых был и я. Я хочу рассказать о нём, и с опозданием в 63 года отдать дань уважения мальчику – герою и Праведнику, помогавшему евреям в трудную годину. Его имя должен знать мир! Статья всколыхнула мою память, и мне захотелось познакомить читателей газеты с некоторыми подробностями трагических событий 60-летней давности, коим я был свидетель.

ВОЙНА

Я родился 15 ноября 1932 года в Минске в семье служащего. Отец часто уезжал в командировки, мама не работала, а хлопотала по хозяйству и растила меня и младшую сестрёнку Бронечку. Мы жили по Танковой улице. Я учился в ближайшей школе и к началу войны успел закончить первый класс. 22 июня 1941 года отец вернулся из командировки, и мы с мамой встретили его прямо на улице, не заходя домой. Взяв у мамы повестку из военкомата и свёрток с едой, поцеловавшись с нами, побежал на сборный пункт. Увидел я его снова только после войны. Мои впечатления, то что я увидел в первые дни войны – это бомбёжки, пожары, грабежи магазинов и складов. За эти несколько дней всеобщей паники, при полном отсутствии власти, город был основательно разрушен, а деморализованное население пыталось бежать на восток. В атмосфере полного безвластия, наши близкие знакомые успели на вокзале забраться в переполненный эшелон и уехать, это их спасло. Вначале моя мама не хотела уезжать, она не могла бросить своих стариков – родителей, мою бабушку и дедушку. Мама считала, что немцев в город не пустят, но через пару дней всё же, собрав несколько тюков, завернутых в простыни вещей и, бросив их в какую-то телегу, мы присоединились к нескончаемому потоку беженцев и выбрались из горящего города. Мама держала нас за ручки, и мы шли за этой телегой несколько дней, пока не добрались до маленького городка. Дальше нас милиция не пустила, сказав, что впереди немецкий десант. Мы со всеми родными расположились на полу в пустующем домике. Напротив нашего дома в церкви находился полевой госпиталь, так как в самой церкви мест для раненых не хватало, то перебинтованные красноармейцы сидели за оградой церкви вдоль забора. На рассвете, после короткой перестрелки появились немцы на мотоциклах, за которыми следовали танки. Мы услышали немецкую речь. Мама разрешила мне выйти на улицу и оглядеться. По улице ходили местные жители, я пошёл за толпой, которая привела меня к заводу, где удалось немного набрать крахмальной муки и патоки. Моя добыча позволила утолить голод. Посоветовавшись, мама решила вернуться домой. В Минске наш дом уцелел, также как и дом бабушки и дедушки. Однажды немцы ворвались в дом бабушки и дедушки, открыли огонь из автоматов, бросили внутрь дома гранату, затем выволокли раненого дедушку и на глазах бабушки, его ещё живого закопали в вырытую во дворе яму. После этой трагедии бабушка переехала жить к нам. Вскоре в Минске на столбах расклеили объявления с приказом коменданта города об образовании гетто, куда должны были переселиться все «жиды». Собрав вещи мама, бабушка, сестрёнка и я поселились в новом месте, заняв угол комнаты, в которой разместились ещё пять семей. Мы скудно питались, обменивая у жителей русского района вещи на продукты. Обмен проходил на границе гетто у колючей проволоки, которая опоясывала всё гетто, это была опасная процедура – полиция открывала огонь. Затем начались погромы. Однажды мы с сестрёнкой ушли далеко от дома, и в это время началась облава. Мы оказались в общей колонне, которую погнали на Юбилейную площадь, где стояли машины и людей вталкивали в них. Нас оттеснила толпа, и мы оказались у дверцы машины, за которую я уцепился изо всех сил рукой. В это время еврейский полицейский с повязкой на руке вытаскил нас из толпы и толкнул в сторону, где не было немцев, и мы под сопровождение криков и выстрелов выскользнули из облавы и прибежали домой, мама опустила нам лестницу с чердака, и мы укрылись в «малине», замаскированной пристройке. Три дня, пока шёл погром, мы лежали, не шевелясь, в этом убежище, наблюдая за происходящими убийствами евреев через щели. На этот раз мы остались живы.

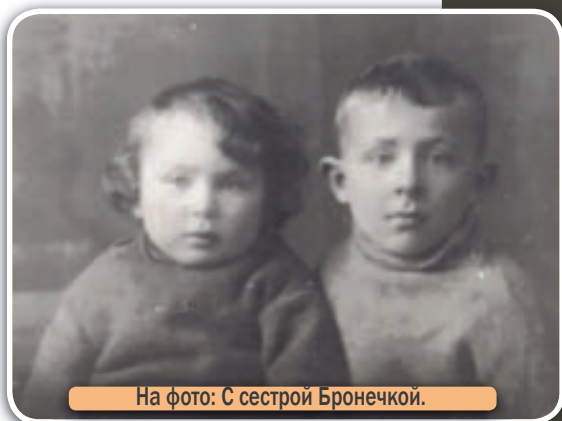

На фото: Лев Пашерстник 1946г

На фото: Дедушка с бабушкой 1941г

На фото: С сестрой Бронечкой.

На фото: Мама зима 1941.

В начале зимы 1941 года мама решила пойти на рискованный шаг, чтобы выбраться из гетто и спасти нас. Для этого нужно было в паспорте изменить запись о национальности, т.е. в графе национальность вместо «еврейка» написать «русская». Они вместе со своей подругой, тётей Галей, стёрли в паспорте записанное тушью слово «еврейка» и написали «русская». Тётя Галя пошла в полицию с маминым паспортом, чтобы её прописать, но в полиции потребовали, чтобы пришла сама мама. И мама пошла! В полиции её задержали и посадили в тюрьму. Я, выбираясь из гетто, носил ей скудные передачи. Следовательно угощал меня шоколадными конфетами и требовал, чтобы я подтвердил, что мама еврейка, тогда её отпустят, но я твердил: русская. Однажды я случайно увидел маму. Отдав передачу, я отошёл от приёмного окошка и услышал из-за решётчатого тюремного окна крик: «Сынок». Полицией-охранником в это время ушёл за угол, и я быстренько вскарабкался на цоколь, и руками уцепился за оконную решётку. В окне я увидел большую камеру со множеством людей. Моя мамочка прижалась лицом к решётке, просунула руку и стала гладить меня по голове, приговаривая: «Сыночек не волнуйся. Как вы там? Я скоро к вам вернусь, привет бабушке и Бронечке, целую вас крепко!». За углом раздались шаги полиции. Я быстро спрыгнул и пошёл к воротам на выход, оглянулся и помахал рукой. Больше я маму никогда не видел. Когда я принёс передачу в тюрьму в следующий раз, у меня её уже не приняли, там сказали: «Иди мальчик домой, твоя мама уже на веки сыта!» Позже, вышедшая из тюрьмы мамина соседка по камере рассказала нам, что маму пытали, ей сломали руку и пробили голову. Так мы остались в гетто без мамы.

В марте 1942 года немцы в гетто устроили очередной погром. Когда начались выстрелы, бабушка мне сказала: «Беги, постарайся выскочить из гетто, а мы с Бронечкой здесь спрячемся» Мне удалось выбраться из гетто, в глухом месте у Татарских огородах пролезть через колючую проволоку и перебраться в русский район. Когда я вернулся, то узнал, что бабушку и мою 6-ти летнюю сестричку Бронечку полиция нашли под крыльцом дома, где они спрятались и тут же расстреляли. Тётю и её двух девочек, моих двоюродных сестер, тоже нашли и недалеко от дома, расстреляли. Уцелевшая соседка все видела с чердака соседнего дома, где она пряталась, и, когда я вернулся, всё мне рассказала. Когда я зашёл в дом, то увидел на кухне мёртвую старушку, а в комнатах мёртвых женщину и мужчину. Окна в комнатах были выбиты, на полу и у крыльца лужицы крови, присыпанные снегом. Я остался один, надо было выживать...

Этой зимой я отморозил пятки на ногах из-за прохудившихся валенок. Из пяток тёк гной, ходить было очень больно, поэтому я двигался медленно, наступая только на пальцы ног. Однажды, несмотря на боль в ногах, я отправился за пределы гетто, побираться и взял с собой соседскую девочку, её семья погибала от голода. Когда мы возвращались обратно в гетто, то на границе гетто нарвались на полицию, он с винтовкой на перевес привёл нас к яме, куда были сброшены тела моих родных, подвёл к краю ямы и сказал, что сейчас расстреляет, если мы не дадим ему золото. Моя товарка заплакала, и он её отпустил, а меня прикладом толкнул в яму. Я упал в глубокий рыхлый снег, пытаясь выкарабкаться, хватаясь замёрзшими руками за кусты, съезжал снова вниз и всё-таки выполз наверх и оказался снова рядом с полицейским. Очевидно, он заметил, что при ходьбе я наступаю только на носки ног и подумал, что я что-то прячу в обмотках. Полицией приказал мне размотать тряпки на ногах и тут он увидел вместо золота мокрые от гноя пятки. Затем он подвёл меня к проволоке, оттянул её наверх, пропустил меня на территорию гетто. Самое главное, что он не отнял у нас то, что удалось собрать: немного картошки и кусочки хлеба. Я думаю, что у него просто не было ни одного патрона! Я и дальше продолжал выбираться из гетто, побирался и приносил в гетто добытую пищу, отдавая часть её чужим людям, у которых жил.

ПОБЕГ ИЗ ГЕТТО

Я остался совсем один и жил среди чужих людей, меняя место после каждого погрома. Спасался по-разному: в одном месте была «малина», тайник, а в других случаях, заранее узнав о готовящейся акции, пробирался вечером или ночью в «русский район». Во время последнего погрома, (я тогда не знал, что он будет последним, и гетто будет полностью ликвидировано), я жил недалеко от еврейского кладбища по улице Обутковой. На этот раз начавшийся погром застал меня врасплох. Проснулся я рано утром от шума, криков, топота ног и выстрелов на улице. Вначале я думал, что это очередная акция, и сразу бросился по Обутковой к границе гетто — проволочному забору, так как в доме, где я жил, спрятаться было негде. Остановился у самой проволоки и увидел, что вдоль всей границы гетто по Шорной улице через небольшое расстояние друг от друга стоят вооружённые автоматчики, не дающие приближаться к ограждению. Я начал метаться по гетто, понимая, что это уже конец. Прибежал на Юбилейную площадь к бирже труда, где строились колонны рабочих, которых немцы хотели использовать для работы после уничтожения гетто. Под охраной рабочие колонны выводились за пределы гетто. Я и ещё один мальчик пристроились к рабочим в середине колонны в разных шеренгах, и, спрятавшись под плащами взрослых мужчин, идя с ними в ногу, мы надеялись выйти из гетто через охраняемые ворота на Республиканской улице.

У ворот стояла усиленная охрана, и нас заметили. Немецкий офицер выдернул меня из подмышки прятавшего меня рабочего, взял меня и моего товарища по несчастью за шиворот и потащил нас по улице вверх по направлению к Юбилейной площади. А навстречу шли к воротам гетто колонны

с рабочими, и я услышал, как они говорили между собой «Балд ветерзей шисн!» (сейчас он их расстреляет). Я шёл спокойно, понимая, что обречён на смерть, а мой товарищ нервничал и пытался вырваться, при этом бил немецкого офицера по ногам и выкрикивал «Фриц, гад!» Так мы дошли до угла Сухой улицы и Юбилейной площади. Тут немец крикнул «Раус швайн!» (вон свинья) и меня отпустил, а моего напарника убил на виду у всех, выстрелив ему в затылок. Сам немецкий офицер пошёл обратно к воротам, я же вернулся и подошёл к лежащему в луже крови мальчику, голова его подёргивалась, возможно, он был ещё жив.

Затем я бросился бежать к углу улицы Обутковой и Шпалерной, это было хорошо знакомое место, где в колючей проволоке была уже давно проделана большая дыра, через которую мы, мальчишки, раньше часто пролезали. На этот раз здесь стояла охрана. Тем временем рабочие колонны вышли из гетто, и немцы начали выгонять из домов всех подряд и сгонять людей на Юбилейную площадь, где стояли грузовые машины. Мы знали, что машины с людьми направляются за город, где всех расстреляют. Солдаты и полиция начали обходить дома в нашем районе и приближались к нам. Мы уже слышали немецкую речь, крики гонимых евреев, лай собак и выстрелы. Во дворе дома, стоящего рядом с дырой в проволочной ограде, собралось большое количество еврейских ребят. И мы решили использовать последний шанс – терять было нечего, все собравшиеся друг за другом рванулись к дыре в колючей проволоке и потом бросились врассыпную, чтобы успеть добежать до улицы Мясникова, завернуть за угол, где нас не смогут достать пули. Первым проскочил мальчишка, державший пуховую подушку впереди себя, надеясь, что пули её не пробьют, а за ним побежали все остальные. Когда мы перебежали дорогу и бросились вниз по улице, я услышал позади себя выстрелы и поэтому побежал, прижимаясь ближе к стенам домов. Один раз я оглянулся и увидел лежащих на дороге ребят. Кому удалось убежать и сколько погибло, не знаю. Видимо, солдаты боялись стрелять в сторону улицы Мясникова, так как по ней ездили и ходили немцы. Очевидно, это многих из нас спасло. Добежав до улицы Мясникова, я перешёл на шаг, чтобы не вызывать подозрения. Однако дальше идти было некуда – везде немцы и полиция, поэтому я завернул за угол и зашёл на территорию каких-то мастерских. У железных ворот стояли два солдата с автоматами, и они, ничего не говоря, меня впустили. Оказалось, что на территории мастерских находились еврейские рабочие, которые меня окружили и стали расспрашивать, что происходит в гетто и как я попал к ним. Они мне рассказали, что их начальник, немецкий полковник, предупредил, что в гетто они больше не вернутся, за ними придут машины и под охраной куда-то увезут. «А ты беги отсюда и как можно быстрее», – сказали мне. Я сразу бросился к воротам, но солдаты меня обратно не выпустили. Я вернулся к рабочим, и еврейские женщины упростили немецкого полковника, чтобы он вывел меня за ворота, сказав, что я случайно заблудился. Полковник довёл меня до ворот, что-то сказал охранявшим солдатам, которые меня пропустили, а мне крикнул «Раус!».

Куда идти, не знаю. Решил, что надо побыстрее выбраться на окраину города, где легче укрыться и меньше полицейских и немцев. Но куда идти? В какую сторону? Спросить некого! Стал закоулками, через городские развалины, пробираться, решив, куда-нибудь выйду. Вот так совершенно случайно я дошёл до реки, перешёл через мост и оказался на улице Ворошилова – это я потом узнал. Справа за мостом я увидел поляну, на которой стояли большие высокие железные баки с квадратными отверстиями. Рядом находились прибрежные кусты, росла высокая трава, и стоял небольшой домик. Я понял, что здесь можно спрятаться. Когда я подошёл поближе к кустам, то к своему удивлению увидел нескольких ребят из гетто, которые тут скрывались и так же, как и я, случайно добрались до этого места. К ночи подошли ещё подростки, бежавшие из гетто. За несколько дней в этом месте нас набралось более двадцати человек.

ВСТРЕЧА С КИМОМ

Описанные события происходили в конце октября, когда по вечерам становилось просто холодно. На берегу реки в траве расположилась группа вырвавшихся из гетто полураздетых ребят. Мы были напуганы, измучены, голодны, и нас трясло от холода и неизвестности. Разговаривали мы только шёпотом и не поднимались в полный рост, всё время надо было прятаться. И вдруг смотрю, к нам со стороны дороги идёт рыжий мальчишка, нормально одетый, а не так, как мы. Видно, никого и ничего не боится, идёт, как хозяин. Подошёл к нам вплотную, стало ясно, что он наш ровесник. Наперво сказал, чтобы мы его не боялись, после чего мы поздоровались и познакомились. Он сказал, что его зовут Ким, и он живёт рядом, у моста. Он понял, что мы из гетто и спросил, сколько нас человек. Мы ответили, но нас это насторожило. Затем он сказал, что скоро придёт и чтобы мы никуда не уходили. Ким ушёл и долго не возвращался, мы испугались, а вдруг он приведёт полицейских и всех нас выдаст? Поэтому мы рассыпались по кустам и стали внимательно следить за дорогой. Наконец появился Ким, он пришёл один и сам оглядывался, не идёт ли кто-нибудь следом за ним. Домик на берегу оказался столярной мастерской его отца. Ким принёс ключ от мастерской, который он взял без спроса, и впустил нас внутрь. В мастерской было тепло и вкусно пахло свежей сухой стружкой. На полу стояло несколько дощатых гробов. С собой Ким принёс свёрток, в котором оказалась горячая картошка в мундире, кормовая свёкла, морковь и кусочки хлеба. Ким предупредил нас, чтобы рано утром мы выходили из мастерской, так как он должен был вернуть ключ отцу, и прятались в кустах на берегу реки. Так мы прожили трое суток. Днём мы видели, как по улице Ворошилова еха-

На фото: Ким Лесовский.

На фото: С дочкой и внуками.

На фото: Награждение.

На фото: Таубкин, Сребник, Пошерстник.

ли грузовые машины, крытые брезентом, из машин доносился плач и голоса людей - это вывозили евреев из гетто на расстрел в Тростинец.

Отец Кима, очевидно, заметил, что стружка в мастерской помята и поэтому он догадался, что Ким скрывает там евреев. Ким, оставив висячий замок на дверях, стал нас пускать на ночь в столярную мастерскую другим способом – он вынимал стекло из оконной рамы, мы, помогая друг другу, залезали во внутрь, а утром он вставлял стекло и втыкал гвоздики. Ким нас предупредил, что на другом берегу реки находится насосная станция, и немцы каждый вечер и ночь освещают скользким лучом наш берег. Поэтому надо быть начеку, и если попадём в луч прожектора, не шевелиться. Так мы прожили ещё несколько дней, а Ким всё время нас подкармливал. Двое наших друзей ушли и не вернулись. Мы же ещё надеялись вернуться в гетто, после завершения, как мы предполагали, очередной акции. Но Ким нам сообщил, что гетто уничтожено окончательно, а все его обитатели вывезены за город и расстреляны. Немцы сняли проволоку с ограждения гетто и приступили к заселению его территории новыми людьми, уже арийскими жителями. Скрываться дальше в мастерской становилось бессмысленно и опасно. За эти дни я подружился с одним из еврейских мальчиков, и он предложил мне уйти вместе с ним в деревню, в которой когда-то жила его семья, и у них там есть надёжные друзья. Я согласился, и рано утром, когда все ещё спали, мы вдвоём вылезли через окно, не поблагодарив и не попрощавшись с Кимом и оставшимися ребятами, и пошли по улице Кирова, затем вышли из города и направились в деревню. Но то, что сделал Ким для нас, я не забуду никогда, ведь за помощь и укрытие евреев полагался расстрел всей его семьи, и он это знал. Если кто-нибудь из читателей этого рассказа был рядом со мной в те дни, то отзовитесь, я живу в Кармиэле.

К ПАРТИЗНАМ

Выйдя из города, я и мой новый товарищ шли вначале вдоль шоссе по обочине, затем стали углубляться в сторону леса. Мой товарищ хорошо помнил название деревни, куда мы направлялись. Мы шли лесными тропинками, мимо полей со снятым урожаем, мимо огородов и хуторов, откуда доносился лай собак. Когда на пути встречались местные жители, мы спрашивали: как найти нужную нам деревню? А на вопрос, зачем мы идём туда, отвечали, что родители погибли во время бомбёжки, и мы хотим наняться в пастухи. И нам объясняли, куда надо идти. Так мы и шли от деревни к деревне. В нужную деревню и к дому, который узнал мой друг, мы пришли ранним утром. Мы очень обрадовались, что наконец-то находимся в полной безопасности, что нас обогреют и накормят, и, возможно, оставят у себя или дадут совет, куда податься дальше. Однако вскоре радость наша была омрачена. Когда мы вошли во двор и направились по дорожке, ведущей к дому, у самого крыльца нас встретила хозяйка и пальцем у рта показала, чтобы мы молчали. Она повела нас обратно за калитку и там объяснила, что в дом к ней заходить нельзя, так как у неё уже несколько дней ночует группа немцев, направляющаяся выполнять какое-то задание. Она узнала моего товарища и расспросила его подробно о судьбе всей семьи и спросила, что мы собираемся делать дальше. Мы ответили, что хотим найти партизан. Хозяйка дома сказала, что это возможно, но необходимо быть осторожными, когда заходим в чей-либо дом и не доверяться незнакомым людям. Затем она показала дом, где жил полицай и дом, в котором живут «хорошие люди», и посоветовала попросить их, чтобы они на своей лодке перевезли нас на другой берег реки. Затем знакомая моего товарища зашла в дом, и, вернувшись, принесла нам картошки, блинов и другой снеди на дорогу.

Мы поблагодарили её и ушли. Однако мы что-то не поняли и перепутали дома. Попали не в тот дом, хозяева нас расспросили и сказали, что лодки у них нет, и направили нас в противоположную сторону. В соседнем же доме к нам отнеслись очень тепло, дали поесть и согреться, напоили чаем, и потом старший сын хозяйки посадил нас в лодку, и, переправив на другой берег реки, объяснил, куда надо идти дальше. А дальше нам пришлось идти по скошенному полю и удирать от встретившихся местных ребят, которые сидели у костра, (встреча с ними ничего хорошего нам не сулила). Когда мы вышли на хорошую просёлочную дорогу, я заметил, что мои босые ноги были ободраны до крови. Пройдя несколько километров по этой дороге, мы увидели две женские фигуры, идущие впереди. Женщины периодически оглядывались и улыбались нам, но ни разу не заговорили. Мы решили, что, возможно, это партизанские разведчицы. Так мы шли за ними очень долго, пока не дошли до двухколейной железной дороги, за которой виднелся густой лес и откуда доносились звуки пил и топоров. На переезде, идя за этими женщинами, мы увидели неожиданную картину: навстречу вышел молодой мужчина в меховой кубанке, ватнике нараспашку, а на его солдатском ремне висели гранаты, но главное – его лицо мне было знакомо по гетто, значит, он партизан, и нам нечего бояться! В этом месте

мы зашли в один из домов, чтобы поесть и передохнуть. Здесь нам повезло, хозяйка расспросила нас и накормила горячим обедом, первым настоящим обедом за два с половиной года, затем показала нам, как добраться до партизанского отряда. Два дня мы ещё блуждали по лесным дорогам, но в партизанской зоне, в сёлах, нас жалели и помогали. Мы остановились на развилке дорог, не зная куда идти, а спросить не у кого. Вдруг, как из-под земли, нам навстречу вышли два партизана с винтовками за плечами. Спрашивают: «Как сюда попали? Откуда идёте? Что ищете?» Мы рассказали, что идём из Минского гетто и ищем партизанский отряд. Они сказали, что в партизанский отряд нас не возьмут: малы и без оружия. Затем посоветовали идти в деревню Поречье, там есть такие же ребята, как мы и объяснили, как найти эту деревню. На душе стало веселее, и мы быстро пошли пока не увидели деревню, в центре которой стояла церковь. Это была деревня Поречье, где, как мы позднее узнали, недалеко в лесу располагался 5-й партизанский отряд второй Минской бригады им. Кутузова, которой командовал бывший узник Минского гетто – Лapidус, а комиссаром был Гирш Смоляр (автор книги «Мстители гетто»). В этой деревне вместе с нами собралось около сорока еврейских детей. В первом доме деревни нам сказали, как найти коменданта. Комендант расспросил нас, записал наши фамилии в тетрадочку, (которая в последствие попала в архив Музея Отечественной войны), затем привел в помещение, где уже было несколько наших сверстников, нас там кормили и опекали. Впервые с момента пребывания в гетто я почувствовал себя в безопасности. Через несколько дней комендант привёл меня в крестьянскую семью, где меня обули в лапти, сшили рубашку, и я стал в этой семье помогать по хозяйству. Однако вскоре немецкие войска стали наступать на деревню, меня и остальных ребят посадили на лошадей и отправили подальше от деревни в лес. После того, как немцы ушли из деревни, все ребята вернулись к своим хозяевам, которые нас опекали. Мы остались живы! А через девять месяцев, в июле 44-го года, я вместе с партизанами на попутных машинах вернулся в освобождённый Минск, сначала попал в детский дом, а затем меня разыскал вернувшийся с фронта мой отец. Отец приехал с фронта, чтобы узнать, остался ли кто-либо в живых из семьи. Он зашёл к нашим бывшим соседям, в это же время случайно я пришёл к ним из детского дома. Тут мы и встретились...

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Мне повезло, я остался жив благодаря разному стечению обстоятельств. Но не только удача и везение: моё спасение было обусловлено помощью многих добрых людей, среди которых мой ровесник Ким Лисовский занимает особое место. Я обратился в Институт Яд Ва-Шем с ходатайством о присвоении Киму Лисовскому почётного звания «Праведник Народов Мира».

В процессе изучения моего ходатайства выяснилось, что вся семья Лисовских спасала евреев во время оккупации Минска нацистами. На днях я получил уведомление Института Яд Ва-Шем от 01.11.06., что в знак глубочайшей признательности за помощь, оказанную еврейскому народу в годы Второй мировой войны, Киму Лисовскому, его отцу Клементию Лисовскому и матери Ольге Лисовской присвоено почётное звание «Праведник Мира», посмертно. Их имена будут выгравированы на Стене Почёта в Яд Ва-Шем, медали и Почётные грамоты будут переданы Посольством Израиля в Белоруссию семье Лисовских.

Из письма сестре Кима - Александре Клементьевне Лисовской:

Уважаемая Александра Клементьевна, родные и близкие «Праведника Народов Мира» Кима Лисовского!

Я искренне рад и горд, что Киму Лисовскому, его отцу Клементию Лисовскому и матери Ольге Лисовской присвоено почётное звание «Праведник Мира», посмертно. Сегодня медали и Почётные грамоты переданы Посольством Израиля в Белоруссии семье Лисовских. Я хочу отдать дань уважения тогдашнему мальчику – герою и Праведнику, помогавшему евреям в трудную годину. Его имя должен знать мир!

Желаю долгих лет жизни, здоровья и благополучия Вам, родным и близким.

Материал помещен с любезного разрешения
Всеизраильской Ассоциации «Уцелевшие в концлагерях и гетто»

На фото: С хором.

На фото: Александра Клементьевна Лисовская (Шура), сестра Кима и Давид Таубкин.

СУДЬБЫ

«ЧУДОМ УЦЕЛЕВШИЕ»

(Петях-Тиква. 2005 год)

Вайнштейн (Бланк) Анна Мееровна.

Родилась 12 января 1928 года в г. Могилев-Подольский, Винницкой области, в Украине

ВАНШТЕЙН (БЛАНК) АННА МЕЕРОВНА

Июль 1941 года, летние каникулы для школьников. Я находилась в это время в пионерском лагере. И вдруг, как гром среди ясного неба... Война.

Начали бомбить наш город. Все готовились к эвакуации. Мама тогда работала бухгалтером в райпотребсоюзе, а отец был репрессирован еще в 1939 году. Наша семья была небольшая (мама Фира, сестра Рита, родители моей мамы – бабушка Фейга и дедушка Залмин и я). Брат Натан после окончания школы добровольцем ушел в Красную Армию. Когда мы эвакуировались, нас по дороге много раз немцы бомбили. Мы каким-то чудом добрались до города Томашполь и там жили в одной еврейской семье несколько дней. Но недолго мы там «отдыхали». Ночью наши войска оставили город, и на рассвете немцы вошли в Томашполь. Никогда не забуду это утро, когда под звуки духового оркестра немцы прошагали по главной улице, а местные жители этого городка встречали их хлебом и солью на белых рушниках. Мы стояли в стороне, и нас одолевала мысль: «Что же будет с нами?» Через два дня мы решили возвратиться в наш родной город Могилев-Подольский. Направляясь домой через местечко Боровка, остановились у родственников. В это тихое украинское село, расположенное далеко от оживленных дорог и магистралей, прибыло много еврейских семей, в основном люди пожилые, женщины и дети. В это время поползли страшные слухи о том, что немцы уничтожают евреев. На семейном совете было принято решение пробираться дальше по направлению к нашему городу. Недалеко от местечка Боровки, ближе к Могилев-Подольску, находилось местечко Чернивцы. Мама с дедушкой решили разведать, есть ли там немцы, можно ли там остановиться. Они вышли ночью и в этот же день собирались вернуться обратно. На рассвете в дом, где мы остановились в Боровке, ворвались гестаповцы с автоматами и стали выгонять нас из дому. Бабушка взяла на руки маленькую Риту, за руку меня, и мы пошли к зданию бывшего сельского совета. Много евреев уже было собрано, но многие еще прибывали. Деревенские мальчишки, местные жители, сносили в здание лопаты. Наивные евреи думали, что лопаты предназначены для работы в поле. Но наша бабушка Фейга была очень мудрой, она поняла это по-своему, заподозрив что-то неладное. Она сказала, что мы должны отсюда выбраться, но как? Двор был обнесен высоким каменным забором, а на воротах стоял часовой. Бабушка обошла здание и где-то сзади дома нашла место в заборе, где можно было подставить камень и кое-как перебраться на другую сторону забора. Сначала она меня заставила перелезть через забор, помогая мне. Это было нелегко, так как я боялась высоты, затем она подсадила Риту на забор, а я должна была ее снять. Рита плакала, боялась. Затем бабушка сама перелезла (ей было в то время более 60 лет). Мы ползком пробирались через заросли бурьяна к дороге. Но, как только мы вышли на дорогу, местные жители – украинцы предупредили, чтобы мы прятались, так как немцы ищут везде евреев. Приходилось пробираться через поле в лес. Мы сторонились людей, маленькая Риточка все время плакала, хотела спать и есть. Мы постоянно несли ее на руках. На одном хуторе сжалились над нами, женщина вынесла нам кружку молока и хлеба. Вечером мы добрались в местечко Чернивцы. Но, когда мы с трудом разыскали место, где находились мама и дедушка, то узнали, что мама ушла за нами в Боровку, а всех евреев, находящихся там, во дворе сельского совета, в тот же день расстреляли (более 300 человек). Мы были в шоке, считая, что мама там погибла. Но Бог распорядился иначе... Мама уже почти дошла в Боровку, но встречные крестьяне её предупредили, чтобы она не шла в село, там расстреливают евреев. Она, естественно, их не послушала, а шла дальше и дальше, она слышала душераздирающие крики людей и выстрелы. В каждом детском крике она слышала наш крик. На какое-то время сознание покинуло её. Когда она очнулась, раздавались отдельные крики и стоны. Затем сразу все стихло... Зачем ей сейчас жить?

Сельская дорога, куда она ведет? По дороге мама шла и молила Бога, простить её за грех, что не оказалась вместе с детьми, и за то, что не хочет больше жить... Вдруг ей показалось, что её кто-то позвал. Мама увидела перед собой женщину, которая сказала, что родные оплакивают её, думая, что она расстреляна в Боровке. Когда мама вернулась в Чернивцы и увидела, что мы живы, то от всего пережитого потеряла сознание...

Но это было только начало наших страданий. Два года и девять месяцев жизни в гетто в городе Могилев-Подольский. Мы голодали. Пережили наводнение, болели. Я в оккупации перенесла скарлатину, сыпной тиф без лекарств и врача. Нас несколько раз хотели угнать в лагерь смерти в Печёру. Но нам удалось избежать этой участи. Мы чудом выжили! В марте 1944 года Красная Армия освободило наше гетто. Это был самый счастливый день в моей жизни!

После войны я окончила Черновицкий университет, факультет иностранных языков. Работала в школе 37 лет, в городе Рахов, в Закарпатье. Замужем. Мой муж – бывший узник концлагеря Печёра, участник войны.

Мы репатрировались в Израиль в 1990 году. У нас сын Миша и трое внуков (сын Саша умер в 1994 году от неизлечимой болезни, ему было всего 34 года). Я хочу, чтобы то, что пережили мы, дети войны, никогда не повторилось ни с нашими детьми, ни с любым другим народом Мира.

КТО СКАЖЕТ, ЧТО в мире не бывает чудес?

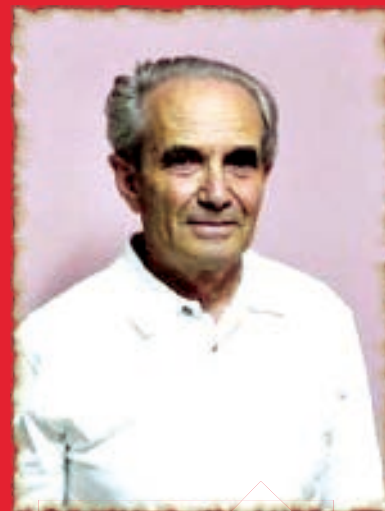
Феликс Сорин

О трагедии Катастрофы написано, рассказано и сказано очень много. И всё же, у каждого выжившего, есть свой, отличающийся от известных, «самый главный» жизненный эпизод, событие, которое всегда рядом, которое снится по ночам, которое живёт вместе с ним всегда, пока жив он сам. Сейчас доподлинно известно, что нацистское руководство поставило перед собой задачу полностью уничтожить еврейский народ тотально, убить каждого еврея независимо от возраста, никого не оставив в живых. В этом кратком очерке я попытаюсь описать один эпизод, свидетелем и участником которого был, и который показывает, как осуществлялась преступная нацистская цель на практике.

До Отечественной войны наша благополучная семья (мама, папа, старший брат-курсант Выборгского военно-морского училища, сестра - ученица восьмого класса и я) жили в городе Ошмяны, в Белоруссии, недалеко от границы с Литвой. Я, самый младший в семье, был окружен постоянной заботой и любовью близких. Было мне девять лет, и я был счастлив. Всё рухнуло в шесть часов утра 22 июня 1941 года - война. На следующий день вечером мы вынуждены были бежать из города на Восток. Мы шли пешком по дороге под непрерывной бомбёжкой. Ночью нас догнал на подводе знакомый сосед, и отец попросил его довезти меня, выбившегося из сил, до Сморгоньского райкома партии, где мы должны были встретиться. Встрече этой не суждено было состояться, на том месте, где прежде стоял райком, зияла огромная воронка, заполненная водой. Подождя немного времени, сосед сказал, что надо торопиться, и мы продолжили путь. Так я потерял всех своих родных. (Как выяснилось уже после войны, моей семье удалось бежать от наступающих немецких войск). Через два дня пути под продолжающейся непрерывной бомбёжкой меня довезли до Острашицкого городка, что в двадцати километрах от Минска, и оставили в местном сельсовете, где до меня никому не было дела. Однако вечером, когда в сельсовете остался я один, пришёл молодой мужчина, назвавшийся дядей Ваней, и отвёл меня в находившийся неподалёку детский туберкулёзный санаторий. По дороге он спросил меня, кто я и откуда, и посоветовал никому не говорить, что я еврей и что отец мой работал в райкоме партии. Я запомнил этот совет, он оказался весьма полезным.

После двух дней страшных боёв, Острошицкий городок заняли немцы, а через несколько дней мы, с появившимся у меня другом Борей, ушли пешком в Минск. Там мы нашли Борину маму, которая временно разместилась вместе с другими бездомными на стадионе в шалаше, сооруженном из обломков досок ржавых листов жести и прочего хлама, и она приняла меня в свою семью. Вскоре нас переселили в деревянный домик, в котором, кроме нас троих жила ещё медсестра Лиза и мать с молодой светловолосой дочерью двадцати-двадцати трёх лет, которую звали Лидой. Все жильцы дома относились ко мне доброжелательно, а с Борей и его мамой мы были, как родные. Однако жить в таких условиях нам посчастливилось недолго. В середине августа на груди и спине Бориной мамы и тёти Лизы появились круглые жёлтые нашивки, а вскоре Борова мама собрала в узлы все наши пожитки, погрузила их на пришедшую подводу и нас отвезли в Минское гетто. Поселили нас в большой полуподвальной комнате, в которой уже расположилось много людей. Гетто жило своей повседневной жизнью: грабежи, погромы, убийства... Однажды ночью, когда мы с Борей уже лежали в углу нашей комнаты на своей подстилке, у стола при свечке собрались взрослые и завели разговор о происходящем. Из подслушанного разговора мы поняли, что всех нас, евреев, будут убивать.

Утром, взяв пару картофельных блинов и горбушку хлеба, не сказав никому ни слова, мы с Борей убежали из гетто. Началось бродяжничество по городу. Ночевали в развалинах, в подвалах, в сараях на окраине города. Питались, чем придётся. В основном, это были овощи, уворованные с хозяйских огородов или на рынке у зазевавшихся торговков. Иногда просили подаяние, но это было опасно, всякие были люди, могли выдать. Больше всего боялись встречи с полицией, они мгновенно определяли евреев, и нам это грозило смертельной опасностью. Прошло совсем немного времени, и мы превратились в каких-то грязных, оборванных, вшивых, покрытых чесоткой, детей. Дальше так продолжаться не могло, и я высказал идею идти в сторону Могилёва, на Восток, куда ушла Красная Армия. Так мы и поступили. Уже вечерело, когда возле деревни Тростенец, в нескольких километрах от Минска, нас застал сильный дождь с грозой. Мы устали, были голодными и решились переночевать в деревне. Зашли в первую от шоссе хату. Хозяйка дала нам умыться, накормила варёной картошкой с молоком и разрешила переночевать в сарае на сеновале. А утром нас разбудил хозяин, покормил, посадил на подводу, отвёз в Минск и сдал в Горуправу. Здесь две женщины устроили нам длитель-

Феликс Сорин

СУДЬБЫ

ный и серьёзный допрос. Я назвал своё настоящее имя, сказал, что до войны жил в Ошмянах, что отец работал рабочим на дрожжевом заводе и, конечно, что я русский. Уже в конце допроса в комнату вошла какая-то женщина и ... узнала Борю. Она сказала: «Боря, что ты тут делаешь? Я отведу тебя к маме, она очень обрадуется!» Борю увели. Так я потерял единственного близкого мне человека. Меня ещё некоторое время расспрашивали, требовали, чтобы я говорил только правду (иначе, они не смогут найти мою маму), что я не всегда делал... Наконец, допрос прекратился. Меня отвели в соседнюю пустую комнату и велели ждать. Я надеялся, что постоянство в ответах, чистая русская речь и нетипичная семитская внешность помогут мне избежать самого страшного - возвращения в гетто.

Через какое-то время меня посадили на телегу и отвезли в Дроздовский детский дом - бывший пионерский лагерь. Первое время после бродяжничества по Минску, жизнь в детдоме казалась раем. Здесь ещё продолжали действовать порядки пионерского лагеря, и я чувствовал себя в коллективе так же как любой другой ребёнок. Дрозды врезались в мою память бесконечными колоннами оборванных окровавленных, искалеченных советских военнопленных и евреев, бредущих по шоссе, и концлагерем, расположенным, в открытом поле, огороженным колючей проволокой, куда вливались эти колонны.

Наступала зима 1941 года. Жизнь в детдоме осложнилась, стало холодно, еды давали всё меньше и меньше. Приходилось подкармливаться на расположенных недалеко совхозных полях, где можно было ещё найти оставшуюся после уборки картошку, брюкву, турнепс. Конечно, все эти овощи было уже мёрзлым, но это была еда.

К концу 1941 года в Минских детдомах, значительная часть которых была образована новой властью на основе бывших пионерских лагерей, детских санаториев и довоенных детдомов, содержалось около несколько тысяч беспризорников. Теперь, с позиции тотального уничтожения евреев, задача нацистских властей состояла в том, чтобы в этих детских домах не осталось ни одного ребёнка еврейской национальности, ни при каких обстоятельствах. С целью выполнения этой задачи был издан специальный документ - «Распоряжение немецких властей заведующим детскими домами об отделении еврейских детей», в котором говорилось: «Все жидовские дети, по тем или иным причинам попавшие в ваш детский дом, должны быть под вашу личную ответственность из детского дома выделены и переведены в больницу гетто. О наличии в вашем детском доме детей жидовской национальности вам необходимо сообщить в Окружной отдел Просвещения». Это распоряжение характеризовало присущую немецким властям педантичность, но выполнялось оно в зависимости от гражданской позиции и личного мужества заведующего детским домом. Выявляла еврейских детей специально созданная комиссия. Волею судьбы мне пришлось стать объектом исследования этой специальной комиссии по определению национального происхождения детей.

Однажды, в начале зимы сорок первого года, когда земля уже замёрзла, а снег ещё не выпал, меня и ещё двух девочек, как и я воспитанниц Дроздовского детского дома, ранним утром посадили на телегу и повезли в Минск, как нам сказали, на проверку. Девочки оказались сестричками Левиными, приблизительно восьми и пяти лет. Были они круглолицые, чёрноглазые, с типичной еврейской внешностью. Имен их я не запомнил. В Минске нас завели в одноэтажный деревянный дом, (очевидно это был один из минских детдомов) и оставили в небольшой комнате. Через какое-то время в комнату вошла женщина и увела сестричек. Прошло совсем немного времени, и женщина пришла за мной. Она провела меня через коридор, подвела к двери в другую комнату и передала какому-то мужчине. Мужчина взял меня за руку и мы вошли в эту дверь. Это была длинная комната с одним окном в торце. В центре комнаты стоял длинный стол, покрытый зелёной скатертью, а по ту сторону стола сидели люди, взрослые люди, в гражданской одежде и в военных мундирах, мужчины и женщины, человек десять. Меня охватил ужас. До сих пор перед моими глазами встаёт та сюрреалистическая картина: девятилетний мальчик, ростом около 120 сантиметров стоит один перед такими большими, серьёзными дядями и тётями, которые смотрят на него внимательно и настороженно как на опасного врага...

Для чего? За что? Я обманывал себя, задавая эти вопросы, уже прекрасно зная «за что и для чего я здесь», что речь идёт о моей смерти, или жизни, что сейчас решится моя судьба. Захотелось спрятаться за чью-нибудь спину, уткнуться в мамин мягкий живот попросить у кого-то защиты, забиться в какую-либо щель... Щели не было. А защита... к кому здесь можно было обратиться? Так захотелось, чтобы это был сон. Это была реальность... Мужчина за руку подвёл меня к столу. Первый вопрос задала женщина, сидящая слева. Она спросила, как меня зовут и где я жил перед войной. Я ответил, что зовут меня Феликс и, что перед войной жил в Ошмянах. На вопрос, где работал отец, ответил, что он был рабочим на дрожжевом заводе. Дальше мужчина провожал меня вдоль стола от одного члена комиссии к другому. Задавались различные вопросы, и я на них отвечал почти интуитивно, где правдой, а где нет. Когда кто-то спросил, как звали мою маму, я сказал, что Феня Ива-

новна, хотя на самом деле её звали Фрида Исааковна, а я знал, что это имя еврейское. Я начал немного успокаиваться. Но вот передо мной оказался полицей в чёрной форме. Бросилась в глаза круглая коротко стриженная голова. Первый его вопрос был совершенно неожиданным. Он спросил: «А в синагогу ты ходил?» Я знал, что такое синагога, хотя ни разу в ней не был. Семья наша не была религиозной. Я ответил вопросом на вопрос: «А что такое синагога?» Тогда он спросил, как меня зовут. Я ответил: «Феликс». «А какая у тебя фамилия?». Я ответил: «Сорин». Он немного подумал и, обращаясь к своему соседу за столом толи с утверждением, толи с вопросом сказал: «Сорин, на «ин» кончается, наверно жидовская фамилия». Я заволновался. В это время сосед, обернувшись к полицейу, спокойно и очень уверенно сказал, что это русская фамилия, что у Чехова (он назвал произведение) есть персонаж - Сорин, помещик, дворянин, а в России дворянами евреи быть не могли. А, затем, немного повысив голос, чётко произнёс: «У него чисто русская фамилия». После этих слов я как-то воспрял духом, почувствовал человеческую поддержку, и мне подумалось, что всё ещё может кончиться хорошо. Я понятия не имел, кто этот человек, так неожиданно защитивший меня, вселивший в меня надежду. Запомнились лишь какие-то своеобразные, светящиеся из глубины, ласковые глаза. А в это время над перегородкой, что отделяла комнату от коридора, (перегородка не доходила до потолка) появилась белобрысая детская рожица и заявила: - «Он не еврей, он русский, мы Филю знаем!» Рожица исчезла, а за стенкой слышались детские голоса. В этом эпизоде больше всего меня почему-то поразило не то, что кто-то осмелился встать на мою защиту, а то, что этот мальчик назвал меня моим домашним именем, которое мало кому было известно.

О чём-то, через находившегося постоянно возле меня переводчика, спросил офицер в желтой форме с красной нарукавной повязкой со свастикой, но я не помню о чём, офицер в серой форме вообще вопросов не задавал. Было ещё несколько вопросов, но они меня уже не очень волновали, мне стало как-то легко, появилось чувство, что перейдён какой-то рубеж. Вопросы кончились. Тогда из-за стола встал худой, невысокого роста, мужчина, взял меня за руку, отвёл в дальний от стола угол и велел снять штаны. Я сбросил шлейки, опустил штанишки и показал ему то, что он требовал. Музыкой прозвучало, адресованное «высокой» комиссии, короткое слово - «NIX». Я облегчённо вздохнул. Далее, тот же мужчина велел мне пройти к небольшому столику, стоявшему отдельно, у дальней стенки. Окно находилось далеко, и возле стола стоял сумрак. За столом, склонившись, сидела женщина, и что-то писала в лежавшей перед ней тетради. Я подошёл к столу и остановился, ожидая, когда она обратит на меня внимание. Женщина подняла голову, и я увидел её лицо. Мы встретились взглядом и... у меня зазвенело в ушах и ноги вдруг стали ватными. За столом сидела Лида, та Лида, с которой мы жили в одном доме, и которая подсаживала меня на телегу, увозившую нас с Борей в гетто. Я её сразу узнал, а узнала ли она меня? А если узнала... Ведь она работает у немцев... Лида о чём-то спросила, я ей что-то ответил... Когда меня выводили из комнаты, я увидел сидящих на стульях сестричек Левиных. Что было потом, я не помню. Пришёл в себя в детдомовском больничном изоляторе. Через окно был виден двор, покрытый глубоким, пушистым снегом. Потом мне друзья рассказали, что по возвращению в детский дом, я несколько дней не мог разговаривать.

Комиссия сделала своё дело. Обнаруженные комиссией еврейские дети были отправлены в гетто, где потом они все погибли. Это событие описано в следующем документе: «2 марта 1942 года, дети детского дома были вывезены на расстрел. В тот же день были зверски убиты и порублены 67 детей детского изолятора...»

После возвращения в детдом моя жизнь проходила с чувством постоянного страха разоблачения. Это было хуже голода и холода. Когда в детдом наведывались полицей или немцы, я немедленно, где либо прятался, или куда-то убегал. С этим чувством страха предстояло прожить более двух лет, до 3 июля 1944 года. За это время мне пришлось побывать в разных детских домах: «Острошицкий городок», в Минском детдоме номер 4, чудом избежать отправки в Германию... Но это уже другая история.

Василий Семёнович Орлов

После освобождения Минска, я был определён в детдом номер 12. Живя здесь, я разыскал своих родителей и в августе 1945 года уехал к ним в Молдавию. Через много лет мне пришлось посетить Минск и здесь, встретившись с друзьями по лихолетью, я узнал фамилию того человека, (члена той пресловутой комиссии 1941 года) который сыграл, я в этом совершенно уверен, главную роль в моей судьбе. Это был Василий Семёнович Орлов, работавший во время оккупации инспектором в отделе «дитячих устаноу» Минской Городской управы. Этому достойному человеку, как выяснилось после войны, спасшему десятки еврейских детей от верной гибели, в 2005 году Специальная Комиссия института «Яд Ва-Шем» посмертно присвоила почётное звание «Праведник народов мира». Пусть будет вечной и светлой память о нём. Раньше я встречался со многими спасшимися евреями, прошедшими оккупацию, гетто и концлагеря; прочитал достаточно литературы, повествующей о Катастрофе, но только здесь, в Израиле, в беседах с моими однокашниками по Минским детдомам мне пришлось услышать рассказы о таких, созданных нацистами специальных комиссиях по определению скрывавшихся в русских детдомах еврейских детей. Очевидно, что такие детские комиссии были не

«В Минске селекцией детей занималась специальная антропологическая экспертиза, которую возглавлял сотрудник СД Ребиггер.

«Приказ об изоляции еврейских детей в детских домах немцы издали уже 20 июля 1941 г. Первый зафиксированный факт массового уничтожения еврейских детей относится к осени 1941 г., когда 15 детей еврейской национальности в возрасте от 2 до 12 лет были изъяты из детских домов, помещены в гетто, а затем расстреляны»

Из показаний свидетелей. Документы и материалы.

Минск, 1963 г., стр. 232

редким явлением. Для детей, прошедших её, и признанных евреями существовал лишь один исход – путь в неизвестность.

Так было здесь, под мрачным покровом фашистской оккупации. Проливалась кровь невинных, кровь детей. А в это же время где-то далеко Красная армия сражалась с лютым врагом за жизнь на земле и за наше освобождение. В рядах этой армии сражались мой отец и брат. Я же был почти уверен, что все мои родные погибли и что увидеть их мне не суждено никогда. Но жизнь предложила другой сценарий.

Брат Исаак к началу войны уже вернулся в своё училище и там продолжал службу, а родителям и сестре с невероятными приключениями удалось уйти от преследующих немцев и добраться до города Добринка Сталинградской области. В июле отец уже работал в местной газете «За Сталинский урожай», а в сентябре был мобилизован в армию и назначен политруком 294-ой транспортной роты, расположенной на станции Филоново, Сталинградской области. В этой должности служил в течение года. Рота выполняла штатные транспортные работы, в боевых действиях не участвовала – фронт был ещё далеко. Трудности службы были связаны с малочисленностью личного состава, негодной старой техникой, слабой ремонтной базой, фантастическими осенними дорогами и большим объёмом перевозок, которые следовало выполнять неукоснительно.

Связь с домом в это время была хорошей. Мама с сестрой устроились работать в местный колхоз и, по крайней мере, зарабатывали себе необходимые продукты. В Филоново к маме приходили письма от брата из Ленинграда (Выборгское ВМУ перевели в Ленинград). Письма были полны оптимизма и веры в победу. Брат считал великой честью то, что курсантов их училища отправили на какой-то участок фронта отражать наступающих финнов. (После войны мне довелось читать некоторые из этих военных треугольников). Мама пересылала некоторые из писем отцу.

Летом 1942 года немцы подошли к Сталинграду. Началась знаменитая Сталинградская битва. Рота переключилась на работу в прифронтовой полосе и в зоне непосредственных боевых действий. Появились потери бойцов и техники. Из редких воспоминаний отца можно заключить, что это был для него самый тяжёлый период войны как физически, так и морально. Тяжёлое положение на фронте, потеря связи с семьёй (мама с сестрой были вынуждены уехать из Сталинградской области на Урал), отсутствие сведений о старшем сыне, сражавшемся в блокадном Ленинграде и, наконец, потеря младшего сына, т.е. – меня, привели его, как он однажды выразился, в состояние озверения. Вероятно в тот период войны не он один находился в таком моральном состоянии.

С сентября по ноябрь 1942 года отец занимал должность комиссара 58 отдельной армейской автотранспортной роты, 28 армии, Сталинградского фронта, а в ноябре 1942 года был назначен заместителем командира по политической части 72 армейской роты, Бронетанкового управления 28 армии Южного фронта. Армейская рота была сформирована в связи с тем, что на фронте всё активнее и масштабнее начинали участвовать бронетанковые войска. Основной задачей роты являлась эвакуация повреждённой во время боевых действий бронетанковой техники и восстановление её работоспособности. В период отступления и обороны эвакуация производилась непосредственно во время боя, либо после него, если техника не оказывалась на территории, захваченной врагом. Неофициально подразделение называли «эвакорота».

Натан Аронович Сорин (1943 год)

Рота была оснащена тягачами, достаточно мощной стационарной ремонтной базой и передвижными мастерскими. Повреждённые танки с помощью тягачей извлекались из зоны боевых действий и транспортировались на ремонтную базу, а нередко, если повреждение машины было относительно лёгким, мобильные мастерские ремонтировали её на месте поражения, и танк вновь уходил в бой. Про этот период своей службы, отец говорил как о тяжёлой работе, но работе, которая вызывала чувство удовлетворения, чувство непосредственной причастности к поражению врага.

С началом наступления нашей армии, характер работы несколько изменился. Всё реже приходилось ремонтировать технику в условиях боя: война изменила направление.

Восстановилась связь с мамой, они с сестрой эвакуировались в Среднюю Азию, а через некоторое время пришло письмо и от брата. Он писал, что вместе с другом Олегом (фамилии его я, к сожалению, не помню) подали рапорт об отправке их на фронт, так как училище эвакуировали в тыл, был ранен, лечился в госпитале в Ленинграде, но теперь жив, здоров и продолжает убивать фашистов.

А отец в это время, вместе со своей ротой, двигался на Запад. Помимо существующих, у роты появилась ещё одна задача: разыскивать в Калмыцких степях и доставлять их на ремонтную базу. Приходилось совершать далёкие и длительные рейды.

Своей тяжёлой техники не хватало. И тогда в качестве тягачей стали использовать восстановленные немецкие танки, в основном, «Тигры». Помимо высокой тяговой способности,

танк служил хорошей защитой от различных неприятностей.

Однажды их колонна, состоящая из двух «Тигров» и одного тягача возвращалась из очередного рейда и тащила за собой два подбитых танка. Двигались ночью с погашенными ходовыми огнями и водитель танка, в котором сидел отец, очень обрадовался, когда, наконец, начало светать и стала видна дорога. Колонна остановилась, чтобы немного размяться на свежем воздухе, осмотреться и прослушать окружающее пространство. Ничего не увидев и не услышав, экипажи заняли свои места и колонна двинулась дальше. Прошло какое-то время после начала движения, когда колонна подверглась сильному артиллерийскому обстрелу. У отца была рация и он сообщил на свою базу, что, приблизительно, в таком-то районе колонну обстреливает немецкая артиллерия. В этот момент один из снарядов угодил в борт танка. Отец потерял сознание. Когда пришёл в себя, был уже день. Солдат, находившийся в танке, доложил, о радиогамме с базы, в которой сообщалось, что в указанном районе никаких немцев нет и что можно спокойно продолжать путь на базу. Отец что-то хотел сказать солдату, но не смог из-за боли во рту. Одежда на груди была залита кровью, а на коленях белели осколки выломанных зубов. По возвращению на базу, отцу сообщили, что обстреляла их своя артиллерия, приняв колонну (в которой были «Тигры») за немецкую.

Пробыв какое-то время в госпитале, оправившись от контузии и поправив зубы, отец был отправлен в резерв, а в октябре 1943 был зачислен курсантом-стажёром на курсы мобилизационных работников, закончив которые в апреле 1944 года, был назначен начальником первой части Романовского райвоенкомата, Молдавия.

Брат, продолжая служить в осаждённом Ленинграде, во время прорыва блокады, был тяжело ранен и был вывезен на Большую землю. После лечения в госпитале проходил реабилитацию в Средней Азии, где некоторое время провёл в семье с матерью и сестрой, а выздоровев, продолжил службу уже на Чёрном море.

Осенью 1944 года мы с сестрой Розой приехали к отцу в Романовку. В мае пришла долгожданная Победа. В июне, завершив свою службу в Севастополе, демобилизовался и приехал домой в Романовку брат Исаак. Пережив войну, семья воссоединилась. Радость встречи была омрачена лишь отсутствием младшего сына, потерянного на второй день войны.

А я, пройдя все прелести фашистской оккупации, после освобождения Миска третьего июля 1944 года, был определён в детский дом для осиротевших во время войны детей партизан, военнослужащих, партийных и советских работников. В начале 1945 года, я попытался разыскать своих родных. Написал письма в Ошмянский райком партии, где перед войной работал отец, в Выборгское ВМУ, на квартиру, где мы жили перед войной и, конечно, в Бутурус-лан - Центр по розыску потерявшихся лиц. Ответил лишь Бутурус-лан: никто из моих родных в базе данных этого учреждения не числился.

Одна из воспитательниц детдома, зная мою историю, спросила, не был ли мой отец командиром Красной Армии. Я ответил положительно, вспомнив, как несколько лет назад отец приезжал домой в офицерской форме. И тогда она мне посоветовала обратиться в Народный Комиссариат Обороны, где ведётся точный учёт всех офицеров. Я последовал её совету. Через достаточно короткое время пришёл лаконичный ответ: «Старший лейтенант Сорин Натан Аронович 1900 г. р., в апреле месяце 1944 года, находился в распоряжении Одесского военного округа». Я немедленно отправил письмо по адресу; СССР, город Одесса, начальнику Одесского военного округа, с просьбой сообщить мне адрес отца. И тогда начались дни волнений. Ясно, что в апреле отец был жив, но впереди был ещё целый год войны, а что такое война, мне было известно хорошо. Ответ пришёл на девятый день и был краток: Почтовый адрес Сорина Натана Ароновича-МССР, г. Романовка, РВК. Я отправил отцу письмо.

В кабинете за письменным столом сидел офицер в звании капитана и разбирал прибывшую почту. Голова капитана была совершенно седой. Спросив разрешения, в кабинет вошёл человек с портфелем в руке. Поздоровавшись, он сказал: - Натан Аронович, я пришёл, чтобы получить июльский взнос налога за малолетность. На лице капитана отразилась боль. - Я ведь вам говорил в прошлый раз, что у меня трое детей, а не двое. Что касается налога, то зайдите к нашему кассиру, у него приготовлены причитающиеся вам деньги. И, пожалуйста, в следующий раз идите прямо к нему, не заходя в этот кабинет. Человек ушёл. Капитан продолжил свою работу. Настроение было тяжёлым. В руках оказалось очередное письмо обыкновенный треугольник военных лет, со штампом «Проверенно военной цензурой», изготовленный из тетрадного листа в клеточку. Ничего необычного. Но вдруг в мире что-то изменилось...

Сорины (слева направо): Феликс, его отец Натан Аронович и брат Исаак Натанович (1991 год, Молдавия).

«ШТУТГАРТСКИЙ СЕВЕРНЫЙ ВОКЗАЛ»

В Кёльне, в Берлине, Гамбурге, Лейпциге и в ряде других городов Германии в память о депортированных нацистами евреях, на тротуарах возле домов, где они жили, вмонтированы металлические пластины с именами погибших, с датами их депортации и смерти, с названиями лагерей, в которых они погибли.

Северный вокзал – Nordbahnhof – сыграл роковую роль в деле депортации евреев из Штутгарта и ряда других мест Вюртемберга. Устроителям акции он был признан более удобным, чем главный вокзал города в первую очередь как привлекающий меньше внимания, да и вести ближе. Кроме дьявольской цели, организованная гестапо акция носила и коварный характер. Технология её проведения была направлена на скрытие целей депортации на восток. Была привлечена религиозная община, на которую возлагали участие в решении организационных и технических вопросов, включая извещения и большую часть финансирования. Намеченные к депортации люди получили вызов с подробным перечнем предметов, одежды, домашней утвари, включая набор слесарных инструментов, которые нужно было взять с собой. Каждому следовало составить подробный перечень своего имущества, якобы для облегчения организации его транспортирования. С подобной подготовкой намеченная к депортации первая тысяча евреев была сосредоточена в конце ноября 1941 года на сборном пункте в парке Киллесберг и в пешем строю приведена к Северному вокзалу. 1-го декабря депортационные эшелоны покинули Штутгарт и взяли курс на Ригу, куда они прибыли 4 декабря.

Подробности страшных и хорошо организованных расстрелов эсесовцами и латышскими фашистами широко освещены в литературе.

В дальнейшем Северный вокзал продолжал выполнять функции депортации: 1 рейс – в Избицу, 3 рейса в Освенцим, 4 рейса в Терезиенштат, причем, последний из них – 12 –го февраля 1945 года.

В рамках начавшихся после войны акций установки памятников убитым евреям, в парке Киллесберг у места сборного пункта депортации евреев через Северный вокзал – в 1962 году был установлен памятник, увековечивший более 2 000 тысяч человек.

У памятника 1 декабря ежегодно проводится траурный митинг, на котором присутствуют учащиеся старших классов, члены общества христианско – иудейского вза-

Лев Гавартин

имодействия и члены израелитской общины. Кантор исполняет «Эйль мо-лей рахамим», а иногда раввин - кадиш.

В 1991 году на наружной стене евангелической кирхи Мартинса установлена памятная доска:

*«Для напоминания,
Для памяти,
Для предупреждения.*

Мимо этой кирхи многочисленные бесправные еврейские жертвы национал-социализма сопровождалась на железнодорожные пути Северного вокзала и посылались на страдания и смерть. На глазах евангелической Мартинс общины они были депортированы в 1941 – 1945 гг. И дата: 1991 г.

В 2000 году под покровительством президента Германии в Берлине был создан «Германо-Рижский комитет» с целью увековечения 25 тысяч немецких евреев, большинство из которых было убито в Рижском Бикерниекском лесу. В комитет было привлечено много городов Германии, включая Штутгарт, который вместе с правительством Германии были источниками финансирования проекта ЦСЕГ, и городские власти Риги поддержали проект.

30 ноября 2001 года к 60-летию начала депортации в присутствии президента Латвии госпожи Вайры Вики - Фрайберг мемориал был открыт. Находящийся в центре мемориала куб с цитатой из Иова:

*«Земля! Не закрой крови моей,
И да не знает покоя мой вопль»*

содержит Книгу памяти в виде капсул, привезенных из мест депортации, с именами убитых евреев. Построение памятных камней мемориала напоминает старое еврейское пражское кладбище с нагромождением каменных стел. Но если пражское нагромождение есть следствие еврейской религиозной традиции, запрещающей нарушать покой умерших (при ограничении площади кладбищ применялись многие погребальные слои с перестановкой надгробий на поверхность нового слоя), то в Риге захоронение жертв слоями делалось так, как это фактически было зверски совершено фашистами. Мемориал разделен на участки с названиями всех городов, из которых была произведена депортация евреев в Ригу.

Следуя примеру Риги, и в Штутгарте еще в 2002 году создано общество: «Zeihen der Erinnerung», проводившие конкурсы на проект мемориала «Северный вокзал». И вот в 14 июня 2006 года состоялось его торжественное открытие. На площади в 2400 квадратных метра сохранены, покрыты гравием и окаймлены бетонной каймой – рельсовые пути, с которых начиналась депортация. На длинной бетонной стене выгравированы имена депортированных. Выставка, посвященная мемориалу, функционирует в штутгартской израелитской религиозной общине. Для желающих членов общины проводятся экскурсии по мемориалу.

Профессор Вольфганг Бенц, являющийся одним из известных ныне действующих специалистов по истории евреев Германии, говорит, что каждый памятник свидетельствует о договоренности не забывать уроков прошлого и является знаком того, что люди не утратили памяти. Таким Знаком призван служить мемориал «Штутгартский Северный вокзал»

ЛЕВ ГАВАРТИН

ЗНАК ПАМЯТИ

Медный знак на асфальте у входа,
Установленный доброй рукой,
В память черного, страшного года
И загубленной жизни людской.

Покаяния знак и печали,
Словно факел, горит из земли,
Чтобы мы из сегодняшней дали
Боль былого забыть не могли.

... Был рассвет или полночь глухая,
Но незаблещенный назначенный срок.
Стыла кровь от собачьего лая
И от грома солдатских сапог.

Люди шли, друг на друга похожи,
Обрученные общей бедой.
И смотрел равнодушно прохожий
На отмеченных желтой звездой...

Гул вокзальный — как молот стотонный,
А глаза конвоиров — как сталь.
И один за другим эшелоны
Уплывают в смертельную даль

По расчерченным точно маршрутам
В засекреченных картах штабных.
И уже не вернуть ни минуты,
И путей не бывает иных...

Медный знак на асфальте у входа,
Установленный доброй рукой,
В память черного, страшного года
И загубленной жизни людской.

Стонет скорбная медь у порога.
Я пытаюсь пройти сквозь года
К тем, кто вышел однажды в дорогу
И домой не пришел никогда.

Александр ИОФФЕ
Кёльн 2003г.

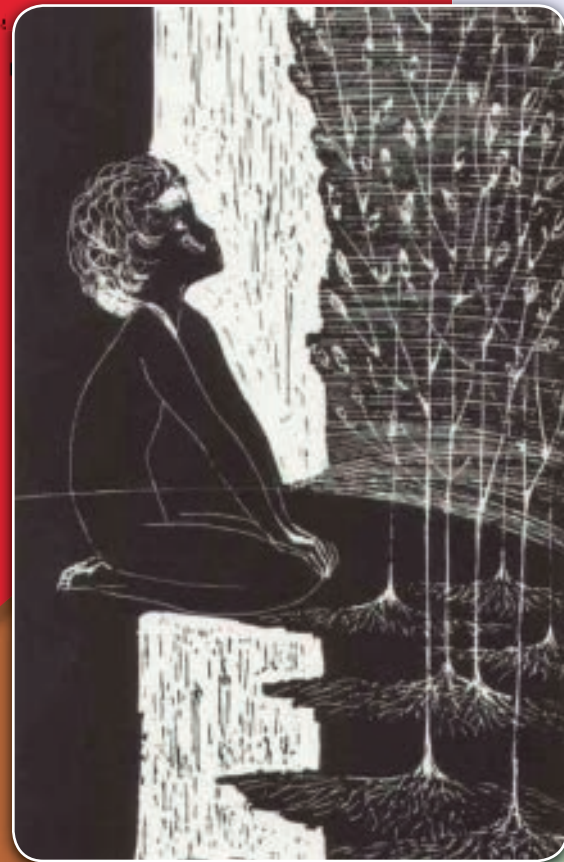
Шелестит листвой

...И хоть прошло с тех пор почти полвека (В конце сентября 1941-го года все евреи Бердичева были расстреляны немцами и местными полицией), я ходил по улицам Петах Тиквы, города, где поселилась моя семья в 1990-м году, до неприличия пристально всматривался в лица людей. Мне казалось, что я встречу своих родных, оставшихся в оккупированном немцами Бердичеве...

«Может быть, совершилось чудо, - думал я, - и удалось спастись хоть кому-то из моих, тогда маленьких, двоюродных братьев и сестёр». Тщетны и иллюзорны были мои надежды. Не раз думал я, как здесь, в нашем еврейском государстве, увековечить память о любимой тёте Нехаме, её детках Злате и Ривкале, о дяде Барухе и его четырёх мальчиках, о тёте Хае и её муже Арале. Спустя немного времени после моего приезда наш клуб «Золотой возраст» организовал тогда экскурсию в Яд ва Шем. Там нам, новым репатриантам, раздали анкеты и просили заполнить их на всех родственников, погибших в Катастрофе. Возвратившись домой, мы заполнили анкеты и через некоторое время получили письмо из Яд ва Шема о том, что их имена занесены навечно в компьютерную память музея. А через какое-то время нежданно у нас появилась возможность посадить деревья в лесу Бейт Шемена в память о погибших в Шоа, дорогих нам людей. Кроме того, я узнал, что задолго до Большой алии 90-х годов по инициативе и с личным участием замечательной семьи Клепфиш-Шенкар в этом же лесу посажена роща, названная Бердичевской в память обо всех погибших евреях Бердичева.

Расскажу, как это было. В нашем клубе «Золотой возраст» появилось объявление: члены клуба приглашаются на посадку деревьев и посещение мемориальной Бердичевской рощи. В объявлении также сообщалось об участии в этом же мероприятии Цили Клепфиш - доброго друга клуба, известной преподавательницы иврита по Радио РЭКА. У меня ёкнуло сердце. Сбылось то, о чём я мечтал: Бердичевская роща на Земле Израиля - рядом с Иерусалимом. Комфортабельный автобус подвёз нас к месту посадки деревьев. Нас приветливо встретил симпатичный лесник Земельного фонда Керен Каемет, выпускник Львовского лесотехнического института. Он объяснил технологию посадки деревьев, раздал саженцы, и мы увлечённо приступили к работе. Закончив посадку, мы с чувством исполненного долга подъехали к Бердичевской роще. Здесь Цили Клепфиш, со свойственной ей обстоятельностью и эмоциональностью, поведала нам об истории посадки Бердичевской рощи. Я почти дословно записал в свою записную книжку её интересный, взволнованный рассказ.

«Я родилась в Бердичеве, - так начала свой рассказ наша любимая учительница иврита Цили Клепфиш, - Моё детство прошло там в атмосфере тепла и любви нашей большой семьи. До революции мои родители были участниками молодёжного сионистского движения. В 30-ые годы, спасаясь от преследования советских властей, наша семья переехала в Киев. (В большом городе, сохраняя свои убеждения, легче раствориться в общей массе и уберечься от арестов). Там мы и жили до начала войны. А все наши близкие родственники: дедушка и бабушка (родители папы), и другой дедушка -(отец мамы), сестра папы с мужем и двумя сыновьями остались, - в Бердичеве... Пошла война, мы ещё надеялись, что кому-нибудь удалось спастись. Но когда война закончилась, мы узнали, что спастись не удалось никому. Немцы убили всех евреев Бердичева в один день. Родители мои и младшая папина

Бердичевская роща

сестра как-то посетили Бердичев, побывали на месте массовых расстрелов евреев и привезли оттуда немного земли, надеясь когда-нибудь привезти и захоронить её в Израиле. В 1969-м году осуществилась наша давняя мечта - мы репатрировались в Израиль. Папа сразу начал думать о том, как увековечить память погибших в Бердичеве евреев. Прежде всего, он с помощью своей сестры – тёти Ады Шенкар, двоюродного брата Авраама Бен Цви и племянника Израйля Шенкаря стал искать своих старых товарищей – бердичевлян, успевших уехать в Палестину сразу после революции. У многих из них так же, как у нас, в Бердичеве погибли все родные и близкие. Папа решил каждый год в день гибели бердичевских евреев проводить «аскару», на которую приглашать всех знакомых – выходцев из Бердичева. На «аскару» собиралась наша семья, друзья и товарищи родителей и их детей. Сначала собирались у нас дома, потом в синагоге, которая была построена на средства одного состоятельного еврея, выходца их Бердичева, жившего долгие годы в Южной Америке. Годы шли, и у наших стариков стали убавляться силы, встречи пришлось прекратить. Мы с мужем стали искать другие пути увековечения памяти евреев Бердичева. Нам советовали поставить памятник на одном из кладбищ в Израиле, но эта идея не была принята. Однажды, когда папы уже не было в живых, мы получили письмо на его имя из Земельного фонда Израйля (Керен Каемет), в котором нам предлагали участвовать в посадке деревьев на Ту-би-шват. Вот тогда я позвонила в тель-авивское отделение Керен Каемет и спросила, сколько стоит посадить рощу памяти евреев, погибших в Бердичеве. Мне сказали, что роща-это 1000 деревьев и стоит 200 долларов (позднее оказалось не 200, а 1200 долларов). На семейном совете было решено, что это приемлемо, и мы дали объявление в русскоязычных газетах и по радио для того, чтобы бердичевляне узнали об этом проекте. В то время в стране было немного наших земляков, и поэтому деньги собирались с трудом. Нам с мужем пришлось взять ссуду, и когда лесник «застолбил» нам место, которое мы облюбовали, мы вздохнули облегчённо. Теперь нам предстояло организовать посадку. Это тоже оказалось делом непростым. Хотелось, чтобы все бердичевляне, живущие в Израиле, приехали на посадку саженцев. После нашего объявления домашний телефон не умолкал. Организационная работа оказалась делом не простым. В ней участвовала вся наша семья... На посадку приехало множество людей. Я произнесла небольшую речь. Заканчивая её, я обратилась к молодёжи:

«Пройдёт много лет, лес вырастёт, и может, вы приедете сюда и вспомните погибших наших дедушек и бабушек, братьев и сестёр в годы страшного Холокоста».

Шелестит крона деревьев в Бердичевской роще под Иерусалимом. Этот шелест будит нашу память о пережитой трагедии нашего народа. В тихую, безветренную погоду, словно часовые в почётном карауле, стоят деревья, посаженные руками добрых, сердечных людей.

Валентин Милькин

ДВА ЕФИМА

ЮНЫЙ ПАРТИЗАН ХАИМ

Ефим Гольдин

В Городе Минске жила семья Гольдин, Рися и Калман. И было у них шестеро детей, по тому времени – это не считалось, что уж очень много: три девочки и трое мальчиков. Фима родился в 1927 году, и назвали его в честь умершей бабушки Хаи – Хаимом, что означает, как известно, - «жизнь». Мама Рися была портнихой, а папа Калман столяром и плотником. Большой шкаф-сервант, сооружённый отцом из твёрдой породы какого-то дерева, будоражил воображение и гордость всего еврейского квартала! Это было такое уникальное произведение еврейского «балмэлохе» (ремесленника), что даже мародёры, ворвавшиеся в дом вскоре после начала войны 1942 года, не сумели разобрать его, чтобы унести. Отец Фимы своими руками построил 5-ти квартирный дом, который сдавал в аренду, и это приносило солидный доход в семейный бюджет. За героическое участие в русско-японской войне Калман Гольдин был награждён Георгиевским Крестом. Об этом свидетельствовала фотография отца с орденом на груди, - гордость семьи. Она висевшая у них в доме на самом видном месте. В доме Гольдиных говорили только на идиш. Все сёстры и братья учились в минской еврейской школе №12. Жили они по адресу Транспортный переулок, знаменитом тем, что там проживали все грузчики Минска. Здоровые еврейские ребята, часто сажали маленького Фиму на лошадь, и он скакал к озеру, чтобы помыть и почистить животное. Текла себе жизнь. Размеренная, не очень спокойная, но как выяснилось потом, - счастливая. Строили планы, решали, как устроить будущее детей.

Пришла в город Минск советская власть. Дом Гольдиных был конфискован. Переместилась семья в небольшую квартирку. Дальше – хуже. Арестовали отца, требовали от него выдачу золотых монет. Калман не смог выдержать пыток и показал своим истязателям тайник. Когда экспроприаторы ушли, отец сказал: « Это власть бандитов». Фима был маленький, но слова отца накрепко врезались в его память. Именно поэтому он не вступил в комсомол и, тем более, в компартию. В 1935-м году, проболев несколько лет, умер отец. Пытки в подвалах НКВД не проходят бесследно. Подорвали они здоровье Калмана. Это был тяжелый удар. Но что делать? Надо жить. Работали, учились. Переносили трудности, поддерживали друг друга, как могли.

В 1941-м году Фима окончил семилетку, и его зачислили в лётную школу. Но внезапно вспыхнувшая война перебила все планы. В первые же дни войны немцы разбомбили Минск полностью. Остались целыми три здания: Дом правительства, из которого все « драпанули», приказав населению не сеять панику и оставаться на местах, Дом офицеров и Театр оперы и балета.

К началу войны старшие сёстры и братья Фимы уже все пережились. С мамой остались жить только сестра Сара и Фима. Старший брат Илья ушёл на фронт и погиб. В первые дни войны, во время страшных бомбёжек, Гольдины ушли на окраину Минска к знакомым, а когда вернулись в свой дом, по городу уже шастали немецкие солдаты. В те дни Фима не пом-

На первый взгляд, это просто случайно - совпадение. В один и тот же день пришли в редакцию «С.Х.» два рассказа. Они и названы были одинаково: «Фима – партизан», и рассказы о мальчиках были так похожи, что подумалось – не об одном ли человеке речь? Да, конечно, совпадение. Но не просто и не случайно.

Эти два Ефима, о которых пойдёт рассказ, скорее всего – даже не знают друг о друге. Но схожесть их судеб – вот это как раз и не случайно. Потому что судьбы Холокоста сложились в одну большую трагедию, в одно забываемое прошлое единого народа.

ДЕТИ ХОЛОКОСТА

нит каких-либо агрессивных действий с их стороны, а некоторые даже предупреждали, что евреям опасно оставаться на местах и советовали уходить «подальше от греха». Но через несколько дней в столицу Белоруссии вошли части СС и начались ужасы. Первым делом были расстреляны 100 тысяч евреев, которые якобы сочувствовали коммунистам. В действительности никто и не пытался выяснить, кто из убиенных, испытывал симпатии к Советам, а кто нет, нацистов это не волновало. Для оставшихся выделили район: гетто, куда всему еврейскому населению приказано было немедленно перейти. При этом имущество забирать с собой запрещалось. Таким образом, весь еврейский скарб попадал в руки местных жителей, а ушедшие в гетто моментально превратились в нищих. Условия жизни в гетто были нечеловеческие. В одной комнате спали на полу - по 30-40 человек. В первые дни оккупации Минска начались грабежи фабрик и заводов. Немецкие солдаты не препятствовали этим грабёжам. Тогда и наш Фима успел унести несколько мешков муки, картошки и других продуктов. Это и спасало какое-то время семью Гольдиных от голода.... Но приближался первый минский погром...

6-го ноября выпал первый снег. По городу пронёсся слух, что завтра намечен погром на некоторых улицах гетто. И тогда семья Гольдиных решила, что надо разбиться на небольшие группы по всему гетто, чтобы хоть кто-то не попал под погром и остался в живых. Фима со своей сестрой Лизой пошли в сторону ул. Мясницкой, а мать с ещё одной сестрой отправились на другую улицу. Но попали в район погрома и те, и другие. Нацисты подъехали на грузовиках, покрытых брезентом, и стали выгонять сонных людей, не дав им даже одеться. Маму Фимы, которая к тому времени была больной и ослабленной, толкнули в кузов. Больше Фима о своей матери никогда и ничего не услышал, да будет ей вечная память. Сестра, которая была с мамой, предъявила немцам «аусвайс» (документ) о том, что муж её трудится у немцев, и её отпустили. В тот день было убито около 20-ти тысяч евреев.

Фима с сестрой Лизой прятались на чердаке незнакомого дома. И вдруг услышали, что туда поднимаются немцы. Они обыскивали дом, начиная с нижних этажей, кончая чердаками. Дети, затаив дыхание, видели, как один молодой немец заметил какой-то сверток. Свёрток, потревоженный прикладом, залился младенческим плачем. Короткий выстрел оборвал плач. И фашист ушел, словно зверь, насытившийся кровью добычи. Фима с сестрой, остались незамеченными, а ведь были они тогда на шаг от смерти.

20-го ноября - второй погром. В этот раз, кроме немцев, в экзекуции участвовали и местное население.

И, если фашисты совершали свои злодеяния почти автоматически, с равнодушной немецкой аккуратностью, как послушные машины, заведенные на программу убийств, то в действиях «своих» неизменно присутствовала озлобленная болезненная жестокость. Несчастных пленников гетто гнали пешком. Их было около 5-ти тысяч в каждой колонне. Колон было две. Простая убийственная арифметика.... Расстреливали за городом, у глубокого рва. Палачи сделали свою работу. И ушли. И тогда из-под груды еще неостывших тел несколько человек, оставшихся в живых (И у немецкой машины, к счастью, случались сбои!) выбрались... И, о ужас! Из этой страшной ямы с мертвецами они вынуждены были вернуться в то же гетто! Другого пути не было. Из ада - в ад! В этом не было рабского повиновения обреченных. В этом была нормальная человеческая логика обреченных, но еще сохранивших способность надеяться и хоть как-то просчитывать возможности выжить. Один из таких счастливцев оказался Фиминим знакомым.

— Хочешь знать, почему я опять здесь? Тут есть шанс, что в следующую акцию я могу не попасть, а в городе меня пристрелят сразу же... И кто тогда расскажет обо всем, что было там, у рва?

Скромные запасы продуктов, которые Фима когда-то принёс, заканчивались, и семья Гольдиных была обречена на голод, но Фима принаровился выбираться из гетто на железнодорожную станцию. Там он, рискуя жизнью, вскрывал товарные вагоны и доставал оттуда какие-то вещи, которые затем сестра обменивала на еду. Однажды, ему на глаза попались затворы от винтовок. Они лежали на каком-то заброшенном складе. Тогда эти затворы Фиме были ни к чему, но он запомнил этот склад.

Ефим Жорницкий

Не раз Фима находился на волосок от смерти. То пришлось в кровь драться с местной шпаной, уличными голодными мальчишками, то удирать от громкого, короткого, как выстрел, окрика полиция: «Хальт! Стой»... Избитый, еле живой, он все-таки возвращался к семье, единственный малолетний ее кормилец. Рядом с ним жили две его сестры – незамужняя Сара и Лиза, у которой было четверо маленьких детей. Однажды муж Лизы вызвал Фиму на улицу и сообщил ему о том, что группа мужчин, и он в их числе, достали оружие и уходят к партизанам.

– Ты остаешься главой семьи и должен заботиться обо всех!

2-го марта 1942-го года, когда колонну выгнали из гетто на работу, немцы опять устроили погром. В этот раз они убивали детей и старых женщин, оставшихся в гетто. По сути, с этого времени весь год в минском гетто продолжались локальные расстрелы. Фима решил уйти к партизанам. Как-то ему, малолетнему, низкорослому мальчишке, удалось стащить у пьяного, задремавшего итальянского солдата, пистолет. «Теперь я приду в отряд со своим личным оружием» – решил Фима. Десятки километров прошагал он в сторону белорусских лесов, прятался по ночам днем, продвигался по ночам, пока, наконец, ни натолкнулся на несколько партизан из знаменитой Чкаловской бригады. Они отказались брать Фиму с собой, но подсказали, с кем связаться, чтоб его взяли в партизанский отряд. Ещё через 7 километров, вблизи Воложина, Фима, наконец-то, нашёл партизан. Когда его привели к командиру отряда, тот первым делом отобрал у подростка пистолет, мотивируя это тем, что в отряде много опытных бойцов без оружия. Фима впервые заплакал от обиды: ведь нечем будет воевать с нацистами... Вскоре выяснилось, что в отряде имеются винтовки без затворов, и Фима вспомнил о затворах со старого склада. Его отправили на первое задание: назад в Минск. Это первое боевое задание партизана Хаима Гольдин, выполнил с честью. Находясь в Минске, Фима решил привести в отряд несколько женщин и детей, в том числе своих сестёр с детьми. За это самовольство командир отряда его отругал, но вскоре организовался новый еврейский партизанский отряд Зорина, и все, кого привёл с собой Фима-Хаим Гольдин, ушли в этот отряд.... Первое время Фима выполнял задания связанные с разведкой. А в дальнейшем стал вторым номером у партизанского пулемётчика Авраама Лившица. За свои боевые подвиги Фима награждён орденом Отечественной войны, партизанской медалью первой степени и многими другими медалями. После войны Фима служил на северном флоте. Службу проходил на кораблях холодного Баренцева моря и закончил её офицером военно-морских сил. В Израиле у Хаима Гольдина два внука, которые отслужили в ЦАХАЛЕ. Старый партизан - бывший самый молодой партизан Белоруссии, с полным правом гордиться тем, что борьба за будущее еврейского народа продолжается его внуками. Он верит в то, что никогда больше никому не удастся загнать нас в гетто и распоряжаться еврейскими жизнями в угоду какой-либо идеологии.

Жульен

Одиннадцатилетний партизан

От маленького городка Илвинцы до железной дороги 16 километров. Машина – несуществующая роскошь. Слава Богу, телега есть. Сложили вещи – самое необходимое. И поехали. Фима сидел спиной к лошади, и ему казалось, что не они движутся, а это дорога убегают от них куда-то назад. Сначала убежала знакомая с раннего детства улица, потом школа, где он проучился всего три года. Потом заторопились уже не очень знакомые пригородные задворки. Фима не хотел, но в голове под монотонный скрип колеса все время повторялось одно слово, совсем недавно – вовсе незнакомое, а сейчас такое назойливое, что от него начинала туманиться голова и хотелось спать: «Эва-куация, Эва - ку - ация» ...

Его разбудил внезапный, противно- назойливый чей-то вой. Непонятный - нечеловеческий. Мальчик еще не успел понять, во сне это или – вправду, как вой оборвался грохотом и взрывом где-то совсем недалеко. Лошади шарахнулись, Их с трудом удалось направить к близким кустарникам и деревьям придорожного леса. Бомбежка продолжалась не долго. Самолет низко полетал над дорогой, полной безоружных беженцев, расстрелял все, что мог и хотел. А потом улетел. И стало совсем тихо. Неправдоподобно тихо.

На дороге, куда они, наконец, решили снова выехать, лежали убитые, раненые, валялись вещи, разбитые телеги. Семья Жорницких продолжала путь. Фима уже не мог уснуть, он пылливо вглядывался в горячее прозрачное небо и со страхом вслушивался, в его обманчивую тишину. Иногда ему казалось, что он действительно слышит рокот приближающегося самолета. Он закрывал глаза и ожидал, что вот-вот опять раздастся свистящий вой падающей бомбы. И когда он, наконец, почти успокоился и понял, что звук самолета ему только кажется из-за недавно пережитого страха, бомбежка повторилась. И снова грохот, снова страх, крики, паника. Кровь, мертвые. Потом опять тишина. Казалось, это уже никогда не закончится, или, если закончится, то вот так же,

ДЕТИ ХОЛОКОСТА

как у этих людей, неподвижно, в неудобных позах лежащих на дороге и попадающих под ноги испуганной лошади. К полудню, после многократных налетов, на дороге что-то изменилось. Почему-то людская масса двигалась не по направлению к железной дороге, а навстречу потоку беженцев. Отец остановил подводу передал вожжи маме, велел ждать, кинулся в поток возвращающихся. Вскоре он вернулся, повернул коня, коротко сказал: «Поздно. Пути нет. Возвращаемся»

Август 1941 года окрасился в цвет крови. Фашисты собрали женщин, стариков, больных и немощных, всех, кто не смог укрыться от облав, и погнали евреев к Яру, в полутора километрах от города. На глазах у десятилетнего Фимы погибли два его братика, двоюродные сестра и еще один брат и близкие родственники семьи Жорницких. Оставшихся в живых закрыли в синагоге, продержали несколько дней, а потом подожгли здание. Фима не помнил, как удалось отцу и маме сбежать в лес, сохранив жизнь свою, Фимину и полуторагодовалого братика Бори. Он не помнит, как семья добралась до партизанского отряда, сформированного из местного населения и попавших в окружение бойцов советской армии. Когда пораженная страшными картинами детская психика ребенка позволила ему прийти в себя, он почувствовал, что детство закончилось. Теперь Ефим Жорницкий стал полноправным членом партизанского отряда, командовал которым Яцук Ксенофонт Тихонович.

В отряде ему исполнилось одиннадцать лет. Он стал связным в разведывательном подразделении отряда. Передавал, кому следует, имена людей, желающих оказывать помощь партизанам. Разведывал сведения о расположении немецких карательных отрядов и о полициях. Одиннадцатилетний партизан по ночам подпиливал столбы электропередач, уничтожал линии связи врага и даже участвовал в вылазках партизан по освобождению людей из фашистских тюрем.

В январе 1944 года партизанский отряд К. Т. Яцюка вступил в соединение с наступающими частями Советской Армии.

Через шесть лет, в 1950 году бывший партизан одержал еще две блестящие победы, которые были не менее трудными и важными в жизни парня: он получил серебряную медаль по окончании школы и поступил в Киевский политехнический институт. Были у него и боевые награды: нагрудный знак «Партизан Украины 1941- 1945 годов», орден «За мужество» Третьей степени, и другие награды. Кто бы поверил! Еврей Ефим Жорницкий был представлен к «Ордену Отечественной Войны»! Правда... документы его почему-то где-то затерялись... Не дошли по назначению. Ну да Ефим – человек скромный, не стал выяснять, что, да почему... И так понятно... Ему было куда важнее, что через пять лет, когда он окончил институт, его направили на интересную и важную работу в конструкторское бюро им. А. К. Морозова при заводе Малышева. Именно оно создало всемирно известные танки Т- 34. Фима радовался и за родителей, награжденных медалями за участие в партизанском движении Винницкой области.

Сейчас Ефим Жорницкий – член Харьковского городского еврейского самета инвалидов войны и участников боевых действий. Самый молодой из ветеранов войны – активно участвует в жизни этой организации. Благодаря таким людям, как он, была одержана Великая Победа над гитлеровским мракобесием.

Давид Зецер

От редакции:

Когда очерк Д. М. Зекцера, инвалида Войны, Командира отделения ПТР, Заслуженного деятеля Еврейского Совета Украины, Члена инженерной Академии Украины, был уже в наборе, мы получили письмо от прессекретаря Союза инвалидов Моше Шпицбурга. Короткое, но значимое письмо. В нем говорилось о замечательном человеке Давиде Марковиче Зекцере. Оказывается, этот человек, закончив с отличием школу перед самой войной, сразу же со школьной скамьи ушел на фронт. Воевал – в пехоте - в самом тяжелом роде войск на плацдарме Северного Донца. Был ранен. За участие в боевых действиях награжден 23 медалями и орденами. После войны окончил Ленинградский электротехнический институт, работая на заводе в Харькове в течении 28 лет, он сумел защитить кандидатскую диссертацию в Москве в Центральном НИИ МПС (Министерство Путей Сообщения) У него свыше 30 авторских свидетельств на изобретения.

За успешные разработки новых технологий ему присвоено звание «Почетный железнодорожник». Им получены знаки отличия за пуск первой очереди Киевского метрополитена и за участие в электрификации БАМа. Зекцер - действительный член Инженерной академии Украины, автор книг и более 200 публикаций в СМИ США, Англии, России и др. стран мира.

О Марке Штейнберге

Юрий-Гиль Кремер

Массовые убийства евреев на территории бывшей свинофермы в Богдановке по иезуитской логике нацистов должны были еще и унижить представителей вечно гонимого народа.

Не могу не написать о Марке Штейнберге, хотя бы по той причине, что он в своём песенном творчестве неустанно обращается к теме Холокоста. Ребёнком, на последнем судне «Кубань», покидающем Одессу, уплыл, казалось бы, далеко от фашистов, которые в его родной Одессе и в Транснистрии, в печально известном районе недалеко от Одессы, - творили свой страшный Холокост. Но через несколько часов фашисты бомбили пароход «Кубань». Марк был ранен в шею и доставлен в госпиталь через Мариуполь в город Нальчик, где его после длительных поисков нашла мать. Отец и старший брат сразу ушли на фронт и погибли. Вскоре немцы подошли к Нальчику, и, по распоряжению военкомата, мать (шеф-повар) с раненым сыном оказываются в эвакогоспитале. Марк вспоминает:

«Подносил раненым утки, воду и всё, что они просили. Однажды весь перебинтованный боец хрипит-шепчет: «Курить, курить...» Я пошёл к курилке, собирал бычков, скрутил «козью ножку», прикурил, возвращаюсь: «Дядя, на!» А он уже холодный. Я сел рядом и выкурил сам. Так в 7 лет и начал курить. Однажды увидел меня инспектирующий полковник, спрашивает начальника госпиталя: «А это, что за «боец»?» - «Это сын нашей кухарки» - «Немцы рядом. А у вас - «детский сад»?» И первым самолётом отправили меня в тыл!»...

Так для Марка началось голодное мытарство в Казахстане, потом в Чечне и - детдом. Вернувшись после освобождения Одессы в родной город, Марк поступает в военно-музыкальную школу. Здесь он занимается четыре года (1947-1951) До сих пор с теплотой вспоминает своих преподавателей. В 1954-м году Марк приехал в Москву, подготовившись к вступительным экзаменам в Институт военных дирижёров. Но сыграл свою роль пресловутый «пятый пункт», и солдату срочной службы Штейнбергу приказали оставаться в учебном оркестре, где Марк неплохо играл на кларнете. Через некоторое время его увольняют из оркестра за исполнение еврейских песен и танцевальной музыки на вечеринках и свадьбах. И всё-таки Марк предпочитает учёбу и блестяще заканчивает Херсонское муз. училище по двум специальностям: дирижёр оркестра и хормейстер. С 1977-го года Марк на протяжении 10-ти лет руководит джаз-оркестром при крупном одесском кинотеатре «Украина». В это время он начинает увлекаться композицией. Параллельно все эти годы он работает преподавателем Одесской музыкальной школы № 11. Марк Петрович Штейнберг стал первым наставником многих ныне известных кларнетистов - саксофонистов, среди них: Алексей Свицерский, Николай Литовко и др. Кроме этого, Марк Штейнберг - музыкальный редактор замечательного журнала «Мамэ лошн». Я любитель идиша, я старался не пропустить ни одного номера этого журнала и могу с уверенностью сказать, что это был очень интересный и нужный людям журнал. Он внес значительный вклад в дело сохранения и даже развития идиша. Его ждали и любили многие читатели в Одессе и в других городах Украины. И, наконец, в 1995-м году, Марк со всей его прекрасной семьёй, с женой Светланой, с сыновьями приезжает в Израиль. Несмотря на тяжёлые последствия перенесённых им нейрохирургических операций, Марк «не сдаётся». Он все еще музыкант, композитор. Он живет этим. Потому что, если Бог дал настоящий

ДЕТИ ХОЛОКОСТА

талант, и человек не разменял его на суетные устремления, прошел «огни и воды», то и «медные трубы» ему не страшны. Тем более, что Марк – скромнейшей души человек. Прекрасно владея еврейским мелосом, он создаёт свои песни, которые сразу находят исполнителей, а ведь это главное для автора. Талантливый музыкант и композитор, М. Штейнберг, кроме того, - человек, кровно, накрепко связанный душой с национальными традициями своего народа, с его судьбой. Все трагедии, которые пережило европейское еврейство, настолько глубоко трогают его сердце, что он постоянно в своем творчестве обращается к теме Холокоста. Она настолько пронизывает его душу, что сказать просто: «Эта тема близка ему» - значит, ничего не сказать. Не близка! Она – живет в нем незаживающей болью, она постоянно прорывается наружу пронзительными музыкальными мелодиями, которые сразу находят отклик у слушателей. Композитор постоянно находит тексты о волнующей его трагедии народа, о живой памяти тех, кто не устаёт, словно вечный колокол на ветру истории, предупреждать и взывать! Марк, как жаждущий свежего глотка воды, припадает к новому тексту, проникается его ритмом и словом. И тогда рождается песня, которую подхватывает исполнитель, несущий ее в народ. «Голос из под земли» на стихи Ильи Эренбурга, «Души не молчат», «Над Бабьим Яром» на стихи Ларисы Черкасской; «Йосалэ - мальчик из гетто» на стихи Наума Горовица, «Рамбуле» на стихи Михаила Рашкована, «Любочка», «Песня о Рахмиле» на стихи Галины Шмудьян, «Мамочка» (по рассказу чудом выжившей после расстрела всех её родных - Тани Дралюк), «Лагерь Биркенау» на стихи Муси Теплицкой; «Тени» на стихи Николая Шапарёва и много других. Немало песен Марка звучат в музее Яд ва Шем. Журналист-редактор журнала «Слово инвалида войны» - Аркадий Тимор обнаружил в архиве Яд ва Шем песню Марка на стихи Натана Альтермана «Мама, уже можно плакать?» и поместил её в журнале. Потрясающей глубины и нежности песня!

«А однажды, - рассказывает Марк, - поэт Александр Шафир принёс свои стихи, которые начинались следующими словами: «В память тех, кто сожжён, \ кто рассеян по ветру, \ кто из мёртвых печей в небе дымном завис...» Я взял первый аккорд, у меня накатились слёзы и перехватило дыхание... Лишь через три дня я сел к инструменту» Вот так этот чуткий человек, настоящий музыкант, работает всю жизнь – он пишет сердцем. Марк ведёт очень интенсивную переписку со своими друзьями и слушателями. Он умеет ценить чужой талант и радоваться успехам друзей. Я благодарю судьбу за то, что она свела меня с этим человеком.

Юрий (Гиль) КРЕМЕР (Еженедельник «Секрет») :

«...Композитор-песенник Марк Штейнберг написал музыку на стихи поэтессы Ларисы Черкасской:

Высокие Богдановские кручи
И берега таврийской речки Буг,
Стоите вы, как памятник могучий
Несчастным жертвам гибели и мук.
О, сколько вы впитали в себя крови...
Здесь маки алые, как призраки, выросли,
Здесь волны Буга от печали стонут
И светят бакены, как вечные огни.
С нами навек вы, евреи Одесщины,
Те, кто дорогами ада прошли.
Жизнь продолжать бесконечную, вечную
Нам завещаете из-под земли.
Взывают те, кого вели в колоннах

Всех на расстрел - и нет пути назад,
Кто жертвой стал фашистских юдофобов.
Тела в земле, но души не молчат.

К кровавой и разверзнутой могиле
Печален был последний смертный марш.
Их группами к оврагу подводили
И вьюге вторил детский крик и плач.

Песня называется «Души не молчат». Марк попросил меня напеть эту песню, в которой рассказывается о трагической гибели евреев Одесщины. Я решил ознакомиться с материалами, связанными с этими страшными событиями. Мне удалось сделать это, и только тогда я напел эту песню и записал её на диск.

Песня постоянно звучит в музее Холокоста в Сан-Франциско и в Тель-Авиве на ежегодной Аскаре по гибели в Богдановке 21 декабря.

Славные наследники «МАССАДЫ»

(о восстании в концлагере Собибор)

Евгений КОВАЛЕРЧИК

«Евреев в лагере умерщвляли газом,
Не по одиночке, а по сотням сразу.
Работу делали по-немецки точно:
Травили узников с эшелонов срочно» -

эти строчки возникли сразу же под впечатлением статьи Г. Зотова «Восстание в Аду», которую напечатала «АиФ».

Я знаю, что журнал «Судьбы Холокоста» в принципе не печатает самодельных стихов. Но дело тут не столько в стихах, сколько в духовном состоянии, которое взрывается в душе человека, когда он узнает, какие подвиги совершили люди в борьбе за свое достоинство, честь и свободу. И вдвойне вдохновляет это героическое событие еврейское сердце на поэтические строки осознания того, что именно простой еврейский парень, лейтенант Саша Печерский возглавил этот беспрецедентный эпизод в истории Второй мировой войны. И где?

В лагере смерти! Спецлагерь СС Собибор был создан 15 апреля 1942 года. У одной из стен было кирпичное строение. Узники называли его «Сауна». Возле него устанавливались танковые моторы. Они-то и вырабатывали тот угарный газ, который подавался по трубам – в помещение:

«Расчет точнейший был: сколько нужно газа –
Отправить на тот свет...без второго раза!
В окно видали палачи мученья:
Приятное для них времяпровождение!»

Почти сразу же по прибытию нового эшелона людей заставляли раздеться и за один раз в «сауну» заводили по 700-800 человек. Потом пол раздвигался и трупы падали в подвал. За полтора года в Собиборе было умерщвлено 250 тысяч евреев со всей Европы. В статье Георгия Зотова есть страшный по своей простоте и ужасный, по сути, рассказ местной полячки о том, что рвы в лесу вблизи этого лагеря «переполнены покойниками – стоит нажать ногой, как из – под земли выступает кровь»...

«Кровь стынет в жилах, вспомнив лагерь жестокий.
Вовек не забыть Холокоста уроки.
Таков Собибор, лагерь СС в Польше.
Тысячи трупов во рвах. И больше...
Казалось – все! Нет надежд на спасенье.
Чудовищные, знали, их ждут мученья.
Вдруг свет мелькнул во тьме, дав шанс, ну, просто дерзкий!
Возглавил храбрецов лейтенант Печерский»

23 сентября 1943 года с очередной группой советских военнопленных в лагерь попал Александр Печерский. Я всматриваюсь в его фотографию. Чистый высокий лоб, волевые, упрямые губы, умные печальные глаза. Но не обреченный, нет! Не обреченный взгляд! «Нас скоро убьют. Пока мы живы, надо показать немцам – мы не бессловесный скот».

«Попал в плен в боях неудачных под Ржевом.
Умирать в тридцать три? Ну, скажем, – не дело!
Смелчак был любим, многое умея.
А внешне – не похож был на еврея...
Кто знает, может это и спасало?
Иль, может, «брит – милы» не доставало?»

65 лет назад, 14 октября 1943 года, в лагере смерти Собибор произошло восстание узников-евреев, которым руководил уроженец Кременчуга, советский лейтенант Александр Печерский. За всю Вторую мировую войну это было единственное подобное восстание, закончившееся успехом.

ПЕЧЕРСКИЙ О СЕБЕ «Я родился в Кременчуге в 1909 году, но детство провел в Ростове. Музыка и театр были в мире самыми важными для меня вещами. Я руководил кружком драматического искусства для любителей, работал в администрации [Дома культуры]. В 1941 году, когда началась война, я был мобилизован в звании младшего лейтенанта. Немного позже, в начале боевых действий, получил звание лейтенанта. В октябре 1941 года попал в плен. В мае 1942 года я с четырьмя другими заключенными пытался бежать. Но нас поймали и отослали в штрафной лагерь... во время медицинского осмотра было выявлено, что я еврей. Я был отправлен вместе с другими военнопленными-евреями в подвал, который называли «еврейский погреб». Мы пробыли там в полной темноте десять дней. Потом, в сентябре 1942 года, нас перевели в трудовой лагерь СС в Минске. Там я оставался до отправки в Собибор.»

Виктор Жук, «Совершенно секретно»

Саша разработал подробный план восстания. Он изложил его своей команде верных, проверенных людей на тайном собрании узников. Он смог убедить многих решиться на восстание. Есть в ее взгляде что-то уверенное, внушающее надежду.

«В бараках собирались тайно ночью.

Был план: бить врагов поодиночке.

Извергов крушили топорами -

Момент удобный уловили сами.

Удался план! И триста душ на воле

Такого не было еще доколе.

Бог есть, отвел фашистскую секиру,

Чтоб храбреца смогли поведать миру!

И ныне Собибор славою покрыло...

Печерскому ж медали не хватило»

О какой медали – речь? Об этом чуть ниже. Сначала - о том, как 14 октября 1943 года в концлагере СС Собибор проходило восстание узников - единственное, как утверждается на страницах СМИ, единственное, которое было признано – успешным за все годы Второй мировой войны. Это был не просто бунт, не просто отчаянная вспышка обреченных людей. Это был не просто спланированный и хорошо организованный всего за три недели побег 300 заключенных. Это был акт противостояния людей, не желающих подчиниться убойно-скотскому идеологическому плану врага. Недаром же в самый пиковый и опасный момент восстания, когда охрана с вышек открыла шквальный огонь, Печерский крикнул колеблющимся, растерявшимся собратям, по неравной борьбе: «Назад дороги нет!» Крикнул, потому что понял, еще мгновение промедления и враг опомнится, соберет силы и восстание захлебнется. По-русски крикнул: «Вперед с нами! Смерть фашистам!» И евреи разных стран, не знающие русского языка: польские, чешские, голландские, двинулись на приступ ворот. Пулемет косил первые ряды повстанцев. Но остановить всех он не смог. Даже минные поля между лагерем и лесами, окружающими Собибор, не смогли остановить узников. Нет! Теперь уже не узников! Победителей! Даже те, кто погиб, остались непобедимыми. Они погибли на свободе. Александр и восемь бывших узников из числа военнопленных, ушли за реку Буг и влились в партизанский отряд. После освобождения Белоруссии Советскими войсками Александр Печерский как бывший военнопленный (А значит - изменник Родины!) – «загребел» в штрафбат. Он прошел невероятно мытарства, прежде, чем сумел доказать свое участие в событиях Собибора и отвоевал себе право воевать на передовой в регулярных войсках до первого тяжелого ранения осенью 1944 года. А ведь по существу восстание под руководством Печерского опрокинуло миф о невозможности победить отлаженную фашистскую машину смерти, оно уничтожило целый концлагерь! Восстание произошло 14 октября 1943 года, а уже 15 октября немецкое командование закрыло Собибор. Были разрушены бараки, стерта с лица земли пресловутая «Сауна». Территорию перекопали и ...засаживали капустой. А что же победитель? А то, что и было со многими воинами сов. армии, прошедшими окружение или того хуже – плен. В 45 году, через очень короткое время после того, как он в чине капитана был демобилизован после ранения, Александр Печерский был арестован. За что? Ну, ясно за что! Его обвинили в измене Родине. А когда выпустили, он до самого того года, когда умер Сталин, не мог найти себе работу и жил с женой на ее скудную зарплату, пока не взяли бывшего зека – еврея поработать в кинотеатре.

Молодые люди вряд ли помнят, кто такая Софья Власьева. Ну, так я уж – поясню: С. в. – Советская власть. Так вот, эта самая Софья Власьева, щедро печатала на грудях своих властьпридержащих «отцов народов» всяческие бриллиантовые, рубиновые, золотые награды...

А Печерскому

«Достались раны и штрафбат опасный.

Таких не любит Софья Власьева, вам ясно?

Свое нутро она бесстыдно приоткрыла:

Герою в Нюрнберг съездить – запретила.

«В Собиборе на месте трагической кончины людей на каменной плите – таблички с информацией», - рассказывает журналист Георгий Зотов. На польском, на иврите, на французском, на... немецком. «Только на русском таблички нет». А ведь все евреи, даже те, которые не понимали ни слова из того, что сказал им Александр перед последним штурмом ворот концлагеря, все пошедшие за ним на смертельный подвиг ради свободы, - «по-русски кричали: УРА!!!»

Я после войны получил «награду». Я был арестован, меня считали предателем, потому что я попал в плен к немцам. Считали так, даже несмотря на то, что немцы взяли меня раненым. После того как обо мне стали спрашивать люди из-за границы, меня наконец выпустили...

Умер Печерский в 1990 году. Его именем названа улица в израильском городе Цфат. В Ростове память о нем не увековечена.

Виктор Жук,
«Совершенно секретно»

Евгений Ковалерчик

Чтоб Вас оплакивать,
мне жизнь сохранена.
Над вашей памятью
не стыть плакучей ивой,
А крикнуть на весь мир все ваши имена!

Анна Ахматова

«...И долго витать над живущими Будет улыбка моя...»

Тамара СОЛОГУБ- КРИМОНТ

Светлой памяти Леонида Петровича Сушона

Фотографии не лгут. Эта улыбка – счастливого человека: «У меня были прекрасные родители, чья жизнь- подвиг и пример самоотверженного служения своим сыновьям, людям. У меня есть любимые и дорогие сын, внук и брат, есть верные друзья. И сегодня я еще нужен людям. Этим и живу, и счастлив» -это написал о себе ЛЕОНИД СУШОН.

Человек, проживший такую жизнь, какой наделила судьба Леонида Петровича, имел право так сказать о себе.

Наверное, уже задолго до его рождения Проведению было угодно определить ему его предназначение. Его бабушка, Екатерина Борисовна Золотухина, скромная акушерка из Одессы, срочно выехала в Англию. Там жила в эмиграции ее сестра Рахиль с четырьмя детьми. Рахиль овдовела и осталась без средств к существованию. Екатерина поспешила на помощь. Она забрала у сестры двух малолетних детей: Бориса и Фриду – будущую мать Леонида и Сергея. Катерина вернулась в Одессу и вырастила своих племянников. 1905 год. Первая Революция в России. А потом вплоть до 1925 года бесконечные жестокие еврейские погромы, октябрьский переворот, интервенция, голод. Одесса – на пике всех этих грозных событий. Екатерина вынесла их с достоинством. Единственной целью ее жизни – были дети. Она сумела воспитать их духовно свободными и душевно богатыми людьми и дала им хорошее образование. Ее маленькая племянница – дочь Фрида выросла, стала врачом, вышла замуж за Петра Харитоновича Сушон и родила бабушке Кате двух внуков: Леню и Сережу. Мальчикам было еще 2 и 4 года, когда в Германии 30.1.1933 президент Гинденбург назначил канцлером Адольфа Гитлера.

А Судьба вела свое жесткое предназначение, словно желая закалить семью Сушон, готовя ее к предстоящим страшным, нечеловечески жестоким испытаниям. В кровавом 1937 году в родной Одессе был арестован Петр Сушон, муж Фриды.

То, что сделала Екатерина Борисовна, бабушка Сережи и Лёни, может показаться фантастикой. Но, по –видимому, именно этот ее безумный поступок, беспрецедентный по своему бесстрашию и безрассудству, сыграл если не самую решающую роль, то во всяком случае стал серьезным примером гражданской стойкости для всей семьи. Она каким-то немислимым способом, используя одной ей известные связи и уловки, сумела прийти домой к следователю КГБ единственно для того, чтобы с чисто материнской еврейской решимостью заявить: «Клянусь жизнью своих внуков, что мой зять – невиновен». Кто знает, быть может, этот ее шаг дал силы Петру Харитоновичу Сушон выдержать пытки допросов, не сделать ложного признания, не подписать ни одной бумаги, сфабрикованной следствием. Избитый, больной, постаревший, он вернулся домой. В который раз семья была спасена. Не потому ли, что впереди ей были уготованы еще более страшные испытания?

Уже все началось! Уже зачалось чудовищное начало Катастрофы. Уже заработала машина, раскачалось гигантское убийственное колесо Смерти:

22 марта 1933 года. Создан лагерь Дахау.

1 апреля 1933 года. Бойкот еврейских предприятий по всей Германии.

10 мая 1933 года. Публичное сожжение произведений еврейских авторов

15 сентября 1935 года. Принятие антиеврейских Нюрнбергских законов.

29 марта 1936 года. НСДАП получает 98 % голосов на выборах в рейхстаг
19 июля 1937 года . Создание концентрационного лагеря в Бухенвальде.

5 октября 1938 года. Введение особых отметок «J» в паспорта евреев.

9 ноября 1938 года. Хрустальная ночь, массовые антиеврейские погромы по всей Германии. 91 еврей убит, сотни ранены, 3500 арестованы и отправлены в концлагеря.

До начала Второй Мировой - считанные месяцы. До вторжения фашистских войск на территорию России слишком мало времени, чтобы выросли мальчики, Сережа и Леня, и чтобы их отец Петр Сушон, окончательно пришел в себя после тюремных издевательств «родной» власти любимой Родины. Но Судьба последовательно и строго выполняет намеренное. Она не забыла о том, что предназначено этой семье. Ведь главная цель – СОХРАНИТЬ ПАМЯТЬ. Братья Сушон еще не знают этого. Они не знают, что все увиденное и пережитое – накрепко запечатлится в их существах. Отпечатается на весь век, до последнего дыхания с такой ужасающей ясностью, словно все это еще не закончилось и незримо для окружающих повторяется и повторяется ежедневно, ежечасно до тех пор, пока жив. Нет, вовсе не для того, чтобы измучить избранного реальным повторением ужасов, а для того, чтобы стал ОН ПАМЯТЬЮ ЛЮДЕЙ, ЖИВЫМ НЕУГАСАЮЩИМ НАПОИНАНИЕМ: «ТАК БЫЛО!»

«Живые свидетели злодеяний нацистов и жестокого террора против беззащитных людей, - скажет Сергей Сушон почти через 60 лет после разгрома фашистов,- мы торопимся рассказать о том, что произошло, что пришлось нам пережить в оккупации, чтобы следующие поколения могли говорить: «Мы это слышали из уст очевидцев». Но это – потом. А сейчас ...

1941 год. Сергею и Лёне – 12 и 10 лет.

Вероломное нападение Германии на СССР. Бомбардировки. Героическая оборона родного города. Школьники участвуют в возведении баррикад. Тушат пожары. ... «Вот как описывает это НИИМ ПЛИЦ, товарищ и будущий сослуживец Леонида Сушона: «Окруженный врагами, без воды и продовольствия, город сопротивлялся. Семья Сушонов находилась в инфекционной больнице, где в гипсе» лежал отец мальчиков, а мать, Фрида Абрамовна Сушон-Золотухина, «работала военным врачом в этой же больнице .Здесь же в каморке под лестницей находились бабушка Катя и с детьми Леней и Сергеем.»

«Советские войска оставили Одессу 16 декабря 1941 года, - рассказ продолжает Сергей Сушон,- С первых дней оккупации начались аресты, казни, облавы, нацистские приказы, изоляция лиц еврейской национальности. За городом в складах было сожжено живьем 25 тысяч евреев: женщин, детей, стариков». Мужчин – евреев, негодных для военной службы и оставшихся в Одессе, оккупанты отправили в село Дальник и там расстреляли. В январе 1942 года был объявлен приказ... о выселении евреев из Одессы и отправке на поселение в сельскую местность между реками Днестр и Юный Буг.... В лютые морозы в течение трех дней, десятки тысяч женщин с детьми, стариков – были изгнаны из своих квартир. С коробками за плечами на санках или с детскими колясками потянулись на Слободку, - в пригород Одессы, заранее огороженный колючей проволокой, с вышками, на которых были установлены пулеметы.» На улицах, ведущих к Слободке, лежали трупы людей. Многие евреи кончали жизнь самоубийством. На четвертом этаже в доме на Театральном переулке, где жила до войны семья Сушон, две пожилые женщины выбросились из окна и разбились насмерть. Учительница Софья Ильинична, которая еще недавно учила Сергея музыки, тоже покончила с собой, когда узнала, что 18 ее родственников заживо были сожжены... В этом же огне сгорела тетя Сергея и Лёни –Ида с двумя детьми, шести и трех лет. Другую тетю мальчиков, Сару, зверски убили в это же время в собственном подъезде. Она была студенткой одесского университета. Совсем еще девочка... «Ее тащили за ноги по винтовой лестнице с пятого этажа... Голова Сары билась о ступени. На первом этаже Сара уже была мертва. Ее мать сошла с ума» Казалось бы, достаточно уже только этого для двух детских душ, еще не окрепших, не готовых к сокрушительным ужасам навалившегося на них бедствия. Ведь все это они видели собственными глазами ... Но это было только начало.

(ПРОДОЛЖЕНИЕ В СЛЕДУЮЩЕМ НОМЕРЕ ЖУРНАЛА)

ПИСАТЬ, ЧТОБЫ ЖИТЬ

Людмила Барановская

(Продолжение. Начало в журнале № 4)

«Ты живешь, чтоб писать...

Я – пишу, чтобы –выжить»

(Т. СОЛОГУБ. «99 Лун»)

Эти строки словно специально написаны - о ней, о Тане Дралюк (Стратиевской). Она живет в израильском городке Шоам, эта женщина удивительной судьбы. Когда ей не было еще и пяти лет, война огромной звериной лапой наступила на ее нежное детское сердце и так сдавила его, что казалось, девочка обречена, и уже никогда не забьется ее сердечко, никогда никто и не узнает о ней, о девочке из большой еврейской семьи, где каждый человек, словно перышко в широких крыльях, распахнутых для полета, слаженно и дружно трепетало, поддерживая могучий лет семейного клана. Война прервала полет. Нэхемне Фельдман – дед Тани. Глава семьи. **«Его считали бойрэ в штетл»** - напишет позже выросшая Таня в своем програм-

мном стихотворении «Биография». Имя деда – стоит первым в скорбном списке погибшей семьи в 1941 году в с. Жабокрич.(Винницкая область). А за ним - шестнадцать имен дорогих, любимых, неповторимых, незабвенных. Им и всем, погубленным молохом Холокоста в огне войны –Танины стихи:

*«...В сердцах – ушедших память сохра-
ним,*

Они хотели и мечтали в это верить» ...

(«Шоа» Т. Дра-
люк»)

Вот такие строки. Наш журнал – не литературный, мы не печатаем поэтов, литературоведческих изысканий, не анализируем художественные достоинства стихотворных сочинений Журнал рассказывает документальные истории о судьбах Холокоста, он – колокол, не дающий забыть, он – тот самый пепел Клааса, который стучит в грудь живущих. Тот самый, о котором пишет Таня Дралюк в своих воспоминаниях:

«...я, как Клаас, в котором пепел не перестал в сердце стучать»

Итак, Тане было почти пять, а маме ее, Кларе Стратиевской, – тридцать пять. И был у Тани еще старший брат Боря и любимый папа, ушедший на фронт, о котором они ничего не знали:

«Фашисты в погребя согнали 400 невинных душ, кто защитит нас, если

Папа на фронт ушел, с ним каждый в семье муж.

гравюра Красаускаса

Остались старики и дети. И в свои 70 лет дедуля мой,
Такой хахам из штетл, ведет свой клан фашистам на убой...
Что пережил он, когда видел, как почти вся его семья –
Надежда, радость его сердца -16 душ та бойня забрала...»

Увидеть и запомнить - разве эта боль не на всю жизнь? Нет! На это и жизни всей не хватит. И тогда Таня стала писать. О каждом в отдельности. И обо всех вместе. О девятилетнем мальчишке, который не захотел без мамы прятаться. Мама сказала, спрячься в бочку, я заслоню ее собой и ты останешься жив. А он стоял рядом с мамой между бочкой и пулеметом:

«Что будет здесь с тобою, мама, таков и мой удел». Он погиб вместе с мамой, ее братик Боренька... О родственнице с годовалым сыном, на руках, которых убил фашист – сразу двоих вместе, одной пулей. Это о нем, о малыше, недавно беспокоилась вся семья:

«И помню, волновались все, что он сосал мизинец свой.

Вот горе было той порой!» Сначала она думала, что написанное залечит боль, «Что горечь уже не будет жечь». Потом поняла,

Забить не смогу:

**«Память все в себе соединила,
перед вами я в вечном долгу»**

Таня пишет всю жизнь. Издано немало книг. Их читают, пишут ответы, благодарят, сочиняют песни на ее тексты. Она выступает с чтением перед людьми. Её книги- это большой взволнованный, правдивый рассказ о жизни. Не только о своей. Не только о том, как встретила свою любовь, как пленилась рассказами о далекой Палестине, как осуществилась, наконец, ее мечта и они приехали в Израиль... Это еще и о том, как благородны и красивы люди. Как верны они памяти своих погибших любимых. Таня с благодарностью, с любовью и признательностью пишет об отце. Он прошел всю войну. В 34 года овдовел, и остался верен своей Кларе, так и не женился. Он весь остаток своей жизни посвятил дочери Тане и внукам. Он стал той самой «Вершиной семьи», с высоты которой укрепился уклад, обычаи, взаимопомощь, любовь и честь всех и старших, и молодых в семье.

Стихи Тани Дралюк – это не просто рассказ о себе, о горестях, о чудесном избавлении от смерти, о том, как возродилась, окрепла и живет надеждами ее израненная душа... Если она размышляет о Боге, о ценностях человеческой жизни, если рассказывает о своих детях, о внуках, которым сумела передать боль и тревогу за судьбы погибших и за будущее своего народа, то - это откровение обо всем ее поколении, опаленном Холокостом, это свидетельство истории, которое невозможно переоценить. Это и гордость – за настоящее Родины. Счастливое сознание, что есть на земле Страна, где каждый еврей, гонимый и униженный в прошлом на протяжении долгих страшных двух тысячелетий, сердцем и всей еврейской кровью, пролитой по всему Земному шару, обрел наконец свое Государство, способное защитить любого. И каждый, кто предан ей, готов отдать все, что есть у него, за свободу и процветание этой страны, с прекрасным именем – ИЗРАИЛЬ.

гравюра Красаускаса

ВСТУПИТЕЛЬНОЕ СЛОВО руководителя проекта, главного редактора журнала Людмилы Барановской. Наш журнал «Судьбы Холокоста» с искренним признанием и бережливым вниманием принимает от вас, дорогие читатели, письма о тех годах, которое так стыдливо и ненавистно хотят упрятать в закоулки времени отрицатели Холокоста, юдофобы всяческих мастей. О тех, кто не дожил, но успел поведать о Войне своим детям, внукам, о тех, кто выжил и считает своим долгом рассказать то, что никогда не забудется – о них наша большая документальная повесть, которую мы называем «СУДЬБЫ ХОЛОКОСТА. Каждое свидетельство вашей, казалось бы, только личной трагедии, - отпечатается яркой точкой в целостной картине восстановления Истины. Это и есть – главная цель нашего издания.

В рубрике несколько откликов наших читателей о первых номерах «С.Х.»

1. «Я НЕ ЕВРЕЙКА»

«Здравствуйте, все из редакции журнала! Меня зовут Лара. Мне 13 лет. Я живу в Уфе. Один раз к маме моей пришла знакомая женщина и принесла нам красивый журнал. Ей кто-то из Израиля прислал, а она – нам принесла. Это был вот как раз ваш журнал, куда я сейчас и пишу. А мама потом отправит. Я читать не особенно люблю, поэтому я только обложку посмотрела и ушла с подружками в парк. А когда я пришла, смотрю, мама сидит на диване одна и плачет. Я испугалась, что, может, ее та женщина обидела. А мама говорит: «Нет». Ну, я такая по характеру, что не отстану, пока не узнаю. Мама тогда сказала: «На вот, почитай, тогда поймешь». Я сначала думала, что мама просто хочет так отвлечь меня от компьютерной игры, чтоб я немного занялась чтением. Но все-таки я хотела узнать, что же это так мама моя расстроилась. И стала я читать»... «Я не еврейка. Я татарка. И я, конечно, видела фильмы по телику про фашистов. Но я никогда не знала, что так много людей еврейской национальности сожгли и убили... И ни за что! Я тоже плакала. Особенно, когда прочитала, как пробрили стену, в туннеле, где замуровали пленных, а там мумии. Тысячи мумий. «Мама – с грудным ребенком, двое малышей, 5 и 6 лет, одетые в теплые пальтишки, стоят на коленях, уткнувшись головками в дедушкины ноги» Это я вам прямо из журнала выписала, как там и было написано. У меня есть братик, ему 4 года. Я так его люблю... Представить ужасно, чтоб его хоть кто-нибудь обидел. То, что я прочитала – это еще страшнее, чем кино про войну, потому что в кино – там артисты, а в журнале – настоящие люди. И еще мне стало страшно, что, а вдруг – опять война какая-нибудь начнется. Я попросила у мамы, она разрешила, и я показала этот журнал подружкам, когда мы опять встретились в парке, где мы всегда нашей компанией встречаемся. А моя самая близкая подружка Соня все время молчала, когда все девчонки спорили. Одна сказала, что это неправда, другая сказала, что это было очень давно, а еще одна сказала, что ее бабушка ей тоже рассказывала про эту войну. И тоже плакала. А потом мы Соню спросили, почему она молчит? А Соня нам такое сказала!... Она говорит: «А вдруг скоро опять придут фашисты и будут теперь убивать не евреев, а нас, татар, за то, что мы – татары»... Что же делать? Что – то надо ведь сделать, чтобы не случилось такое...»

2 «ТОЧКУ СТАВИТЬ РАНО...»

Передо мной уже четвертый номер журнала «Судьбы Холокоста» - часть большого проекта, восстанавливающего память о незабвенной трагедии народа.

Казалось бы, что все значительное уже известно об этих событиях, но остались еще важные детали и подробности, без которых огромное полотно истории неполно, не завершено.

Сейчас можно услышать, что у каждого была своя война, свой Холокост. Что ж, тогда тем более поэтому так важна цель, поставленная автором и руководителем этого проекта – Людмилой Барановской. Она уверена: пока живы уже, к сожалению, последние свидетели, они должны оставить свои странички воспоминаний. Если сказать о работе Людмилы, что это своеобразный подвиг, она, человек скромный, смутится. Но есть прекрасное однокоренное слово: подвижничество. Оно точнее определяет то, что делает историк Людмила Барановская, однажды посчитавшая эту деятельность – своим долгом. В журнале – десятки, сотни человеческих судеб, воспоминаний, новые материалы о Холокосте.

Испытываешь неподдельное чувство благодарности к людям, которые не устают работать над этой неисчерпаемой темой.

Хочется пожелать журналу долгой жизни, интересных страниц.

И хотелось бы, чтобы как можно больше людей в Израиле и за его пределами поддержали этот проект. Поддержали морально и материально. Пусть в каждом думающем человеке живет память!

Мой друг, известный поэт Украины Владимир Черенков написал:

«...Время зарубцовывает раны,
Чувства догорают. Но в золе
Глеет совесть. Точку ставить рано:
Остается память на Земле»

Марк Габелев.

3. АРЬЕ БЕН –ЯКОВ (Леонид Кесслер)

первого мая 2010 года справил свой юбилей.

Свои 90 лет он решил уместить в маленькой, но емкой книге, названной «Из века в век».

Леонид – интереснейший человек. Он родился в годы гражданской войны в России. В семнадцать лет – он студент Ленинградского кораблестроительного института. Отказавшись от « брони », в 1941 году ушел добровольцем на фронт, получил три ранения, («и язву желудка»). После 1945 года работал 27 лет в НИИ на инженерно-

проектной ниве. В 1972 Репатрировался в Израиль, 32 года непрерывно проработал на инженерном поприще для Армии Оборонной Страны, а уйдя на пенсию, работа еще 20 лет – там же – безвозмездно. У этого человека столько талантов, что диву даешься, как все, что он прошел и совершил за свой век, он умудрился вместить в тонкую книжку, (стоит перечислить хотя бы несколько из многих скульптур, выполненных его руками в бронзе, в керамике, в гипсе: «Голда Меер», «Лорд Бальфур», «Бен Гурион» «Иегуда Маккавей» «Евгений Евтушенко», «Хаим Вейцман», «Соломон, сын Давида») Вот его фото, Леонида Кесслера.

Он прислал в редакцию свою книгу с надписью - отзывом о проекте и о его первых шагах:

«Глубокоуважаемой Людочке Барановской, увековечивающей память 6 000 000 жертв от рук недочеловеков из так называемого «цивилизованного мира», достойного, но не получившего заслуженного возмездия волей Всевышнего»

Леонид- 14 06 2010 г

4. «ЕВРЕИ МОЕГО ДЕТСТВА»

ЯКОВ АГУФ, член литературной студии «Феникс», действующей при Комитете инвалидов войны г. Холон (Израиль), один из авторов сборника «День памяти» (изд. «Medial» 2010 г.)

Я родился в год, когда ушел из жизни «отец всех народов товарищ Сталин». Что такое 8 лет после войны? Да еще не в центре, а в так называемой «глубинке». Это нищета и полуголодное существование.

Но семья евреев, которым перед войной удалось эвакуироваться из Харькова и из других городов Украины в Челябинск поддерживали друг друга в самых лучших традициях еврейства. Еврейские семьи считали это своей обязанностью. Среди них, например, семья Евгении Гинзбург. Именно там я получил свое первое «еврейское образование», там впервые увидел религиозные книги, познакомился с еврейским шрифтом, узнал, что есть Тора. Лейтмотивом моего детства – были постоянные рассказы, разговоры, живые воспоминания о недавно закончившейся войне. В каждой семье я слышал это. В Харькове были сформированы два эшелона с беженцами, работниками тракторного завода им. Кирова. В этом эшелоне была и семья моей будущей мамы. В пути, в поле показались фашистские танки и открыли огонь по вагонам. С неба стали бомбить самолеты. Паровоз второго эшелона был взорван. Люди, ехавшие в последних вагонах, видели, как шедшие за ними вагоны напоздали на передние. Крики людей, взрыв котла паровоза, охваченные огнем вагоны, разлетающиеся куски тел, вещей, железа, земли – вот картина, которая на всю жизнь запечатлелась в маминном сознании и в воспоминаниях тех людей, среди которых я родился и рос. Милые простые работающие люди, приехавшие в необжитые места Урала, в Челябинск, чтобы в тяжелейших условиях в кратчайший срок восстановить производство завода, который теперь уже не был тракторным и не был имени Кирова. Однако люди, как и прежде, называли его кировским, а себя – ленинградцами, харьковчанами, по тем местам, откуда они бежали от нашествия фашистской тьмы. Я родился после войны. Но память моего детства впитала в себя и рассказы о тех, кто ушел на фронт и не вернулся, я видел портреты братьев, сестер, мужей, отцов, погибших в огне войны, я помню рассказы беженцев, тех, кто в тылу совершал подвиги героического труда, чтобы приблизить победу. Евреи моего детства, я помню и люблю вас.

«...Вы, собрав в кулак все силы,
Встали на краю земли,
От взбесившейся гориллы
Закрывали наши дни.
Те натруженные руки,
Что держали автомат
Защитили наших внуков,
И перед ними пал Рейхстаг.
Вам, защитникам свободы,
Здесь живущим среди нас
– Пусть продлятся ваши годы.
Я желаю вам добра»

Председатель нашего Комитета инвалидов Войны С. Рабовский написал во вступительной статье к сборнику «Дань памяти»:

«Война стоила человечеству неисчислимым жертв. Огромные утраты понес и еврейский народ. Но он не только горел в печах Холокоста, он с оружием в руках бесстрашно сражался против фашизма». Героизм еврейского народа – это та тема, которая должна стать одной из главных – на страницах Журнала «Судьбы Холокоста»

В добрый путь.

5. САРА ТОВА:

Я обычная религиозная женщина...

«У каждого, кто соприкасается с темой Катастрофы, неизменно возникает вопрос: «За что?» «За что мы были обречены на такие муки?» А главное: «Что делать, чтобы этот ад не повторился?». Я хочу поделиться своим пониманием этой темы, которые я черпаю на уроках Торы.

Откроем ее вечные страницы и найдем там прародителя антисемитов всех времен и народов – Амалека» Свою обширную, статью о причинах Холокоста, основанную на религиозных представлениях о взаимосвязи потери духовности в народе и, как следствия, - возникновения исторических катаклизмов, Сара прислала в редакцию, снабдив ее своими рассказами и стихами.

Земля прозрачнее стекла,
И видно в ней, кого убили
И кто убил: на мертвой
пыли
Горит печать добра и зла.

А. Тарковский

Когда
земля больна,
страдает взрывами
кровавых дележей,
Значит вновь
грозит война,
война- вина
война — проклятье
для людей...

Статью под названием «НАШ ОТВЕТ ГИТЛЕРУ» предваряло письмо в адрес Людмилы Барановской, директора проекта: «Желаю Вам крепкого здоровья и полной реализации Ваших замыслов во имя того, чтобы страшное прошлое никогда больше не повторилось бы. Спасибо вам за то, что Вы есть. С уважением и любовью».

Редакция считает, что в журнале имеет право появиться любая концепция, любой взгляд на проблему, даже тот, который не совпадает с общепринятым. Поэтому нам не представляется этичным вслед за этим своеобразным анонсом давать статью в виде купированных отрывков. В ближайшем номере «С.Х.» мы поместим всю статью полностью, не зависимо от того, что она не совсем совпадает с мнением редколлегии. Мы надеемся, что этот своеобразный взгляд заинтересует читателей, и они откликнутся на статью Сары Това.

6

ЭДУАРД ХАСАНОВ: «Это моя мама, -

Людмила Барановская. Сложно писать о творчестве человека, который тебе очень близок. Я никогда не предполагал, что моя мама – школьный преподаватель истории – в пенсионном возрасте всерьез займется литературной работой, начнет изучать историю еврейского народа, тем более, один из самых трагических периодов – годы Холокоста.

Еще в то время, когда мы жили в Казахстане, мама начала исследовательскую деятельность. Она встречалась с людьми, участниками Второй Мировой Войны, с родственниками тех, кто погиб... Она подробно записывала их воспоминания.

Сегодня, мамины книги и журналы читают многие люди и, что очень важно: не только пожилые. Оказалось, что это нужно всем нам, в любом возрасте. Главное – не возраст читателя, а степень его духовности, состояние его души, способной откликнуться на судьбы своего народа, способной принять и понять прошлое и то, так тесно оно связано с настоящим и с будущим»

Сын пишет о своей маме, одобрительные слова, радуясь ее творческой удаче, пишет откровенные признания, не волнуясь о том, что кто-то скажет: «Ну, конечно! Это же сын!» И как-то вроде неловко восхищаться работой мамы в ее собственном издании. Да в том-то и дело, что никто в жизни человека не способен сказать столько истинной правды, не важно, горька она или радостна, никто, так искренне ни осудит или ни поддержит, как член семьи. И нет в этом ничего стыдного, что вопреки создававшемуся мнению, «есть пророк... в собственном государстве!» Если самые взыскательные судьи – наши дети – пишут о нас, не скрывая восхищения, значит дело, которое мы делаем – стоит того.

7. АВИЭЛЬ из НАЦЕРЕТ – ЭЛИТА:

(Я говорил, мама писала)

«ЕСЛИ БЫ НЕ ЭТОТ ДИЗАЙН,

я бы, точно, никогда б даже и не взял журнал в руки. Я не так-то хорошо читаю по-русски. И вообще, не люблю большие статьи всякие. Нам в классе про Холокост рассказывали. И даже кино мы смотрели, не помню, как называется. Но кино – интересно и жалко. А в журналах я люблю только картинки посмотреть. Прочитаешь, что внизу написано, под фотографией или под рисунком – и все ясно. А можно и совсем не читать. Просто посмотреть классное фото. Я сам люблю красиво сделать фото. И рисую неплохо. Поэтому я и взял посмотреть этот журнал «Судьбы холокоста». Мы с мамой были в поликлинике. Перед нами тоже ждали своей очереди мужчина и женщина. Не молодые уже совсем. Они сидели молча, оба в очках и вдвоем читали одну страницу. Рядом на столике были всякие журналы, много, а они читали один журнал, как будто больше им не дают. Потом они зашли к врачу, а журнал положили не на столик, на стул. Мужчина сказал: (он даже больше – старик) «Это мой журнал. Если хочешь, посмотри. Потом я его домой возьму».

Я сначала думаю: «Зачем мне это!» А потом посмотрел – красивый дизайн. Фотографии такие необычные, старинные и на них не специально приготовились люди фотографироваться, а видно, что настоящая в них жизнь. Я сначала стал смотреть картинки и фото. И мама со мной стала смотреть. И говорит: «Подожди, не переворачивай страницу, я хочу это дочитать» И стала тихо вслух читать. А я слушал. Я подумал, что вот теперь и мы так же, как эти старые люди перед нами, читаем один журнал, как будто, нам больше не дают. Но потом я об этом забыл. Мама читала о девочке, которой было 14 лет, и как она под трупами расстрелянных спряталась. Когда эти двое вышли, мы еще немного с ними поговорили. Мама стала спрашивать про журнал, где они его взяли... Хорошо, что так классно журнал напечатал всякие памятники. И цвета подобраны на страницах тоже классно...»

Давид Таубкин,

бывший узник Минского гетто, заместитель Председателя Совета Всеизраильской Ассоциации "Уцелевшие в концлагерях и гетто", главный редактор русскоязычного сайта Ассоциации www.netzulum.org, в котором содержатся обширные материалы о Катастрофе.

тел.: 0560 860954.

адрес: To David Taubkin, Knesset Israel St. 95/15, Petah Tikva, 49244, Israel.

victor-t@013.net.il

Рецензия

на публикацию первых четырёх номеров журнала «Судьбы Холокоста», которую издаёт на русском языке автор и руководитель проекта Людмила Барановская.

С большим душевным волнением я прочитал все четыре номера журнала «Судьбы Холокоста». На страницах каждого 60-ти страничного журнала опубликованы воспоминания людей, выживших в Катастрофе. Каждый журнал содержит информацию о трагической судьбе евреев, оказавшихся на оккупированной нацистами территории. Предлагаемые читателю журналы, являются одним из первых изданий высокого уровня, где всё содержание полностью посвящено евреям, уцелевшим в Катастрофе.

В предисловии автора проекта «Спускаясь в ад воспоминаний...» составитель журнала «Судьбы Холокоста» Людмила Барановская пишет: «Сегодня среди нас живут ещё тысячи тех, кто по счастливой случайности не стал пеплом, кто вышел из этого ада живым... Мы видим их каждый день, восхищаемся их жизнелюбием и стойкостью – они показывают всему миру силу еврейского характера, лежащего в основе нашего государства...».

В журналах представлены уникальные документы и материалы, рассказывающие об этапах гибели евреев в каждом конкретном месте, находившимся под юрисдикцией национал-социалистического Рейха. Судьбы уцелевших, гетто, концлагерь, скитания, улики, стихи, Праведники народов мира – всё это откровенно приведено на «красных от крови» страницах журналов.

Главное достоинство журналов – широкий исторический контекст: в них помещены темы, раскрывающие нацистскую расистскую антиеврейскую политику, результатом которой стало тотальное уничтожение евреев, показаны методы осуществления «Окончательного решения еврейского вопроса» и приведены воспоминания последних живых свидетелей преступлений нацистов. Нацисты планировали уничтожить более 11 миллионов евреев, им удалось погубить более 6 миллионов еврейских жизней.

Авторы воспоминаний рассказали о мужестве, сопротивлении, участии евреев в противостоянии нацизму.

В изданных журналах приведены впечатляющие документы о трагедии евреев: их воспоминания, предсмертные письма, свидетельства очевидцев. Эти документы говорят о мужестве евреев, которые боролись за выживание, а также, увы, - о случаях враждебного отношения к евреям со стороны местного населения. Тяжело читать эти свидетельства: зерна гитлеровской пропаганды иногда падали на почву, хорошо унавоженную предрассудками, а также природными антисемитскими настроениями. К счастью, было и иное, человеческое отношение к людям, чудом спасшимся из нацистского ада. Как правило, они спаслись благодаря Праведникам Народов Мира – мужественным, благородным людям, которые не прошли мимо еврейской беды. Рискую собственной жизнью и жизнями своих близких, они спасали евреев в момент страшных испытаний, выпавших на долю этого преследуемого народа. Мир знает их имена, ибо сказано в Талмуде: «Человек, спасший одну жизнь, спас всё человечество...»

Прекрасно оформлены фотоиллюстрации, где на читателя глядят лица выживших и погибших в Катастрофе.

Журнал предназначен не для узкого круга родных, знакомых и просто любителей мемуарной литературы – он, несомненно, вызовет неподдельный интерес у широкого круга читателей, и в частности у историков, изучающих трагедию еврейского народа, оказавшегося под властью нацистского тоталитарного режима. Журнал привлечет внимание широкого круга исследователей и читателей, интересующихся вопросами истории Второй мировой войны, Катастрофы и Сопротивления. Публикация и появление этого издания стало значимым событием и для Израиля, где до сих пор живы немногие спасшиеся евреи. Несомненно, личное мужество и стойкость евреев, проявленные в тяжелейших условиях, где каждый прожитый день был подвигом, должны стать примером для последующих поколений граждан Израиля, к счастью, к счастью, лично не знакомых с Катастрофой. Затронули авторы судьбы выживших в Катастрофе и проблему их возвращения к нормальной жизни. Мы уверены, что у читателей этот журнал вызовет неподдельный интерес к людям, которые в исключительных жизненных обстоятельствах сохранили достоинство и сумели выстоять. В воспоминаниях выживших, каждое свидетельство уцелевших в Катастрофе важно потому, что в их непосредственных рассказах, «как в капле воды» отражена вся трагедия «океана Катастрофы».

Журнал заставляет читателя задуматься о том, как могло произойти запланированное и осуществлённое убийство целого народа в XX-ом веке.

Журнал «Судьбы Холокоста» является важным документом, по которому современная молодёжь может познакомиться с правдой о Катастрофе и цене, которая была заплачена человечеством за свободу. В этих журналах подтверждается мысль, что Государство Израиль – единственное место на земле, где евреи могут защитить себя собственными силами. Несомненно, журналы следует рекомендовать как учебное пособие для школ и учителей, где изучают историю Катастрофы и Сопротивления. Они должны быть в каждой библиотеке.

Поэтому считаем целесообразным продолжение издания, которое будет дополнено новыми для читателей материалами, именами и подробностями. Желаю Людмиле Барановской и её коллегам дальнейших творческих успехов в продолжении благородного дела. Это нужно современникам и потомкам.

По нашему мнению журнал заслуживает самой высокой оценки.

580210318 ע"ר

עמותת ניצולי
מחנות הריכוז
והגטאות
בישראל (ע"ר)

ASSOCIATION OF
CONCENTRATION
CAMPS AND GHETTO
SURVIVORS IN ISRAEL

Всеизраильская
Ассоциация
"Уцелевшие в
концлагерях
и гетто"

«Истории о зверствах читают прежде всего- оставшиеся в живых. Чтобы постичь, пусть с опозданием, истину... Потрясенные, завороженные, глаза ваши продолжают смотреть. Вы разбили зеркало и проникли в зазеркалье. Переворачивайте страницы. Лейте до дна тот мрак, который вам открывается... удержите в памяти ...»

Эли Визель, писатель, лауреат нобелевской премии

НЕУЖЕЛИ МИР ОПЯТЬ ПРОМОЛЧИТ? ОПЯТЬ, КАК ВО ВРЕМЕНА ГИТЛЕРА?

Снова, реальные новости во Франции не освещаются, как положено. Чтобы дать некоторое представление о том, что происходит во Франции, где сегодня проживают примерно 5-6 миллионов мусульман и около 600 тысяч евреев, я пишу это письмо.

Я - еврей, и поэтому я отправляю это сообщение всем, чьи адреса в моей электронной адресной книжке. Я не собираюсь сидеть, сложа руки и не делать ничего. Нигде ещё пламя антисемитизма не возгорелось так жаростно, как во Франции:

в Лионе автомобиль врезался в синагогу и поджёг её.

В Монпее зажигательная бомба была сброшена на еврейский религиозный центр, а также на синагоги в Страсбурге и Марселе, а также на еврейскую школу в Кретей - и всё это недавно.

Еврейский спортивный клуб в Тулузе атаковали "коктелями Молотова", а на статуе Альфреда Дрейфуса в Париже намалевали слова "грязный жид".

В Бонди 15 человек напали на участников еврейской футбольной команды и избили их палками и металлическими прутами.

Школьный автобус с еврейскими детьми в Обервийе подвергся атакам трижды за последние 14 месяцев.

По данным полиции, в городской черте Парижа за последние 30 дней наблюдалось от 10 до 12 антиеврейских

актов ежедневно. Стены еврейских кварталов изуродованы надписями: "евреев - в газовые камеры" и "смерть евреям".

Вооружённый мужчина открыл огонь по кошерной мясной лавке (и конечно, по её владельцу) в Тулузе.

В городе Вийорбан 5 мужчин напали и подвергли избиению молодую еврейскую пару. Молодым было по 20 лет. Женщина была беременна.

В городе Сарсель вандалы вломились в еврейскую школу и разгромили её. Всё это произошло лишь за последнюю неделю.

Поэтому я призываю вас, кто бы вы ни были: собрат-еврей, друг или просто человек, обладающий способностью и желанием отличать порядочность от развращённости, - сделать хотя бы эти три простые вещи:

Во-первых, озабочьтесь хотя бы тем, чтобы быть в курсе. Не позволяйте ввести себя в заблуждение, что это не ваша битва. Позвольте напомнить вам слова пастора Нимайера во время Второй мировой войны: "Сначала они пришли за коммунистами, и я промолчал, потому что я не коммунист. Потом они пришли за евреями, и я промолчал, потому что я не еврей. Потом они пришли за католиками, и я промолчал, потому что я протестант. И тогда они пришли за мной, к тому времени уже не осталось никого, кто мог бы вступить за меня".

Во-вторых, бойкотируйте Францию и её продукцию. Только арабские страны обладают более ядовитым антисемитизмом, по сравнению с Францией, и в отличие от них, Франция экспортирует не только нефть и ненависть. Давайте объявим бойкот их винам и их парфюмерии, их одежде и их продуктам питания. Бойкотируйте их фильмы. И уж точно, бойкотируйте их побережья. Если у нас будет достаточно решимости, мы сможем оказать на них реальное давление. И что бы ещё мы ни знали о французах, а это мы знаем о них вполне определённо: перед лицом хорошо направленного давления, они как паутина под ураганным ветром.

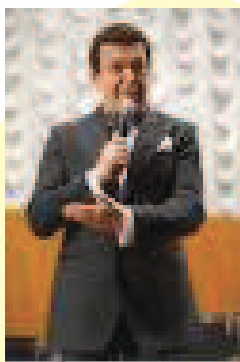
Во Франции подожжены две синагоги. Отчаянная антиизраильская пропаганда во французских масс-медиа совпала с всплеском агрессии в отношении еврейской общины страны.

Самое серьёзное нападение было осуществлено на синагогу района Ладюшер в Лионе, втором по величине городе Франции. Ночью к воротам храма подъехали пять легковых машин. Из них выскочили полтора десятка молодых людей. Они подожгли две легковушки, как выяснилось позже, украденные. Машины направили на ворота синагоги как пылающие тараны. В итоге ограда была сломана, автомобили вкатились во двор синагоги, пострадали занявшиеся от огня ворота Божьего дома. В тот же день несколько молодых арабов напали на улице там же, в Лионе, на молодую еврейскую пару. Муж и беременная жена с побоями угодили в больницу.

Эльмар Гусейнов Париж

В последнее время в газетах стало появляться большое количество статей о еврейских местечках бывшей черты оседлости. Не странно ли то, что по мере отдаления от тех далёких времен, когда существовали местечки, о них всё больше и больше вспоминают сегодня?...

В этом нет ничего странного. В человеке всегда теплится желание узнать о своих национальных корнях. А корни эти чаще всего именно там, в местах, ограниченных чертой оседлости, в источниках еврейской духовной и патриархальной жизни. Важно передать новому поколению знания о прошлом нашего народа, ибо без прошлого нет ни настоящего, ни будущего. Слава Богу, есть еще люди, которые могут рассказать об услышанном от своих дедушек и бабушек, от отцов и матерей. Хотя, к сожалению, их осталось довольно мало. Они помнят такие подробности о тех далёких временах, которые не сыщешь в самых толстых томах исторической литературы. Мы обязаны помнить о шести миллионах наших братьев и сестёр, родных и друзей, погибших в дни войны. Но разве только пересказом об их гибели мы сохраняем память о них? Мы должны сохранить

малейшие подробности их жизни, чтобы наша еврейская молодежь знала все о бабушках и дедушках, живших в еврейских штэтлах, мы обязаны сохранить их богатейшую идишскую культуру. Сохранить – ради них. И для нас. Помните и чтите те давно ушедшие времена старого еврейского местечка, с его традициями и богатым языком – идиш.

Мы открываем новую рубрику популярной песней, написанной неизвестными авторами, исполняемой на идиш Ефимом Александровым, а на русском языке Иосифом Кобзоном.

МАЙН ШТЭТЛ

Русский вариант песни

Еврейское местечко с синагогой
И с ворохом гешефтов и забот,
Рожденный под звездой его убогой
Я в нем не жил, оно во мне живет

Припев:

Местечко, местечко, над крышей дым колечком.
Упала на крылечко субботняя звезда,
А в доме нету лада, и ехать все же надо,
Ой, кто бы подсказал бы, откуда и куда.

Местечко поднималось из пожаров
Горевшее, как эти семь свечей,
Мы дали миру много комиссаров,
Но, слава Богу, больше скрипачей.

Припев: тот же.

Красавицы у нас так это чудо,
И потому детишек полон дом,
И от куриной шейки до полуда
Мы ничего на веру не берем.

Припев:

Местечко, местечко, над крышей дым колечком,
Упала на крылечко субботняя звезда.
А в доме нету лада, и ехать все же надо,
Ой, кто бы подсказал бы откуда и куда

(от польского мястечко — городок; на идиш — **העיר**, штетл, поселение полугородского типа в Восточной Европе чаще всего с преобладающим еврейским населением. В еврейском обиходе понятие «местечко» также подразумевало характер своеобразного быта восточноевропейского еврейства, его религиозно-культурную обособленность и духовно-социальную автономию общины и поэтому распространялось даже на небольшие города, 20–25 тыс. жителей, с преимущественно еврейским укладом жизни. Маленькие местечки называли уменьшительно штэтлэ)

«МАЙН ШТЭТАЛЕ»

Очень длинным получился бы список уничтоженных фашистами еврейских местечек, если бы его кто-то составил. В эти места, после войны не вернулись даже чудом уцелевшие, и, таким образом, местечки эти перестали существовать. Но историческое значение этих штэтлэх для всего еврейства представляют большую ценность, т.к. именно там сохранялись еврейские традиции, еврейские песни, народное творчество с его богатейшим колоритом. Вот почему и в память об убиенных, и желая сохранить идишкэйт, наш журнал решил открыть уголок «МАЙН ШТЭТАЛЕ», в котором будут публиковаться песни и рассказы о наших бабушках и дедушках, об идишской культуре. Цель этого уголка: не только сохранить память наших предков, но и поддержать уходящий (как некоторые утверждают) идиш.

Учитывая, что многие из наших читателей не могут читать тексты, написанные идишским алфавитом, тексты будут излагаться в транскрипции, т. е. идиш – но русскими буквами.

Майн штэтл, с'клеине, ви их бин гебойрн
Лэбт тиф бай мир ин харцн биз ацинд.
Хоч ин а гройсер штот бин их дерцойгн,
Дермон их эс, майн штэталэ гешвинд.

Припев

Майн штэтл, майн штэтл!
Фунм коймен гейт а рейхл
Ун шабесдике штерн ин himл лойхтн шейн.
О, штерн! Ир, штерн!
Мир вилн бай айх фрегн:
Вуһин мир музн форн?
Ир гит унз цу фарштейн.

Ви от ди зибн лихт фун дер меноре
Гебрент хот унзер штэтл вифл мол.
Нор, фар дер велт гешенкт хот кнейнеһорэ
Баримте, войле менчн он а цол.

Припев.

Кейн фроен шенер, киндер талентиртер
Ви инеем штэтл блониз из нит гевен.
Цу алцдинг фэинг, ун дос из дер икер
Ди штэтлдике алц һобн гекент.

Ведущий рубрики ЮРИЙ (ГИЛЬ) КРЕМЕР

еврейский автор слов **Майн штэтл.** Непознанный автор музыки

Майн штэтл - тл скле-не ви их бинге - бой-ры - Лебт
тиф бай мир ин хар-цн биз ацинд. Хоч ин а грой-сер штот бинск дер-цой-гн - дер
мон их эс майн штэ-та - ле ге-швинд. Майн штэтл! Майн штэтл - тл!
Фунм кой-менгейт а рей-хл Ун ша-бес-дик дштерн ин - ки-м лойх-тн шейн
Майн штэтл - тл! Майн штэтл - тл! Мир ви-ли бай айх фре-гн
Ву-һин мир дар-фн форн ир гит унз цу - фар-штейн.

Евреи, иудаизм, Израиль

Главы из книги

VI

Антисемитизм

От возникновения до Катастрофы

*«Эйсав ненавидит Якова — так устроен мир»
Рабби Шимон бар Йохай.*

*«Антисемитизм — это кнут в руке Всевышнего,
кнут, которым Г-сподь наказывает нас за грехи»
Рав Ицхак Зильбер, «Пламя не спалит тебя».*

*«Антисемитизм — тень еврейского народа»
Альберт Эйнштейн.*

*«Евреев ненавидят за их достоинства, а не за их пороки»
Теодор Герцль.*

6.1. ПРОИСХОЖДЕНИЕ ТЕРМИНА

Слово «антисемитизм» впервые встречается в книге Вильгельма Марра (1818–1904) «Победа иудаизма над германизмом», 1878. Его книга вышла вскоре после объединения Германии Бисмарком, за которым последовал спекулятивный бум и финансовый кризис. Марр усмотрел в этом происки евреев и заявил, что немцев уже никто не может спасти, что «жестокый антиеврейский взрыв может лишь задержать крушение общества, пропитанного еврейским духом, но не помешать ему». «Диктатура евреев, — пророчествует он, — это лишь вопрос времени...» В следующем году он начал издавать журнал «Zwangslose Antisemitische Heft» («Свободная антисемитская тетрадь»), полный злобы и ненависти к евреям, и основал «Антисемитскую лигу». Берлинский проповедник Адольф Штеккер убедил своих последователей из маленькой христианско-социалистической рабочей партии принять антисемитскую платформу.

Нам не найти такого слова.
Причастность наша к иудейству
интуитивностью основы
нам от родных досталась с детства.

Все это в нас — из века к веку:
Судьба библейских испытаний
тоска погромов и наветов,
изгнания, бойни и скитанья...

Когда накануне Французской революции Национальная Ассамблея обсуждала вопрос о предоставлении евреям гражданских прав, ...один из видных депутатов Национальной Ассамблеи аббат Грегуар заявил:

«О, нации! Если когда-нибудь вы будете перечислять и записывать грехи евреев, не забудьте о том, что вы сделали этому народу»

Из комментариев к русскому переводу Торы главного раввина Британской империи д-ра Й. ГЕРЦА (издательства «Мосты культуры.»

Москва 2001
и «Гешарим» Иерусалим 5761)

Первый антисемитский конгресс состоялся в Дрездене в 1882 году, затем последовал конгресс в Касселе в 1886 году и Бохуме в 1889 году.

Марр использовал слово «антисемит» в смысле «антиеврей», полагая по невежеству, что кроме евреев не существует других семитов. В действительности, семиты — это потомки Шема, одного из трёх сыновей Ноаха (два других — Яфет и Хам). Шем был главой 11-го поколения людей на Земле. В Торе он упоминается также под именем Малки-Цедека, царя Шалема (будущего Иерусалаима). Это он вынёс хлеб и вино Аврааму, разгромившему четырёх царей и освободившему своего племянника Лота. Много потомков было у Шема. Наиболее известными семитами сегодня являются евреи и арабы. И евреи, и арабы — потомки Авраама, главы 20-го поколения людей на Земле. Мы, евреи, — потомки его младшего сына Ицхака и сына Ицхака Яакова. Арабы — потомки старшего сына Авраама, Ишмаэля, — ишмаэлиты. Таким образом, мы с арабами — сводные братья, у нас общий праотец Авраам, но разные праматери: у нас — еврейка Сара, у них — египтянка Агарь.

От греческих слов «фобия» (страх) и «филия» (любовь) происходят слова «юдофобия» — боязнь евреев и «юдофилия» — любовь к евреям. Термин «антисемит» настолько укоренился во всех языках единственно в смысле «антиеврей» — враг евреев, что, говоря сегодня о ненависти арабов (и вообще мусульман) к евреям, говорят об их антисемитизме. [Одна израильская журналистка Виктория Мунблит, бывший редактор газеты «Русский израильтянин», заявила, что «арабы не могут быть антисемитами, поскольку они сами семиты». Её поддержал сирийский министр обороны Мустафа Тласс, автор книги «Маца Сиона», посвящённой «кровавому навету». Он говорит: «знают ли они, кто такие семиты, обвиняя меня в антисемитизме. Знают ли, что я — араб, то есть семит, а антиарабизм — это антисемитизм»]. В качестве синонима антисемитизма в Израиле используется выражение «синат Исраэль» — ненависть к Израилю.

Как пел Владимир Высоцкий:

*Зачем мне считаться шпаной и бандитом,
Не лучше ль податься мне в антисемиты.
На их стороне, хоть и нету законов, —
Поддержка и энтузиазм миллионов.
Решил я — и, значит, кому-то быть битым,
Но надо ж узнать, кто такие семиты...
Но друг и учитель — алкаш в бакалее —
Сказал, что семиты — простые евреи.*

Однако, уточняет московский режиссёр Марк Розовский, «не каждый подлец — антисемит, но каждый антисемит — подлец».

6.2. ОТКУДА ВЗЯЛСЯ АНТИСЕМИТИЗМ, КАК И КОГДА ОН ПОЯВИЛСЯ?

Мудрецом, старым всё знающим и всё понимающим ребе, называл Илья Эренбург

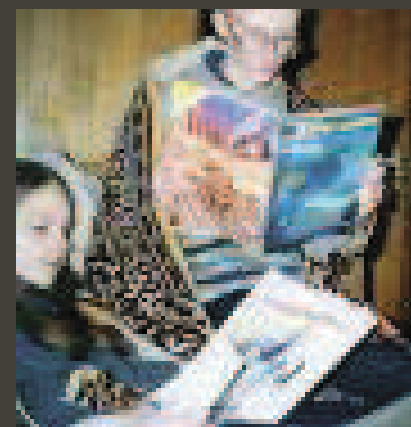
Исаака Бабеля. Но вот не всё, оказывается, знал Бабель. Он признавался: «Временами мне кажется, что я могу понять всё. Но одно я никогда не пойму — причину той чёрной подлости, которую так скучно зовут антисемитизмом».

Действительно, откуда взялся антисемитизм, как и когда он возник?

Обратимся к Талмуду. В трактате «Шабат», 89, читаем: «В то время, когда получили евреи Тору на горе Синай, снизошла на гоев ненависть к Израилю». Очевидно, возненавидели они евреев не из-за земли: её у нас ещё не было, и не из-за богатств: какие богатства у недавних рабов! Так что же, ненависть без причины? Нет, причина была. Дело в том, что, ощущая свою незащищённость перед окружающим их миром, видя во всём руку Творца и осознавая Его силу и могущество, язычники отказали Ему в праве проявлять эту силу в сотворённом Им мире. Именно поэтому отказались потомки Ишмаэля и потомки Эйсав принять Б-жественные заповеди, принять Тору: «Это нам не подходит, мы не можем жить по Твоим заветам». Вполне естественно, что они немедленно возненавидели евреев, ответивших Б-гу на Его предложение: «Наасе ве-Нишма» («исполним и поймём», Шмот, 24:7). В отличие от язычников, евреи даже не спросили Творца: «А что написано в Твоей Торе?» Они знали от своих праотцев Авраама, Ицхака и Якова, что все Его деяния — во благо. Они верили, что через исполнение Его предписаний придёт и понимание их. Таким образом, антисемитизм родился из неприятия Торы, из отрицания её, из антииудаизма и, как следствие, из отрицания евреев — живых носителей Б-жественного учения. Поэтому и сказал Раши в комментариях (Бамидбар, 10:35): «Те, кто ненавидят Израиль, ненавидят и Того, кто сотворил мир».

«Евреи принесли в языческий мир монотеизм, универсальный закон, универсальную мораль. Евреи несут в истории ношу, возложенную на них Б-гом, и по этой причине им никогда не было прощения, а ненависть к ним оказалась самой сильной ненавистью в истории человечества», — пишет католический священник Эдвард Х. Фланнери, председатель Американской национальной конфедерации католических епископов в книге «Муки евреев», Тель-Авив, 1991.

«Эйсав (сын Ицхака, брат Якова, прародитель Рима) ненавидит Якова — так устроен мир», — утверждает великий рабби Шимон бар Йохай, автор важнейшей книги по Каббале «Зохар». Борьба Эйсав с Яковом началась ещё в утробе их матери Ривки. В первой книге Торы «Берешит» (25:22–23) читаем: «И толкались сыновья в утробе её... и сказал ей Г-сподь: «Два народа в утробе твоей». Когда исполнилось Эйсаву 15 лет, он продал своё первородство брату: «На что мне первородство?» — сказал он Якову» (Берешит, 25:32). «И презрел Эйсав первородство», — читаем далее (Берешит, 25:34), и тем самым потерял право на отцовское благословение, передаваемое старшему сыну, на принятие еврейской традиции, которую Авраам передал Ицхаку. Однако, узнав, что Ицхак, отец Эйсав и Якова, передал это благословение Якову, Эйсав тотчас же возненавидел Якова. «И сказал Эйсав в сердце своём: «Наступят дни траура по отцу моему — и убью я Якова, брата моего» (Берешит, 27:41). Эта ненависть Эйсав к Якову и есть изначальный антисемитизм, «тень еврейского народа» (А.Эйнштейн).

« 4. Ты соблюдать повелел указанья свои очень строго.

5. Пусть по законам твоим мои будут пути... »

(«Теилим». Книга пятая.
(стих 119)

Katerpress Enterprises.
Jerusalem.
Комментированный
перевод Шимона Аш)

ПРОДОЛЖЕНИЕ В ЖУРНАЛЕ № 6

Из интернета, прислано. Эд. Матовым

